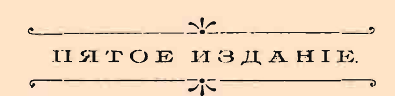
ОБЩЕДОСТУПНЫЯ ЧТЕНІЯ

О РУССКОЙ ИСТОРІИ

Сергѣя Соловьева.


ПЯТОЕ ИЗДАНІЕ.



Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°, Пименовская улица, соб. д.
МОСКВА—1908.


Библиотека "Руниверс"

ОБЩЕДОСТУПНЫЯ ЧТЕНІЯ

О РУССКОЙ ИСТОРІИ

Сергѣя Соловьева.





Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К⁰, Пименовская улица, соб. д.
МОСКВА—1908.



ЧТЕНІЕ I.

О томъ, откуда пошла русская земля и кто были въ ней первые князья.

По двумъ частямъ свѣта, по Европѣ и Азіи, идутъ русскія земли: въ Европѣ онѣ занимаютъ почти всю восточную ея часть, и вы видите, какъ всѣ остальныя государства европейскія, даже иныя большія, напримѣръ: Франція, Германская имперія, Австрійская имперія, не велики въ сравненіи съ Россіею; въ Азіи она занимаетъ всю сѣверную ея часть, кромѣ того, русскія владѣнія находятся и въ средней Азіи, и на Кавказѣ; и здѣсь, въ Азіи, самыя большія государства, даже обширная Китайская имперія, меньше азіатской части Россіи. Нѣкоторыя европейскія государства имѣютъ большія владѣнія въ другихъ частяхъ свѣта, напримѣръ, Англія владѣетъ въ Азіи Индіею; но эти владѣнія находятся далеко за океанами, и населены они чужими народами, не похожими на англичанъ ни вѣрою, ни языкомъ, ни обычаями, тогда какъ русскія владѣнія идутъ сплошь, безъ перерыва, и населены они, кромѣ нѣкоторыхъ мѣстъ по краямъ, сплошь однимъ русскимъ народомъ. Не только теперь, и въ прежнее время не бывало никогда такого большого государства, какъ Россія: велика была въ старину Римская имперія, но и та была меньше Россійской имперіи.

Если же мы теперь посмотримъ, какъ населена Россія сравнительно съ другими государствами, то найдемъ, что Россія населена гораздо меньше, чѣмъ другія страны. Китайская имперія, напримѣръ, меньше Русской и немалымъ: въ Китайской считается 192 съ чѣмъ-нибудь тысячи квад-

ратныхъ миль, а въ Россіи 400 слишкомъ тысячъ такихъ миль, тогда какъ народу въ Россіи 130 милліоновъ, а въ Китаѣ 475 милліоновъ. И въ Европѣ многія государства гораздо гуще населены, чѣмъ Россія. Когда очень много народу въ странѣ, не хорошо, нечѣмъ кормиться, принуждены идти за хлѣбомъ въ чужія страны, тысячами выселяться за море. Но когда въ большой странѣ очень мало народу, тоже не хорошо: большую страну надобно защищать большимъ войскомъ, а гдѣ взять людей? большое войско надобно содержать, а гдѣ денегъ взять? Рабочихъ рукъ мало, и промыслы не идутъ какъ слѣдуетъ. И теперь въ Россіи жителей немного въ сравненіи съ пространствомъ страны, а взять лѣтъ триста назадъ—было еще меньше, пятьсотъ лѣтъ—еще меньше; что же было, если взять восемьсотъ, тысячу лѣтъ? Разумѣется, прежде Россія была меньше, чѣмъ теперь, но все же съ самаго начала была велика, а жителей очень мало; враги со всѣхъ сторонъ, а границы открытыя, нѣтъ горъ, которыя бы окружали страну и защищали ее, надобно жителямъ защищаться грудью; нападетъ непріятель нечаянно, осилитъ, одно убѣжище—въ лѣсахъ: у другихъ народовъ, у нѣмцевъ, французовъ, англичанъ, итальянцевъ, испанцевъ,—горы, можно построить крѣпость на высокомъ, неприступномъ мѣстѣ, крѣпость каменную, камня много въ горахъ: а у насъ города нѣтъ, камня мало, дома деревянные, и крѣпости, города были огорожены деревянными стѣнами; чуть искра въ сухое, лѣтнее время, и нѣтъ половины города, а иногда и цѣлаго. Тяжело было нашимъ предкамъ, тяжелѣе, чѣмъ другимъ народамъ, потомъ и кровью полили они свою землю, много бѣдъ вытерпѣли.

Русскій народъ принадлежитъ къ славянскому племени; много другихъ народовъ принадлежитъ къ этому же большому племени, но изъ нихъ теперь независимъ, имѣетъ свое государство только русскій народъ, да черногорцы, которые въ своей маленькой, гористой странѣ успѣли отстоять свою независимость. Изъ другихъ славянскихъ народовъ поляки живутъ подъ русскою властію, но часть ихъ

принадлежитъ Пруссіи и Австріи. Много славянъ въ Австрійской и Турецкой имперіяхъ: въ Австрійской чехи, моравы, словаки, словенцы, хорваты, сербы; другіе сербы имѣютъ своего князя, но признаютъ власть султана турецкаго; подъ турецкою же властію живутъ болгары *).

Сначала славянское племя жило по рѣкѣ Дунаю, въ странахъ богатыхъ, плодоносныхъ; но долго оно не могло жить покойно, со всѣхъ сторонъ нападали на него другія племена, что заставило многихъ славянъ двинуться на сѣверъ и на востокъ; тутъ-то они заселили и страну, которая теперь называется Россіею, сначала заняли западную ея часть, по рѣкамъ Днѣпру, Окѣ, Западной Двинѣ, рѣкамъ, въ нихъ впадающимъ, и дальше на сѣверъ по рѣкѣ Волхову. Усѣвшись здѣсь, они прозвались разными именами, одни отъ мѣстъ, гдѣ жили, напримѣръ, поляне отъ поля, древляне отъ деревъ или лѣса, другіе отъ именъ родоначальниковъ своихъ, напримѣръ, радимичи, вятичи; но одного общаго имени у нихъ не было, потому что они не составляли одного народа, не имѣли одного общаго правительства. Страна была большая и пустая, тѣсниться въ одномъ мѣстѣ не было нужды, и славяне разбросались на обширныхъ пространствахъ. Каждый жилъ отдѣльно съ дѣтьми, младшими братьями и племянниками и управлялъ всѣмъ этимъ родомъ своимъ; размножится родъ, укрѣпитъ свое жилище, обнесетъ тыномъ, деревянною стѣною, и явится городъ, т.-е. огороженное мѣсто. Случалось, что эти роды сталкивались другъ съ другомъ, вели войны; но больше страдали отъ внѣшнихъ враговъ, особенно тѣ, которые жили къ юго-востоку, по нижнимъ частямъ Днѣпра и рѣкамъ, впадающимъ въ него здѣсь. Въ южной Россіи, которая и теперь рознится отъ сѣверной тѣмъ, что представляетъ степное пространство, тогда какъ сѣверная покрыта лѣсомъ,—въ южной Россіи съ незапамятныхъ поръ шатались кочевые на-

*) Въ настоящее время Сербія вполнѣ самостоятельна, болгары же имѣютъ своего князя, но платятъ дань султану. *Изд.*

роды, похожіе на нашихъ калмыковъ и киргизовъ. Приходили они большими толпами изъ Азіи и надолго оставались въ нынѣшней Россіи, по Волгѣ, по Дону, по берегамъ Чернаго моря; нападали другъ на друга, покоряли, выталкивали другъ друга, двигались дальше на западъ. Славянамъ приходилось отъ нихъ очень тяжело; славяне были слабы, потому что жили разбросанно на большихъ пространствахъ, вдалекѣ другъ отъ друга; нападутъ враги врасплохъ, большими толпами, и заберутъ ихъ по одиночкѣ, собираться вмѣстѣ некогда да и непривычно, общихъ начальниковъ не было, большихъ городовъ не было. Всего легче было для славянъ, когда эти хищныя орды придутъ, наложатъ дань и уйдутъ, а потомъ въ извѣстные сроки присылаютъ собирать эту дань, которая обыкновенно состояла въ мѣхахъ.

На сѣверѣ Славяне жили также подлѣ иноплеменниковъ, Финновъ (чухонцевъ); такъ Славяне жили около озера Ильменя, а около Бѣлаозера жилъ финскій народъ, называвшійся Весью. Отъ Финновъ Славяне не терпѣли нападеній; но у нихъ тутъ были другіе враги. Недалеко было море Балтійское, а по этому морю плавали удальцы, богатыри изъ всѣхъ прибрежныхъ странъ подъ начальствомъ самыхъ храбрыхъ изъ нихъ, князей или морскихъ королей; у нихъ не спрашивалось, откуда и кто приходилъ, какого былъ племени, славянинъ или нѣмецъ, былъ бы только храбръ, какъ потомъ было у нашихъ казаковъ—всякаго принимали, но преимущественно дружины этихъ морскихъ богатырей составлялись изъ жителей Скандинавіи, т.-е. изъ шведовъ, норвежцевъ, датчанъ. Эти морскіе богатыри были знамениты по всей Европѣ: всѣ приморскіе жители ихъ сильно боялись; войдутъ на своихъ легкихъ лодкахъ въ устье какой-нибудь большой рѣки—бѣда прибрежной странѣ, все запустошатъ. Звали этихъ морскихъ богатырей Варягами, а у нашихъ Славянъ слыли они подъ именемъ Руси.

Такіе-то морскіе богатыри, Варяги, были страшны и нашимъ Славянамъ, и сосѣдямъ ихъ Финнамъ, которые жили недалеко отъ моря; проходъ Варягамъ къ Славянамъ былъ

легокъ: въ Финскій заливъ, оттуда въ Неву, въ Ладожское озеро и въ Волховъ, по которому жили Славяне, гдѣ у нихъ и былъ городъ Новгородъ. Варяговъ манило здѣсь то, что имъ водою, съ небольшимъ волокомъ, можно было перебраться въ Днѣпръ, Днѣпромъ въ Черное море, а Чернымъ моремъ въ Грецію. Гдѣ теперь Турція, тамъ была Восточная Римская, или Греческая Имперія, столицею у нея былъ Константинополь, или Царьградъ; тутъ Варяги при случаѣ пограбятъ, а то наймутся служить въ гвардіи у греческаго императора. Вообще всѣмъ этимъ сѣвернымъ жителямъ нравились южныя теплыя страны, гдѣ природа была богаче; особенно привлекала ихъ Греція, Царьградъ, гдѣ они видѣли наяву никогда и не снившіяся имъ чудеса, огромный городъ, самый красивый въ мірѣ, наполненный богатыми домами, великолѣпными церквами, дворцами, памятниками, сдѣланными такъ искусно; императоръ, окруженный пышнымъ дворомъ, патріархъ служитъ обѣдню у св. Софіи, пѣвчіе поютъ такъ хорошо: человѣкъ стоитъ и думаетъ, что онъ на небесахъ; а на сѣверѣ ничего такого не было: жили люди въ маленькихъ избушкахъ, ходили въ нагольныхъ тулупахъ. И вотъ Варяги не прочь были поселиться у нашихъ Славянъ на Волховѣ, чтобы оттуда легче было перебираться на Днѣпръ и спускаться по немъ въ Черное море. Варяги покорили сѣверныхъ Славянъ и сосѣдей ихъ Финновъ и стали жить у нихъ, т.-е. владѣть; Славянамъ не понравилось это незваное властвованіе; они собрались и прогнали Варяговъ. Но потомъ никакъ не могли уладиться, и начались у нихъ междоусобныя войны. Тогда они стали говорить между собою: «поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами и судилъ всѣ дѣла справедливо». Не нашедши между собою такого человѣка, который бы разбиралъ всѣ дѣла одинаково, не былъ ни на чьей сторонѣ и котораго бы всѣ слушались, отправили пословъ за море къ морскимъ богатырямъ, Варягамъ, къ ихъ предводителямъ, тремъ братьямъ князьямъ Рюрику, Синеусу и Трувору. Послы имъ сказали: «Земля наша велика и обильна, да порядка

въ ней нѣтъ, ступайте княжить и владѣть нами». Рюрикъ съ братьями согласились и пришли: Рюрикъ сѣлъ у Славянъ въ Новгородѣ, Синеусъ у Финновъ на Бѣлѣозерѣ, Труворъ у Славянъ, жившихъ въ нынѣшней Псковской губерніи, въ Изборскѣ; отъ нихъ-то и прозвалась русская земля. Это было въ 862 году по Р. X.

Здѣсь, слѣдовательно, на сѣверѣ, въ Новгородѣ, началась русская земля, началось русское государство. Въ наше время, въ 1862 году, исполнилось этому тысяча лѣтъ, и, по приказанію Государя Императора, воздвигнутъ былъ въ Новгородѣ памятникъ: на большомъ шарѣ представлена въ видѣ женщины Россія, которую ангелъ Божій благословляетъ крестомъ. Кругомъ стоятъ самые знаменитые русскіе князья и цари, каждый со своимъ дѣломъ, которое онъ совершилъ для блага Россіи; внизу, вокругъ всего памятника, представлены знаменитые русскіе люди, потрудившіеся разными дѣлами для родной земли. А мы теперь словомъ пройдемъ тысячу лѣтъ, вспомнимъ, что сдѣлали для Россіи, для насъ эти князья и цари и знаменитые люди, какія бѣды и напасти терпѣли и какъ спасалъ ихъ Богъ, какъ русское государство изъ такого малаго начала, какъ оно было въ Новгородѣ при Рюрикѣ, выросло такъ велико, что подобнаго нѣтъ да и не было на землѣ. Ростъ былъ тяжелъ, все надобно было начинать сначала, помощи мало, а препятствій много. Первый князь Рюрикъ прожилъ всю жизнь на сѣверѣ; только и осталось о немъ извѣстіе, что строилъ города и разсылалъ вельможъ своихъ строить ихъ. Эти города или маленькія крѣпости были деревянные, съ деревянными стѣнами, и потому тогда говорили: р у б и т ь г о р о д ъ вмѣсто—строить городъ.

Князь привелъ съ собою дружину, толпу храбрыхъ людей, которые постоянно жили съ нимъ. Пойдутъ на войну, встрѣтятся съ непріятелемъ, князь впереди, начинаетъ сраженіе; кто храбрѣе, тотъ ближе къ князю, да и всѣ стараются не отстать отъ князя, не выдать его: стыдъ и срамъ, если князя убьютъ или въ плѣнъ возьмутъ, а дружина цѣла

останется. Какъ только явился князь съ дружиною среди Славянъ, такъ и изъ нихъ пошли къ нему въ дружину люди храбрые, у которыхъ, какъ говоритъ старинная пѣсня: «силушка по жилочкамъ переливалась и грузно было отъ силушки словно отъ тяжкаго бремени». До сихъ поръ нечего было имъ дѣлать, пропадала ихъ сила, а теперь потянулись они въ княжескую дружину; князь принималъ ихъ радушно, мѣсто каждому и почетъ по храбрости. До тѣхъ поръ жили отдѣльно большими семьями или родами, вся родня вмѣстѣ не дѣлясь, подъ управленіемъ старшаго, и мѣсто было каждому, честь по старшинству только; теперь, когда явился князь съ дружиною, пошелъ дѣлежъ въ народѣ; сильные, храбрые, по тогдашнему лучшіе люди, пошли въ дружину, народъ раздѣлился на дружину или войско и на людей, которые остались жить на старыхъ мѣстахъ, при прежнихъ занятіяхъ земледѣльческихъ. Князь живетъ съ дружиною въ одномъ городѣ, строитъ другіе города, гдѣ понужнѣе для безопасности страны, и посылаетъ въ эти города отряды дружины, приставивъ къ ней начальниковъ кто похрабрѣе и поразумнѣе. Дружина, войско, ходитъ въ походъ съ княземъ, защищаетъ страну, сторожитъ города. Дружина работать, землю пахать, платье и сапоги себѣ шить не можетъ; ее должны кормить, содержать другіе, которые живутъ за нею въ мирѣ, за которыхъ она сражается. Остальной народъ поэтому долженъ давать дань князю, а князь на эту дань содержать дружину. Сначала князь съ дружиною самъ ходитъ за данью, при чемъ жители представляютъ ему жалобы, онъ ихъ судитъ, и виновные платятъ ему пеню.

Въ городахъ сидитъ дружина и бережетъ ихъ; но когда придетъ вѣсть, что непріятель приближается, то весь сельскій народъ бѣжитъ въ городъ со всѣмъ своимъ имуществомъ, чтобы найти себѣ защиту за стѣнами, тогда какъ дружина или пойдетъ навстрѣчу врагу, или станетъ отбиваться въ городѣ, отсиживаться въ немъ. Но въ мирное время подъ стѣнами города начинаетъ селиться народъ: это

промышленные, ремесленные люди. Дружина сама не можетъ себѣ ни оружія выдѣлать, ни платья или обуви сшить, и вотъ людямъ, умѣющимъ все это сдѣлать, выгодно жить подлѣ дружины и работать на нее, кормиться отъ нея. Какъ скоро явились промыслы, какъ скоро явились люди, которые занимаются какимъ-нибудь однимъ дѣломъ, то является и торговля, ибо если кто куетъ оружіе или шьетъ платье, тому уже некогда землю пахать, хлѣбъ онъ долженъ покупать у другого, у сельскаго жителя, да ему некогда и ѣхать къ земледѣльцу для покупки хлѣба: и вотъ являются люди, которые тѣмъ только и занимаются, что купятъ у одного, да продадутъ другому, люди торговые, купцы; они разъѣзжаютъ по разнымъ мѣстамъ, покупаютъ дешево тамъ, гдѣ чего-нибудь много, и продаютъ подороже тамъ, гдѣ въ этихъ вещахъ нуждаются, берутъ барышъ за свой трудъ и за опасность, которой подвергаются. Имъ также выгодно имѣть свои дома подлѣ городовъ: главный сбытъ у нихъ товаровъ дружинѣ и промышленнымъ людямъ, которые сидятъ, занимаются однимъ какимъ-нибудь дѣломъ, а все нужное себѣ покупаютъ; притомъ у купцовъ и товаръ, и деньги, имъ нужно жить тамъ, гдѣ побезопаснѣе. Такимъ образомъ мѣсто подъ стѣнами города или крѣпости заселяется все больше и больше, садятся тутъ люди промышленные и торговые, и мѣсто потому называется посадомъ, а жители его посадскими людьми. Разбогатѣютъ эти посадскіе люди, захотятъ и свой посадъ огородить также стѣнами, и выходитъ городъ двойной; подъ этими новыми стѣнами опять селятся новые жители, разбогатѣютъ, огородятъ и свои жилища стѣною, и выйдетъ городъ тройной: внутренній городъ, или главная крѣпость, гдѣ живетъ князь или вельможа съ дружиною, да около него еще два, гдѣ живутъ промышленные и торговые люди. Такъ образовалась и Москва: въ серединѣ главный городъ или крѣпость, Кремль; подлѣ другой городъ—Китай, за нимъ Бѣлый городъ, который также былъ прежде обнесенъ стѣнами, затѣмъ еще земляной городъ, который имѣлъ земляныя укрѣпленія.

Какъ только стали появляться среди нашихъ сѣверныхъ Славянъ князья съ дружиною, такъ и пошло это раздѣленіе занятій. Кто былъ силенъ и храбръ, тотъ пошелъ въ дружину; у кого были способности на какое-нибудь ремесло, кто былъ смышленъ въ торговомъ дѣлѣ, пошелъ въ городъ, посадъ, промышлять своимъ дѣломъ. Въ городѣ стали собираться такимъ образомъ самые видные люди; тутъ жизнь пошла сильнѣе; тутъ новые, разные люди, новыя, разныя вещи, новыя, разныя рѣчи людскія, новые, разные обычаи; здѣсь народъ способный, дѣятельный, бывалый, могутъ поразсказать много любопытнаго, какъ живется въ другихъ странахъ, у другихъ народовъ, поразсказать, что съ ними самими случилось диковиннаго, посудить и порядить. Городъ поднимается: тутъ сила и власть, тутъ или самъ князь, или его вельможа съ дружиною, тутъ лучшіе люди, тутъ и богатство, хотя вначалѣ и небольшое, но все же больше, чѣмъ въ селѣ; а село живетъ попрежнему, каждый день одно и то же, тѣ же люди, тѣ же предметы, тѣ же однообразныя занятія, лучшіе люди уходятъ въ городъ, и сельскій народъ начинаетъ смотрѣть на городъ, какъ на мѣсто высшее, главное, отъ котораго онъ, сельскій народъ, зависитъ: оттуда приходятъ къ нему за данью, оттуда идетъ судъ и расправа. Что бы ни случилось, ни представилось важнаго, и въ умѣ сейчасъ городъ: и вотъ разбросанный, жившій прежде отдѣльными большими семьями или родами народъ началъ стягиваться около города, привыкать къ мысли, что между всѣми есть общая связь. Ближній городъ получилъ такое важное значеніе, но ближній городъ самъ зависитъ отъ другого, гдѣ живетъ князь, и всѣ города со своими окрестными странами стягиваются около этого главнаго города, гдѣ княжескій престолъ, или какъ тогда называли, с т о л ъ, откуда пошло и названіе с т о л ь н а г о города, по нашему с т о л и ц ы.

Все это, разумѣется, сдѣлалось не вдругъ, а мало-по-малу: скоро сказка сказывается, а не скоро дѣло дѣлается; но все это начало дѣлаться въ восточной Европѣ, когда

здѣсь начало русскимъ духомъ пахнуть, когда здѣсь началась Русь, когда здѣсь утвердился князь съ дружиною и началъ строить города. Братья Рюрика скоро умерли, и онъ владѣлъ одинъ изъ Новгорода и владѣлъ уже широко, потому что одинъ вельможа его сидѣлъ въ Ростовѣ, а другой въ Полоцкѣ. Рюрикъ, умирая, передалъ княженіе Олегу, своему родственнику, поручивъ ему сына своего Игоря, который былъ еще ребенкомъ. Во время Рюрикова еще княженія толпа Варяговъ пробралась на югъ, внизъ по Днѣпру, и засѣла у Славянъ, называвшихся Полянами, въ городкѣ Кіевѣ; начальниками этихъ Варяговъ были два брата Аскольдъ и Диръ. Но Варяги не могли спокойно сидѣть въ Кіевѣ на Днѣпрѣ; ихъ тянуло отъ Днѣпра въ Черное море, къ Царьграду. На двухстахъ большихъ лодкахъ Аскольдъ и Диръ пошли на Грековъ и осадили Константинополь; но встала буря и разнесла ихъ лодки; Аскольдъ и Диръ, впрочемъ, спаслись и возвратились домой, въ Кіевъ. Но княжили они не долго: съ сѣвера изъ Новгорода шелъ на нихъ князь Олегъ съ большимъ войскомъ: были у него и Варяги, и Славяне, и Финны—всѣ храбрецы, которымъ хотѣлось повоевать, постранствовать, посмотрѣть чужія, дальнія стороны, обогатиться добычею, вещами дорогими, диковинными и поселиться потомъ въ странѣ лучшей, на благодатномъ югѣ,—всѣ собрались около храбраго князя. Олегъ пошелъ со своимъ войскомъ на югъ; пошелъ, т.-е. лучше сказать, поплылъ, потому что и послѣ, много вѣковъ спустя, единственный удобный путь по Руси былъ рѣками, потому что лѣса, озера, болота наполняли страну и дѣлали ее непроходимою; умножается народъ, увеличиваются пашни и лугъ, уменьшается лѣсъ, который поддерживаетъ сырость, и страна становится суше; а что было 1000 лѣтъ тому назадъ, когда тамъ, гдѣ теперь московскія улицы, жили бобры? Но гдѣ болѣзнь, тамъ Богъ посылаетъ лѣкарство: нигдѣ нѣтъ такихъ большихъ рѣкъ, какъ въ Руси; посмотрите на карту, какъ всѣ эти рѣки переплелись своими притоками: гдѣ начинается

одна рѣка, течетъ въ одну сторону и впадаетъ въ большую рѣку или озеро, тамъ подлѣ ея истока начинается другая, течетъ въ другую сторону и впадаетъ въ другую большую рѣку, и такимъ образомъ легко было плавать по всѣмъ этимъ обширнымъ пространствамъ Россіи; при этомъ не надобно забывать, что когда лѣсовъ было больше, сырости было больше, то рѣкъ было больше, и рѣки были многоводнѣе и судоходнѣе: теперь есть рѣки длинныя, но почти пересохшія, а въ старину онѣ были многоводныя и судоходныя, потому что въ берегахъ ихъ отрываютъ остатки большихъ судовъ.

Князь Олегъ плылъ изъ Новгорода; Новгородъ находится на рѣкѣ Волховѣ, который вытекаетъ изъ озера Ильменя, а въ это озеро съ юга впадаетъ большая рѣка Ловать; изъ Ловати въ Днѣпръ прямо попасть нельзя, надобно было лодки вытаскивать на берегъ и везти или тащить нѣсколько сухимъ путемъ, нужно было ихъ волочить, отсюда эти пространства между рѣками и называются волоками или волочками; такъ называются и нѣкоторые города, стоявшіе на такихъ волокахъ или водораздѣлахъ, Волокъ-Ламскій или Волоколамскій, Вышній-Волочекъ. Войско Олега, перебравшись съ лодками въ Днѣпръ, плыло свободно. По всему Днѣпру до Кіева Олегъ встрѣтилъ два крѣпкихъ мѣста или города, куда мѣстные жители могли собираться и обороняться,—Смоленскъ у Славянъ, которые назывались Кривичами, да Любечъ у Славянъ, которые назывались Сѣверянами; Олегъ взялъ и Смоленскъ, и Любечъ, и посадилъ тамъ своихъ вельможъ съ отрядами дружины. Наконецъ Олегъ подплылъ къ горамъ Кіевскимъ; войску своему онъ велѣлъ спрятаться въ лодкахъ и послалъ сказать Аскольду и Диру: «Мы купцы, идемъ въ Грецію отъ Олега и Игоря: придите повидаться съ нами». Аскольдъ и Диръ, ничего не подозрѣвая, пришли. Тутъ воины повыскакали изъ лодокъ, и Олегъ вышелъ съ Игоремъ и сказалъ Аскольду и Диру: «Вы не князья и не княжескаго рода, а я княжескаго рода, и вотъ сынъ Рюриковъ». Аскольда и Дира убили,

Олегъ сѣлъ княжить въ Кіевѣ и сказалъ: «Это будетъ мать русскимъ городамъ». Съ этихъ поръ князья стали жить на югѣ, и стольнымъ городомъ, столицею, сдѣлался Кіевъ.

Въ сосѣдствѣ съ Славянами-Полянами, жившими около Кіева, жили на западъ другіе Славяне, называвшіеся Древлянами (въ нынѣшней Волынской губерніи). Олегъ пошелъ на нихъ войною и заставилъ платить дань; потомъ пошелъ въ другую страну, на востокъ, гдѣ теперь Черниговская губернія и гдѣ тогда жили Сѣверяне. Сѣверяне эти уже платили дань Козарамъ. Олегъ наложилъ на нихъ дань легкую, а Козарамъ давать дань запретилъ; онъ говорилъ Сѣверянамъ: «Я непріятель Козарамъ, а съ вами у меня нѣтъ ничего». Олегъ послалъ и на рѣку Сожь спросить жившихъ тамъ Радимичей: «Кому даете дань?» Тѣ отвѣчали: «Козарамъ». Олегъ сказалъ имъ: «Не давайте Козарамъ, а давайте лучше мнѣ»,—и Радимичи согласились.

Такимъ образомъ эти Славяне вмѣсто того, чтобы давать дань Козарамъ, жившимъ на Дону и Волгѣ, стали давать дань русскому князю, жившему на Днѣпрѣ въ Кіевѣ. Но разница состояла не въ томъ только, что дань сперва шла на Донъ, а теперь на Днѣпръ: разница была большая. Козары, какъ всѣ эти кочевые и полукочевые народы, придутъ, возьмутъ дань и уйдутъ къ себѣ далеко въ степи и знать больше ничего не хотятъ; Славяне, заплативши поневолѣ дань, чтобы только ихъ не били и не грабили, остаются попрежнему жить розно, дико, бѣдно, попрежнему оттого остаются слабы; придутъ другіе враги, никто ихъ не защититъ, а самимъ собраться—дѣло непривычное, да и около кого или чего собраться? Но съ русскими князьями—другое дѣло. Олегъ, какъ скоро пришелъ на югъ, сѣлъ въ Кіевѣ, такъ сейчасъ же началъ строить города; онъ беретъ дань и раздаетъ ее дружинѣ; дружина сидитъ въ городахъ и защищаетъ ихъ, защищаетъ все окрестное народонаселеніе, которому есть теперь около чего собраться, которое теперь начинаетъ жить вмѣстѣ съ народомъ, разсѣяннымъ отъ Ладожскаго озера и озера Неро (подлѣ ко-

тораго Ростовъ) до Кіева; всѣ знаютъ одного князя, князя русскаго, живущаго въ Кіевѣ, къ нему въ дружину собираются храбрецы, богатыри, въ его города идутъ жить люди, которые хотятъ промышлять какимъ-нибудь ремесломъ или торговлею.

Въ 907 году между всѣмъ этимъ народомъ происходило что-то небывалое, готовили большія лодки, куда-то собирались; прежде на войну не хаживали, платили дань чужимъ народамъ, а теперь идутъ въ походъ съ княземъ Олегомъ, идутъ на Черное море, въ Грецію. Походъ былъ счастливый: возвратившись, разсказывали, какъ приплыли къ самому Цареграду; Греки замкнули гавань, затворили городъ. Олегъ вышелъ на берегъ, велѣлъ вытащить и корабли, и повоевалъ все около Константинополя. Греки испугались и прислали сказать ему: «Возьми дани сколько хочешь». Олегъ согласился и возвратился въ Кіевъ, неся золото, дорогія парчи, вина. Всѣ дивились такой удачѣ и такимъ богатствамъ и назвали Олега вѣщимъ (мудрымъ, чародѣемъ).

Преемникъ Олега, Игорь, сынъ Рюриковъ, два раза ходилъ на Грековъ. Сынъ Игоря Святославъ ушелъ было совсѣмъ изъ Кіева: ему очень понравилось на Дунаѣ въ Болгаріи, и онъ хотѣлъ остаться тутъ навсегда. Это былъ самый храбрый, самый войнственный изъ всѣхъ князей русскихъ: только и дѣлалъ, что воевалъ; захочетъ пойти на какой-нибудь народъ, прежде пошлетъ сказать ему: «хочу идти на васъ». Въ походы не бралъ съ собою ни возовъ, ни котловъ: изрѣжетъ мясо тонкими ломтиками, испечетъ самъ на угольяхъ, такъ и ѣстъ. Шатра у него не было, спалъ онъ на войлокѣ, положивъ сѣдло въ головы. Точно такъ же жила и вся его дружина. Греки собрали всѣ свои силы, чтобы выжить Святослава изъ Болгаріи. Однажды они его окружили войскомъ въ девять разъ большимъ, чѣмъ было у него. Русскіе испугались, но Святославъ сказалъ имъ: «Уже намъ теперь некуда дѣться; волею-неволею должны биться; не посрамимъ русской земли, но ляжемъ

здѣсь костями! мертвымъ не стыдно, а если побѣжимъ, то ляжетъ на насъ позоръ, отъ котораго некуда уйти; станемъ же лучше крѣпко, я пойду передъ вами: когда же голова моя ляжетъ, тогда думайте сами о себѣ». Воины отвѣчали ему: «Гдѣ твоя голова ляжетъ, тамъ и мы свои сложимъ!» Русскіе отбились отъ враговъ.

Но эта страсть къ войнѣ, къ покоренію странъ далекихъ, не была полезна для новорожденнаго государства русскаго и была ему не по силамъ. Вы видѣли, какое это было государство: съ самаго начала оно уже было очень велико, растянулось отъ Ладожскаго озера до Кіева; но много ли въ немъ было народа и какъ жилъ этотъ народъ? Много ли было деревянныхъ городковъ, которые построили первые князья для защиты, для промысловъ и торговли? Много ли могъ привести Святославъ съ собою войска въ Болгарію? Какъ ни былъ храбръ онъ самъ и дружина его, а не могъ удержаться. Князья перешли съ сѣвера на югъ, въ Кіевъ, и это было важно: они соединили всѣхъ славянъ, жившихъ разсѣянно на всемъ этомъ пространствѣ отъ Ладожскаго озера до Кіева, сдѣлали изъ нихъ одинъ народъ, сблизили ихъ съ Греціею, отъ чего, какъ увидимъ, очень скоро произошла великая польза; но дальше идти было не для чего; надобно было устроить и защитить то, что было уже въ рукахъ. Подлѣ были враги, отъ которыхъ нужно было безпрестанно защищаться; теперь въ наше время вся эта сторона къ востоку и югу отъ Кіева населена, теперь здѣсь русскія губерніи: Харьковская, Воронежская, Саратовская, Екатеринославская, Херсонская, Земля войска Донского; но тогда была здѣсь широкая степь, въ которой нельзя было поселиться мирному человѣку и заняться земледѣліемъ: съ востока, какъ саранча, налетали разбойничьи, кочевыя орды и пустошили все, что ни встрѣчалось: не даромъ ихъ называли бичами Божіими, которые посылались въ наказаніе за грѣхи; предки наши иначе ихъ и не называли, какъ погаными, поганью, ибо поучиться у нихъ было нечему, какъ у другихъ образованныхъ народовъ, только и знали они,

что били, жгли, грабили, женщинъ и дѣтей въ плѣнъ уводили. Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, жилъ въ степи и нападалъ на Русь такой разбойничій, кочевой народъ; называли его Печенѣгами. Чтобы защитить отъ нихъ русскую землю, нужно было жить въ Кіевѣ, постоянно быть наготовѣ, строить города, а Святославъ ушелъ далеко въ Болгарію и заплатилъ жизнью за то: когда онъ принужденъ былъ выйти изъ Болгаріи, то на возвратномъ пути на Днѣпрѣ былъ окруженъ Печенѣгами и убитъ.

Когда еще Святославъ былъ живъ и ходилъ по чужимъ дальнимъ сторонамъ, на Руси оставалась его мать Ольга. О ней дошла память какъ о мудрой княгинѣ, которая дѣлала то, что было особенно нужно, ѣздила по своей обширной странѣ, изъ Кіева къ Новгороду и обратно, устраивала землю. Она ходила въ Грецію, въ Царьградъ, только не воевать. Греки былъ народъ грамотный, образованный, у нихъ было чему поучиться. Греки жили въ странѣ богатой, знали многія искусства и ремесла; съ ними у Руси сейчасъ же началась прибыльная торговля; Русскіе возили къ нимъ мѣха, сырой товаръ, а отъ нихъ брали произведенія южныхъ странъ и товаръ выдѣланный. Но вся эта выгода отъ сношеній съ Греками было ничто въ сравненіи съ тѣмъ сокровищемъ, какое Русскіе нашли у Грековъ и взяли себѣ: это сокровище была истинная вѣра христіанская православная.

ЧТЕНІЕ II.

О томъ, какъ крестилась Русь и какъ утверждалась въ ней вѣра христіанская.

Славяне, изъ которыхъ составилась Россія, русское государство, были язычниками, считали громъ съ молніею богомъ, поклонялись ему подъ именемъ Перуна, поклонялись также солнцу подъ разными именами, огню, вѣтру; вѣрили въ загробную жизнь, но думали, что души умер-

щихъ могутъ ѣсть, пить, и потому считали обязанностью угощать ихъ. Такъ какъ Славяне жили розно, большими семьями или родами и жили бѣдно, то и не могли строить большихъ общихъ храмовъ, куда бы сходились всѣмъ околоткомъ, и потому общихъ жрецовъ у нихъ не было: старшины или родоначальники были и жрецами, собирали на молитву, приносили жертвы. Первые князья и дружина ихъ были также язычники; но когда князь и дружина перешли на югъ, когда начались походы на Грецію и торговля съ нею, то нѣкоторые изъ Русскихъ стали принимать христіанство.

При великомъ князѣ Игорѣ было уже много христіанъ въ Кіевѣ, и была у нихъ тамъ церковь св. Иліи пророка. Ольга, жена Игоря и мать Святослава, приняла христіанство. Она уговаривала и сына Святослава креститься, но тотъ не слушался матери: христіанство было не по немъ, оно учитъ любви и миру, а Святославъ думалъ объ одномъ, какъ бы повоевать. Но другимъ Святославъ не мѣшалъ креститься, и христіанство распространялось все больше и больше въ Кіевѣ. Когда великимъ княземъ сталъ сынъ Святослава, Владиміръ, то сначала можно было подумать, что для христіанъ наступило дурное время. Князь началъ ставить кумиры разныхъ боговъ, на холмѣ поставилъ кумиръ главнаго бога Перуна; кумиръ былъ деревянный, а голова у него серебряная, усы золотые. Однажды, когда князь приносилъ жертвы кумирамъ, городскіе старики и бояре сказали: «Бросимъ жребій на юношей и дѣвицъ, на кого падетъ, того зарѣжемъ богамъ». Въ это время жилъ въ Кіевѣ одинъ Варягъ; онъ пришелъ изъ Греціи, держалъ вѣру христіанскую, и былъ у него сынъ: на этого-то сына Варягова и палъ жребій. Посланники отъ народа пришли къ старому Варягу и сказали: «На твоего сына палъ жребій; боги выбрали его себѣ, чтобъ мы принесли его имъ въ жертву». Варягъ отвѣчалъ: «Ваши боги не боги, а дерево; нынче есть, а завтра сгніетъ; не ѣдятъ они, не пьютъ, не говорятъ; сдѣланы руками изъ дерева; Богъ же одинъ,

Которому Греки поклоняются; Онъ сотворилъ небо и землю, звѣзды и луну, и солнце, и человѣка и далъ ему жить на землѣ; а эти боги что сотворили? они сами сдѣланы руками человѣческими; не дамъ сына своего бѣсамъ!» Посланные пересказали слова Варяга народу; тогда народъ, взявъ оружіе, пошелъ на Варяга и разломалъ заборъ около его дома. Варягъ стоялъ на сѣняхъ съ сыномъ; ему кричали: «отдай сына! намъ нужно принести его въ жертву богамъ». Онъ отвѣчалъ: «если то въ самомъ дѣлѣ боги, то пусть пошлютъ одного бога взять моего сына; а вы изъ чего такъ хлопочете?» Народъ страшно закричалъ отъ ярости; толпа бросилась, подрубила сѣни подъ Варягами и убила отца вмѣстѣ съ сыномъ.

Но съ Владиміромъ Богу угодно было сдѣлать то же, что съ Павломъ: апостола изъ гонителя. Въ Кіевъ приходили люди разныхъ вѣръ—и жиды, и магометане; каждый хвалилъ свою, и всѣ одинаково смѣялись надъ языческою вѣрою Русскихъ. Владимиръ при своей охотѣ заниматься дѣломъ вѣры не могъ наконецъ не убѣдиться, что надобно бросить своихъ боговъ и поклониться Богу единому. Но и христіане, и магометане, и жиды,—всѣ признаютъ Бога единаго, чья же вѣра лучше? Владиміръ послалъ умныхъ бояръ въ разныя страны посмотрѣть, какъ молятся у себя христіане, жиды, магометане. Бояре возвратились и объявили, что лучше всѣхъ вѣръ—вѣра христіанская, именно та, какая у Грековъ въ Цареградѣ; и другіе бояре говорили ему: «если бы дуренъ былъ законъ греческій, то бабка твоя Ольга не приняла бы его, а она была мудрѣе всѣхъ людей.

Владиміръ былъ уже такимъ образомъ приготовленъ, когда началась у него война съ Греками. Онъ пошелъ осаждать греческій городъ Корсунь въ Крыму, взялъ его и послалъ сказать императорамъ греческимъ, Василію и Константину: «вотъ я взялъ вашъ славный городъ; слышу, что у васъ есть сестра дѣвица: если вы не отдадите ее за меня, то и Царюграду будетъ то же, что Корсуню». Императоры

прислали сказать ему: «не прилично христіанамъ выдавать сестеръ своихъ за невѣрныхъ; если крестишься, то и сестру нашу получишь и вмѣстѣ съ нею царство небесное; если же не хочешь креститься, то и не можемъ выдать за тебя сестры». Владиміръ отвѣчалъ посламъ императорскимъ: «скажите царямъ, что я готовъ креститься, потому что и прежде испыталъ вашъ законъ, и мнѣ нравится ваша вѣра и богослуженіе». Императоры, услыша это, обрадовались и послали къ Владиміру сестру свою, именемъ Анну. Когда царевна пріѣхала въ Корсунь, Владиміръ крестился, а послѣ крещенія обвѣнчался на Аннѣ и пошелъ съ нею въ Кіевъ. Пришедши туда, онъ велѣлъ объявить народу: «кто не придетъ къ рѣкѣ креститься, богатый или бѣдный, тотъ будетъ мнѣ противенъ». Народъ пошелъ съ радостію, говоря: «если бы эта вѣра была не хороша, то князь и бояре не приняли бы ея». Владиміръ вышелъ съ духовенствомъ на Днѣпръ, куда собралось множество людей: всѣ пошли въ воду и стояли въ ней—одни по шею, другіе по грудь, малолѣтніе у берега, возрастные подальше и держали на рукахъ младенцевъ, а священники читали молитвы. Это было въ 988 г.

Послѣ этого Владиміръ велѣлъ повалить и истребить кумиры, а на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они стояли, построить церкви; велѣлъ строить церкви и по другимъ городамъ и селамъ и крестить людей; велѣлъ также отобрать дѣтей у лучшихъ людей и отдать духовенству для наученія грамотѣ, для утвержденія въ вѣрѣ.

А между тѣмъ война была безпрестанная съ Печенѣгами. Лѣтописецъ разсказываетъ, какъ однажды пришли Печенѣги, Владиміръ вышелъ къ нимъ навстрѣчу съ войскомъ, и князь Печенѣжскій объявилъ ему: «Выпусти ты одного своего воина, а я выпущу своего—пусть борются, и если твой осилитъ моего, то не будемъ воевать три года; если же нашъ одолѣетъ, то будемъ разорять вашу землю цѣлые три года». Владиміръ послалъ кликать по шатрамъ: нѣтъ ли такого, чтобы взялся биться съ Печенѣгомъ. Пришелъ къ

князю старикъ и сказалъ ему: «Вышелъ я сюда на войну съ четырьмя сыновьями, а пятый, меньшой, остался дома; съ самаго дѣтства не было человѣка, кто бы одолѣлъ его». Послали за силачомъ, и тотъ сказалъ: «Не знаю, князь, могу ли биться съ Печенѣгомъ: но пусть испытаютъ меня: нѣтъ ли здѣсь большого и сильнаго быка?» Нашли быка, сильнаго и большого, велѣли разъярить его горячимъ желѣзомъ и пустили на волю: когда быкъ бѣжалъ мимо силача, тотъ схватилъ его рукою за бокъ и вырвалъ кожу съ мясомъ. Владиміръ, видя это, сказалъ ему: «Можешь биться съ Печенѣгомъ». На другое утро пришли Печенѣги и начали кричать: «Что же, нашелся боецъ? а нашъ уже готовъ!» Оба бойца показались: съ печенѣжской стороны вышелъ великанъ, страшный видомъ, а Владиміровъ богатырь былъ средняго роста, и потому Печенѣгъ, увидавъ его, началъ смѣяться. Размѣрили мѣсто между обоими полками, пустили борцовъ: тѣ схватились и стали крѣпко щемить другъ друга; наконецъ Русскій стиснулъ Печенѣга руками до смерти и ударилъ его о землю. Тогда съ обѣихъ сторонъ раздался крикъ; Печенѣги побѣжали. Русскіе ударили вслѣдъ за ними и прогнали ихъ. Владиміръ сдѣлалъ богатыря знатнымъ человѣкомъ и отца его тоже.

Не къ одной дружинѣ, богатырямъ былъ ласковъ князь Владиміръ. Любилъ онъ строить церкви, и какъ построитъ и освѣтитъ, задастъ большой пиръ народу, наварятъ меду, бѣднымъ раздадутъ милостыню. И постоянно всякій нищій и убогій могъ приходить на княжескій дворъ и получать питье, кушанье и деньги изъ казны. Мало этого, князь говорилъ: «Вѣдь больные и слабые не могутъ доходить до моего двора», и потому велѣлъ сдѣлать телѣги, накладывать на нихъ хлѣбъ, мясо, рыбу, овощи разные, медъ, квасъ и развозить по городу, спрашивая: «Гдѣ больные и нищіе, кто ходить не можетъ?» тѣмъ и раздавали все это. И остался князь Владиміръ въ народной памяти съ прозваніемъ ласковаго князя, краснаго солнышка, а церковь чтитъ его, какъ равноапостольнаго.

Владиміръ умеръ 15 іюля 1015 года, и плакали по немъ бояре, какъ по заступникѣ земли русской; бѣдные, какъ по своемъ кормильцѣ; послѣ него осталось нѣсколько сыновей отъ разныхъ матерей, потому что, будучи въ язычествѣ, Владиміръ имѣлъ много женъ. Какъ вездѣ тогда водилось, Владиміръ еще при жизни разослалъ сыновей княжить по разнымъ городамъ; когда онъ умеръ, то старшій Святополкъ сталъ княжить въ Кіевѣ; но онъ боялся младшаго брата Бориса, которому отецъ далъ Ростовскую область; Борисъ былъ любимый сынъ у отца, да и всѣ его любили, потому что онъ былъ вмѣстѣ и храбръ, и добръ, кротокъ необыкновенно. Владиміръ, разнемогшись передъ смертью и слыша, что идутъ Печенѣги, послалъ противъ нихъ Бориса съ дружиною и войскомъ, собраннымъ изъ Кіевлянъ. Борисъ не нашелъ Печенѣговъ и возвращался въ Кіевъ, какъ вдругъ получилъ вѣсть о смерти Владиміра. Когда онъ горько плакалъ, отцовская дружина и войско сказали ему: «Вотъ у тебя отцовская дружина и войско, пойди сядь въ Кіевѣ на отцовскомъ столѣ». Но Борисъ отвѣчалъ: «Не подниму руки на брата старшаго; если и отецъ у меня умеръ, то пусть Святополкъ будетъ мнѣ вмѣсто отца». Услышавъ такой отвѣтъ, дружина и войско разошлись отъ Бориса, который остался съ одними своими слугами.

Между тѣмъ Святополкъ задумалъ беззаконное дѣло и послалъ сказать Борису: «Хочу съ тобою дружно жить и придамъ тебѣ еще къ той волости, которую получилъ ты отъ отца». Но все это былъ обманъ; онъ хотѣлъ погубить его и ночью отправилъ убійцъ. Когда убійцы подкрались къ шатру, то услыхали, что Борисъ поетъ заутреню. Помолившись, онъ легъ въ постель,—и тогда убійцы, какъ дикіе звѣри, напали на шатеръ, просунули въ него копья и прикололи Бориса. Вмѣстѣ съ нимъ прокололи и слугу его, который палъ на него, желая тѣломъ своимъ защитить господина; это былъ любимецъ Бориса, звали его Георгіемъ, родомъ онъ былъ изъ Венгріи; тутъ же было по-

бито и много другихъ слугъ Борисовыхъ. У Бориса былъ братъ любимый Глѣбъ, князь Муромскій, отъ одной съ нимъ матери. Святополкъ началъ думать: «Вотъ я убилъ Бориса: какъ бы убить Глѣба?» и послалъ сказать ему обманомъ: «пріѣзжай сюда въ Кіевъ поскорѣе, отецъ тебя зоветъ, онъ очень боленъ». Глѣбъ немедленно сѣлъ на коня и пошелъ съ малою дружиной. На дорогѣ онъ узналъ, что отецъ его Владиміръ умеръ, а любимый братъ Борисъ убитъ. Когда Глѣбъ, получивши эту страшную вѣсть, молился съ горькими слезами, вдругъ явились убійцы, посланные Святополкомъ; слуги Глѣбовы обмерли отъ страха, и начальникъ убійцъ тотчасъ же велѣлъ зарѣзать князя, что и было исполнено поваромъ Глѣбовымъ.

Святополкъ началъ думать: «Перебью всѣхъ своихъ братьевъ и стану владѣть одинъ русскою землей». Но одинъ изъ его братьевъ, Ярославъ Владиміровичъ, княжившій въ Новгородѣ, не хотѣлъ допустить его до новыхъ злодѣйствъ и шелъ съ войскомъ къ Кіеву; Святополкъ отправился къ нему навстрѣчу, былъ разбитъ подлѣ Любеча и убѣжалъ въ Польшу, а Ярославъ сѣлъ княжить въ Кіевѣ. Но Святополкъ не оставилъ его въ покоѣ; скоро онъ возвратился на Русь съ польскимъ королемъ Болеславомъ, который взялся помогать ему. Ярославъ не успѣлъ приготовиться, былъ побѣжденъ и убѣжалъ только самъ пятъ въ Новгородъ, а Болеславъ вошелъ въ Кіевъ съ Святополкомъ. Когда Ярославъ прибѣжалъ въ Новгородъ и хотѣлъ уже оттуда плыть за моря, то Новгородцы разсѣкли лодки его, сказавъ: «хотимъ еще биться съ Болеславомъ и Святополкомъ». Они начали собирать деньги, призвали Варяговъ, раздали имъ жалованье, и у Ярослава оказалось много войска. Болеславъ все жилъ въ Кіевѣ, а дружина его была разведена по городамъ; чтобы выжить его поскорѣе отъ себя, Святополкъ сказалъ своимъ: «Сколько ни есть Поляковъ по городамъ, бейте ихъ»,—и Поляковъ перебили. Болеславъ ушелъ изъ Кіева, а Святополкъ началъ здѣсь княжить; но услыхалъ, что Ярославъ идетъ на него, ушелъ къ

Печенѣгамъ за войскомъ. Набравши множество Печенѣговъ, Святополкъ возвратился и встрѣтился съ Ярославомъ на рѣкѣ Альтѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ Борисъ. Сѣча была злая, какой еще не бывало на Руси; начали биться, какъ только показалось солнце, схватывались трижды, къ вечеру одолѣлъ Ярославъ, Святополкъ бѣжалъ и пропалъ безъ вѣсти, заслуживши проклятіе отъ русскихъ людей и постоянное прозваніе *окаяннаго*; братья же, отъ него погибшіе, Борисъ и Глѣбъ, причтены къ лику святыхъ.

Ярославъ Владиміровичъ оставилъ по себѣ хорошую память, память князя храбраго и еще больше мудраго. Болеславъ, король польскій, когда возвращался изъ Кіева, захватилъ себѣ русскую область, которую потомъ стали называть Галицкою Русью; Ярославъ отобралъ ее назадъ у Поляковъ. Онъ старался населить пространную, но бѣдную жителями русскую землю и обстроить ее городами для защиты отъ враговъ, особенно на югѣ со стороны степей. Выведя изъ Польши много плѣнныхъ, онъ поселилъ ихъ по рѣкѣ Роси и настроилъ тутъ городовъ; на другомъ концѣ, сѣверо-западномъ, въ нынѣшней Лифляндской губерніи, построилъ городъ, который назвалъ по своему имени Юрьевымъ (потомъ Дерптъ), потому что Ярославъ имѣлъ два имени: одно русское—Ярославъ, а другое Георгій или Юрій въ честь святого; такъ и отецъ его Владиміръ, крестившись, получилъ христіанское имя Василія, св. Ольга взяла имя Елены; такъ и послѣ наши князья носили по два имени, напримѣръ, Всеволодъ-Гавріилъ. Въ 1036 году Печенѣги въ безчисленномъ множествѣ осадили Кіевъ, но Ярославъ послѣ злой сѣчи отбилъ ихъ и такъ поразилъ, что послѣ они уже не нападали на русскую землю. До Ярослава Кіевъ былъ маленькій городокъ; Ярославъ распространилъ его, обвелъ стѣнами и то пространство, гдѣ прежде было поле и гдѣ Русскіе бились съ Печенѣгами. По примѣру Царяграда Ярославъ построилъ въ Кіевѣ церковь св. Софіи, а сынъ его Владиміръ также построилъ Софійскую церковь

въ Новгородѣ. При Ярославѣ, говоритъ лѣтописецъ, стала вѣра христіанская плодиться и расширяться, завелись и монастыри. Ярославъ очень любилъ церковные уставы, любилъ духовенство, особенно монаховъ, читалъ священныя книги день и ночь, собралъ ихъ много, заставлялъ переводить съ греческаго языка на славянскій, переписывать уже переведенныя и давать читать охотникамъ. Лѣтописецъ такимъ образомъ сравниваетъ дѣло Ярослава съ дѣломъ отца его св. Владиміра: «Какъ одинъ вспашетъ землю, другой посѣетъ, а третьи жнутъ и ѣдятъ хлѣбъ: такъ и Владиміръ вспахалъ и умягчилъ землю, то-есть просвѣтилъ ее крещеніемъ, Ярославъ насѣялъ книжными словами сердца вѣрныхъ людей, а мы пожинаемъ, принимая книжное ученіе». При Ярославѣ былъ поставленъ въ митрополиты русскій человѣкъ Иларіонъ: это былъ первый русскій писатель, сочиненія котораго дошли до насъ; дошли до насъ его проповѣди, изложеніе вѣры, похвала св. Владиміру. Этотъ Иларіонъ сначала былъ священникомъ въ селѣ Берестовѣ и чтобъ никто не мѣшалъ ему молиться, выкопалъ себѣ пещеру на берегу Днѣпра въ высокой горѣ, покрытой лѣсомъ. Иларіонъ по временамъ хаживалъ въ эту пещеру; но скоро поселился въ ней навсегда русскій монахъ Антоній, родомъ изъ города Любеча. Онъ былъ въ Греціи, постригся въ одномъ изъ аѳонскихъ монастырей и, возвратившись въ Русь, поселился въ пещерѣ Иларіоновой и былъ основателемъ знаменитаго Кіевопечерскаго монастыря, о которомъ будетъ еще рѣчь послѣ.

При Ярославѣ явились на письмѣ первые русскіе законы, которые называются «Русскою Правдой». Эти законы съ перваго раза могутъ удивить своею странностью, своимъ несходствомъ съ нашими настоящими законами; но не должно забывать, что мы говоримъ о людяхъ, жившихъ за 800 слишкомъ лѣтъ прежде насъ, имѣвшихъ совсѣмъ другіе нравы и обычаи: эти люди еще недавно жили большими семьями или родами, которые вели войны другъ съ другомъ, какъ отдѣльные народы, расправлялись сами въ случаѣ ка-

кой-нибудь непріятности, обиды. Нанесется обида, совершится убійство, родственники должны найти убійцу и отомстить ему за своего; это ихъ священная обязанность, иначе имъ позоръ отъ всѣхъ; человѣкъ могъ быть безопасенъ и спокоенъ только тогда, когда зналъ, что родственники за него заступятся, отомстятъ; человѣкъ буйный потому только и остерегался драться, убивать, что боялся смерти отъ родственниковъ убитаго. Пришли князья, можно стало найти судъ; но старые обычаи искореняются не скоро. Привыкъ человѣкъ къ тому, что родственникъ долженъ отомстить за родственника, такъ, что бы ему ни говорили, онъ будетъ считать это хорошимъ дѣломъ и никакъ не пойметъ, почему онъ долженъ отказаться отъ этого права, почему это самоуправство; пройдетъ сто, двѣсти лѣтъ, а онъ все будетъ держаться стараго обычая, и обычай этотъ становится закономъ, потому что всѣ, и знатные, и простые люди одинаково смотрѣли на дѣло; науки не было, не разсуждали, что хорошо, что дурно, и почему одно лучше другого, и не смотрѣли, что у другихъ народовъ дѣлается, а смотрѣли только, какъ водилось въ старину, такъ и хотѣли жить. Въ самомъ началѣ Русской Правды читаемъ: если случится убійство, то братъ долженъ мстить за брата, отецъ за сына и сынъ за отца, дядя за племянника. Въ случаѣ, если не было такого родственника, который бы отмстилъ, то убійца платилъ князю пеню, смотря по тому, кто былъ убитъ: за вельможу и слугу княжескаго платили вдвое больше, чѣмъ за простого человѣка; если убійца уйдетъ, то пеню платили жители цѣлаго округа, гдѣ совершено было убійство; иногда сосѣди заключали обязательства другъ съ другомъ, что въ случаѣ, если одинъ изъ нихъ попадется въ убійствѣ, то другіе помогаютъ ему платить пеню. Но не надобно думать, что предки наши за 800 лѣтъ были такъ безнравственны, что обязывались помогать всякому убійцѣ платить пеню, и всякій убійца, заплативши пеню, могъ оставаться спокойно въ обществѣ. Здѣсь разумѣлись убійства въ гнѣвѣ, ссорѣ, дракѣ. Дѣти,

если не унимать ихъ, будутъ безпрестанно драться: такъ и народы въ первое время точно дѣти невоспитанныя, какъ разсердятся, такъ сейчасъ и расправляются руками, попадется подъ руку оружіе, и оружіемъ; въ страсти не остановятся, бьютъ и до смерти, особенно, когда ссора на пиру, когда вино помрачаетъ разсудокъ. За такія-то убійства убійцамъ мстили родственники, платилась князю пеня и платить ее помогали сосѣди; но вѣдомаго лихого человѣка, разбойника, который убивалъ не случайно, не въ страсти, не въ сердцахъ, а для того, чтобъ ограбить, такого ловили и выдавали князю на заточеніе. Такъ, по Русской Правдѣ мы видимъ, что 800 лѣтъ тому назадъ предки наши имѣли еще нравы грубые, похожи были на дѣтей невоспитанныхъ; но воспитаніе уже началось; христіанство было принято, хотя и не вездѣ распространено и утверждено; св. Владиміръ, св. Борисъ и Глѣбъ показали уже примѣры христіанскаго милосердія, христіанской кротости и воздержанія; въ темнотѣ засвѣтились яркія звѣзды и начали освѣщать дорогу, по которой надобно было идти. При сыновьяхъ Ярослава запрещено было родственникамъ мстить за убійство своего.

ЧТЕНІЕ III.

О томъ, какъ владѣли князья по смерти Ярослава Владиміровича; о Владимірѣ Мономахѣ; о сѣверныхъ князьяхъ и о первомъ татарскомъ нашествіи.

Ярославъ Владиміровичъ умеръ въ 1054 году, оставивъ по себѣ пятерыхъ сыновей, которымъ отдалъ всѣ русскія области въ нераздѣльное владѣніе: старшій братъ, великій князь, владѣлъ главнымъ княжествомъ, старшимъ столомъ, какъ тогда говорили, Кіевомъ; другіе братья владѣли другими волостями по старшинству; они не владѣли своими волостями вѣчно и не передавали ихъ своимъ дѣтямъ; но когда умиралъ старшій или великій князь въ Кіевѣ, то его

мѣсто заступалъ не старшій его сынъ, а братъ; на мѣсто этого брата долженъ былъ садиться слѣдующій за нимъ по старшинству, и такъ всѣ князья передвигались по старшинству изъ одной волости въ другую, изъ худшихъ волостей въ лучшія, а худшія должны были доставаться уже слѣдующему поколѣнію, племянникамъ, которые по смерти своихъ дядей также должны были передвигаться по старшинству за ними третье поколѣніе—троюродные и т. д. Но дѣло извѣстное, что въ семьяхъ между близкими родственниками бываютъ большіе споры и ссоры, особенно когда рѣчь пойдетъ объ имѣніи; наши князья не дѣлились, но постоянно у нихъ шли толки о волостяхъ, гдѣ кому сидѣть, чѣмъ кому владѣть, потому что смерть каждаго князя вела къ передвижкѣ по лѣтамъ, кто старше. Законовъ не было, былъ только обычай; смотрѣли, какъ прежде бывало, какая волость прежде считалась почетною, старшею; старшіе дядья съѣдутся, распорядятъ волости, кому чѣмъ владѣть; младшіе племянники недовольны, особенно когда увидятъ, что старшій или великій князь хочетъ сдѣлать больше добра ближнимъ родственникамъ, сыновьямъ, старается дать имъ получше волость, посадить около себя. Тогда начинаются крики о жестокой обидѣ, берутся за оружіе, чтобы охранить свою честь, свое старшинство, не потерять правъ на самый старшій столъ—Кіевъ. Оружіемъ доставляютъ себѣ управу, потому что когда въ семьѣ отецъ живъ, то дѣти его слушаются; слушаются, хотя уже не такъ, племянники стараго дядю; но братья мало слушали брата, хотя и повторяли: «старшій братъ мнѣ вмѣсто отца». Когда же старшими пойдутъ двоюродные и троюродные братья, тѣхъ уже слушаютъ только тогда, когда это выгодно. Войною ищутъ себѣ управы; но на войнѣ одинъ побѣждаетъ, другой побѣждается, побѣжденнаго не щадятъ, его выгоняютъ изъ хорошей волости, иногда вовсе выгоняютъ изъ русской земли; но онъ не можетъ остаться въ покоѣ, ищетъ перваго удобнаго случая, чтобы отомстить за свою обиду и добыть волость въ русской землѣ. Иногда старшій дядя не-

способенъ, тогда младшій братъ, племянникъ, способный, храбрый, перенимаетъ на себя старшинство; но этому противятся другіе, выставляя, что дѣло идетъ не по обычаю, что младшему нельзя дать старшинства, и опять начинается междоусобная война. Вслѣдствіе этихъ междоусобій, изгнаній счеты—кто старше, кто моложе—перепутываются и отъ этого новые споры и междоусобія.

Князья ведутъ междоусобныя войны; главное вниманіе ихъ обращено на то, чтобы не потерять своей чести, старшинства, чтобы кто-нибудь изъ нихъ, кому не слѣдуетъ, младшій не захватилъ себѣ старшаго стола, старшей волости, при первомъ подозрѣніи берутъ въ руки оружіе; а тутъ за Днѣпромъ въ степяхъ попрежнему кочуютъ поганые, которые безпрестанно нападаютъ на русскія земли и опустошаютъ ихъ. Печенѣги исчезли при Ярославѣ Владиміровичѣ, но были смѣнены Половцами, и мало того, что Половцы сами по себѣ опустошали Русь, князья въ своихъ ссорахъ призывали къ себѣ на помощь поганыхъ и давали имъ жечь, грабить и вести въ полонъ жителей.

Но не всѣ князья были таковы; лучшій князь, оставившій по себѣ самую добрую память въ народѣ, былъ Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, внукъ Ярослава Владиміровича отъ третьяго сына его Всеволода; Мономахомъ же его назвали потому, что мать его была греческая царевна, дочь императора Константина Мономаха. По-русски Мономахъ значитъ единоборецъ. Подвиги Мономаха начинаются съ 1076 года; въ 1113 году онъ только сталъ великимъ княземъ, т.-е. сѣлъ въ Кіевѣ, а прежде княжилъ въ Переяславлѣ южномъ (въ нынѣшней Полтавской губерніи); умеръ въ 1125 году. Но любовь народную своимъ нравомъ и дѣлами онъ умѣлъ пріобрѣсть, когда еще не былъ великимъ княземъ. За что же его любили? Другіе князья ссорились между собою, воевали: Мономахъ не ссорился, уступалъ старшинство, мирилъ поссорившихся и во время злой вражды между братьями умѣлъ заслужить названіе братолюбца. Въ своемъ княжествѣ онъ не давалъ сильнымъ

обижать слабыхъ и бѣдныхъ людей, самъ судилъ. При грубости тогдашнихъ нравовъ люди сильные не умѣли сдерживать своего гнѣва; осердится сильный человѣкъ на слабаго подчиненнаго и велитъ убить; послѣ и будетъ жалѣть, да не поможетъ. Мономахъ написалъ наставленіе своимъ дѣтямъ, чтобы они не убивали ни праваго, ни виноватаго, не губили душъ христіанскихъ; Мономахъ отличался цѣломудріемъ, щедростью необыкновенною; несмотря однако на эту щедрость, казна его всегда была полна, потому что онъ былъ добрый хозяинъ и не довѣрялъ слугамъ, а самъ содержалъ весь порядокъ въ домѣ. Больше всѣхъ князей Мономахъ напоминалъ прадѣда своего, ласковаго князя Владиміра Святославича: «Если пойдете куда по чужимъ землямъ (наказывалъ Мономахъ своимъ дѣтямъ), не давайте слугамъ обижать народъ ни въ селахъ, ни на полѣ, чтобъ васъ потомъ не кляли. Куда пойдете, гдѣ станете—напойте, накормите бѣдняка; больше всего чтите гостя, откуда бы къ вамъ ни пришелъ, знатный или простой человѣкъ, или посолъ». Что дѣтямъ наказывалъ, то и самъ дѣлалъ: позвавши гостей, самъ служилъ имъ, и когда они ѣли и пили досыта, онъ только смотрѣлъ на нихъ.

Не было князя добрѣе, ласковѣе Владиміра Мономаха для своихъ; не было грознѣе его для враговъ русской земли, Половцевъ: какъ только завидятъ враги знамя его, такъ и бѣгутъ безъ оглядки. Это былъ богатырь, не знавшій устали: большую часть жизни провелъ онъ внѣ дома, большую часть ночей провелъ на сырой землѣ; однихъ дальнихъ походовъ совершилъ онъ 83. Каждый день до свѣта поднимался онъ съ постели, ходилъ къ обѣднѣ, потомъ думалъ съ дружиною о дѣлахъ земскихъ и ратныхъ, судилъ людей; въ полдень ложился спать, и потомъ опять тѣ же дѣла. Въ мирное время страстно любилъ онъ охоту: дикихъ лошадей въ лѣсахъ вязалъ онъ живыхъ своими руками; дикій быкъ не разъ металъ его на рога, олень бодалъ, лось топтала ногами, медвѣдь кусалъ, волкъ сваливалъ вмѣстѣ съ лошадью. «Не бѣгалъ я для сохраненія жизни своей, не ща-

дилъ головы своей», говоритъ онъ самъ: «Дѣти! не бойтесь ни рати, ни звѣря, дѣлайте мужское дѣло; ничто не можетъ вамъ вредить, если Богъ не повелитъ; а отъ Бога будетъ смерть, такъ ни отецъ, ни мать, ни братья не отнимутъ. Божіе блюденіе лучше человѣческаго!» Не могли нарадоваться на такого богатыря русскіе люди того времени; но любили его особенно за то, что это богатырство употреблялось противъ поганыхъ Половцевъ, что Мономахъ былъ стражемъ русской земли. Съ весны, какъ только покажется трава въ степяхъ, уже надобно было ждать нашествія Половцевъ, и Мономахъ думалъ, какъ бы предупредить поганыхъ походомъ въ ихъ собственныя кочевья. Однажды онъ далъ знать о своемъ намѣреніи старшему двоюродному брату Святополку, княжившему въ Кіевѣ. Святополкъ сказалъ объ этомъ дружинѣ, но та отвѣчала: «Не время весною идти въ походъ: отнимешь только поселянъ отъ работы». Святополкъ послалъ сказать Владиміру: «Надобно намъ съѣхаться вмѣстѣ и подумать съ дружиною». Съѣхались, недалеко отъ Кіева, и сѣли въ одномъ шатрѣ, Святополкъ со своею дружиною, а Владиміръ со своею, и всѣ молчали. Наконецъ Владиміръ сказалъ Святополку: «Братъ, ты старшій, начни говорить, какъ бы намъ промыслить о русской землѣ». Святополкъ отвѣчалъ: «Лучше ты начни говорить, братецъ». Владиміръ сказалъ: «Что мнѣ говорить? противъ меня будетъ и твоя, и моя дружина; они скажутъ, что я хочу погубить поселянъ, оторвать ихъ отъ работъ; но удивляюсь я тому, что поселянъ жалѣете и ихъ лошадей, а того не подумаете, что на весну начнетъ крестьянинъ пахать съ лошадью, и придетъ Половчанинъ, застрѣлитъ мужика, лошадь его и жену и дѣтей возьметъ, и гумно сожжетъ: объ этомъ вы не думаете!» Вся дружина отвѣчала: «И въ самомъ дѣлѣ такъ!» Святополкъ сказалъ: «Я готовъ съ тобою, братецъ!» а Владиміръ сказалъ ему: «Великое, братъ, добро сдѣлаешь ты русской землѣ!»

Владиміръ и Святополкъ послали и къ другимъ князьямъ звать ихъ въ походъ: «Пойдемъ на Половцевъ: либо живы

будемъ, либо мертвы». Многіе явились на зовъ съ пѣхотою и конницею, и пошли: пѣшіе плыли въ лодкахъ по Днѣпру, конница шла берегомъ. Прошедши Днѣпровскіе пороги, пѣшіе высадились на берегъ, конные сѣли на лошадей и шли четыре дня. Половцы, услыхавъ, что идетъ Русь, собрались во множествѣ и начали думать; одинъ изъ хановъ сказалъ: «Пошлемъ просить мира у Русскихъ; они станутъ съ нами биться крѣпко, потому что мы много зла надѣлали ихъ землѣ». Молодые отвѣчали ему: «Если ты боишься Руси, то мы не боимся; побивши этихъ, пойдемъ въ ихъ землю, возьмемъ ихъ города, и кто тогда защититъ ихъ отъ насъ?» А русскіе князья и всѣ ратники въ это время молились Богу, давали обѣты, и когда сошлись полки, то Русскіе побѣдили, перебили 20 хановъ, послѣ чего взяли много скота, овецъ, лошадей, верблюдовъ, кибитки со всею рухлядью и рабами.

Въ другой разъ Мономахъ подговорилъ князей пойти на другую сторону къ Дону. Пошли они во вторую недѣлю Великаго поста, въ субботу были на рѣка Хоролѣ, гдѣ бросили сани, обозъ пошелъ на колесахъ; перешли много рѣкъ и во вторникъ на шестой недѣлѣ достигли Дона. Отсюда они шли въ броняхъ и выстроивши полки, передъ которыми по распоряженію Мономаха, шли священники и пѣли молитвы. 24 марта, въ пятницу, Русскіе увидали полки половецкіе. Князья сказали другъ другу: «Помереть намъ здѣсь; станемъ крѣпко!» перецѣловались и возложили всю надежду на Бога. Послѣ жестокой битвы Половцы были побѣждены, и пало ихъ много. Весело на другой день Русскіе праздновали Лазарево воскресенье и Благовѣщеніе, а въ вербное воскресенье пошли дальше. Въ страстной понедѣльникъ собралось опять множество Половцевъ и обступили полки русскіе. Опять началась битва жестокая, и опять Половцы были побѣждены. Послѣ этой битвы русскіе князья возвратились домой, и разнеслась слава ихъ по всѣмъ странамъ дальнимъ. Но если слава этого похода разнеслась по дальнимъ странамъ, то что же было на Руси?

Послѣ Святослава Стараго, отца Владиміра Святого, ни одинъ князь не ходилъ такъ далеко въ степи. Владиміръ Мономахъ пошелъ туда, возвратился съ необыкновеннымъ успѣхомъ и славою; но ходилъ онъ не для славы, не изъ желанія только повоевать: онъ ходилъ для того, чтобы хотя на нѣсколько времени дать покой родной землѣ отъ нашествія поганыхъ. Когда умеръ Мономахъ въ 1125 году, то весь народъ плакалъ по немъ, какъ плачутъ дѣти по отцѣ или по матери. Прославилъ онъ русскую землю, какъ солнце, говоритъ лѣтописецъ: слава его прошла по всѣмъ странамъ, особенно же былъ онъ страшенъ поганымъ; былъ онъ братолюбецъ и нищелюбецъ и добрый страдалецъ за русскую землю.

Мономахъ отличался благочестіемъ: когда онъ входилъ въ церковь и слышалъ священное пѣніе, то не могъ удерживаться отъ слезъ; бывшій при немъ въ Кіевѣ митрополитъ Никифоръ говоритъ, что всѣ изумлялись его воздержанію. Въ своемъ поученіи дѣтямъ Мономахъ писалъ: «Тремя добрыми дѣлами побѣждается врагъ нашъ дьяволъ: покаяніемъ, слезами и милостынею; Бога ради, не лѣнитесь, дѣти мои, не забывайте этихъ трехъ дѣлъ: они не тяжки. Когда и на лошади сидите, да ни съ кѣмъ не разговариваете, то чѣмъ думать нелѣпости, повторяйте безпрестанно въ умѣ: «Господи помилуй!» Больше же всего не забывайте убогихъ, а особенно сиротъ». Это показываетъ, какъ христіанство дѣйствовало на лучшихъ людей.

Мы уже видѣли, что вскорѣ послѣ крещенія Руси при Владимірѣ появляются монахи, основывается Кіевопечерскій монастырь св. Антоніемъ. Эти первые монахи, первые подвижники оказали великую услугу тѣмъ, что учили, какъ жить по-христіански не словомъ только, а дѣломъ, примѣромъ. Въ грубомъ человѣкѣ кипятъ страсти, и онъ хочетъ удовлетворить имъ, несмотря ни на кого и ни на что; ему говорятъ, что Богъ не велѣлъ такъ жить, надобно обуздывать страсти и стараться, чтобъ другимъ было хорошо; онъ считаетъ это тяжкимъ, невозможнымъ; но вотъ передъ его

глазами живутъ люди, которые на самомъ дѣлѣ показываютъ, что можно жить такъ, какъ Богъ велитъ; словомъ, ученіе такихъ людей съ силою, ибо такой человѣкъ не только скажетъ, но и покажетъ, какъ жить по-христіански; во всякой наукѣ мало сказать, надобно и показать, какъ дѣлать. И не даромъ до сихъ поръ со всѣхъ концовъ Россіи ходятъ толпы богомольцевъ въ Кіевъ поклоняться мощамъ св. печерскихъ угодниковъ: эти святые угодники при началѣ христіанства у насъ показывали на дѣлѣ, какъ надобно жить по-христіански, были учителями благочестія для всей Русской земли. При основателѣ своемъ св. Антоніи сталъ знаменитъ Кіевопечерскій монастырь подвигами игумена и братіи; преемникъ Антонія, св. Ѳеодосій, поддерживалъ и усилилъ эту знаменитость; не было смиреннѣе и кротче печерскаго игумена, а между тѣмъ люди, дѣлавшіе дурныя, неправедныя дѣла, никого такъ не боялись, какъ этого бѣднаго, смиреннаго инока. Выгонитъ князь старшаго брата, сядетъ въ Кіевѣ не по праву, не по старшинству, всѣ признаютъ его великимъ княземъ, не признаютъ въ одномъ Печерскомъ монастырѣ, тамъ поминаютъ на эктеніяхъ князя законнаго, хотя и изгнаннаго; рѣшитъ судья дѣло неправо, обиженный идетъ къ Ѳеодосію, и судья, обличенный святымъ, долженъ перерѣшить дѣло; у себя въ кельѣ Ѳеодосій ходилъ за больнымъ разслабленнымъ инокомъ.

Христіанство утверждалось легче и скорѣе на югѣ, въ Кіевѣ и ближайшихъ къ нему областяхъ; но дальше на сѣверъ и востокъ, по Окѣ и верхней Волгѣ, язычество было чрезвычайно сильно; проповѣдники христіанства подвергались здѣсь большимъ опасностямъ; св. Леонтій въ Ростовѣ, св. Кукша въ землѣ Вятичей погибли отъ язычниковъ: оба были постриженники Кіевопечерскаго монастыря. Монастырь этотъ далъ въ описываемое время до 50 епископовъ въ разныя русскія области, въ немъ же начала составляться лѣтопись—погодное описаніе всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ, происходившихъ на Руси; въ числѣ печерскихъ угодни-

ковъ находится и преподобный Несторъ, первый лѣтописецъ. Вмѣстѣ съ христіанствомъ распространялась и грамотность. Епископы поучали народъ въ проповѣдяхъ. Самымъ краснорѣчивымъ проповѣдникомъ былъ Кириллъ, епископъ Туровскій. Многіе отправлялись на богомолье въ дальнія страны въ Царьградъ, въ Іерусалимъ, и нѣкоторые изъ такихъ паломниковъ описывали свое путешествіе. Изъ мірскихъ сочиненій дошло до насъ сказаніе о томъ, какъ одинъ изъ князей русскихъ, Игорь Святославичъ, владѣвшій Новгородомъ Сѣверскимъ, пошелъ съ братьями въ 1185 году на Половцевъ, былъ взятъ въ плѣнъ погаными и ушелъ изъ плѣна.

Въ этомъ сочиненіи, которое называется «Слово о полку Игоревѣ», мы читаемъ горькія жалобы на княжескія междоусобія, дававшія возможность Половцамъ опустошать русскую землю Дѣйствительно, по смерти Мономаха междоусобія усиливаются; князья размножались и все чаще и чаще спорили, кто старше, кому владѣть Кіевомъ или другимъ какимъ городомъ; Мономаховичи, т.-е. потомки Мономаха, спорили и вели безпрестанныя войны за великое княженіе, за Кіевъ съ Ольговичами, потомками двоюроднаго брата Мономахова, Олега Святославича; но и между самими Мономаховичами и самими Ольговичами шли также споры и войны. Кіевляне помнили добро, какое получили отъ Мономаха, и были привязаны къ потомкамъ его, тѣмъ больше, что между ними было много храбрыхъ и добрыхъ, ласковыхъ князей. Бѣда была Кіевлянамъ, когда началась война между Мономаховичами; тогда они прямо отказались принимать въ ней участіе, давать князю отъ себя войско: «Князь!—говорили они,—ты на насъ не сердись, а мы не можемъ на Владимірово племя рукъ поднять; вотъ если бы на Ольговичей, то пошли бы и съ дѣтьми». Ольговичей не любили особенно за то, что они обыкновенно наводили Половцевъ на русскую землю. Князья въ большихъ городахъ обыкновенно собирали народъ на площадь и сами пріѣзжали или присылали кого объявить свое желаніе. Такія собранія

назывались вѣчами. Ударятъ въ большой колоколъ, народъ уже и знаетъ, что случилось что-нибудь важное, и идетъ на площадь, гдѣ князь или бояринъ отъ имени князя будетъ говорить съ нимъ. Въ это смутное время, когда князья боролись другъ съ другомъ и выгоняли другъ друга изъ волостей, вѣча были нерѣдки въ большихъ городахъ: особенно часто они бывали въ Новгородѣ Великомъ, потому что князья здѣсь смѣнялись безпрестанно; изъ жителей одни принимали сторону одного князя, другіе другого и дрались иногда между собою.

Междоусобіями княжескими пользовались Половцы и все болѣе и болѣе пустошили пограничныя со степями княжества. Князь Переяславля южнаго говорилъ, что его волость пуста отъ половецкихъ нашествій; князь черниговскій говорилъ, что у него города пустые, живутъ въ нихъ только псари да Половцы; Кіевское княжество также много терпѣло отъ нихъ. Мало того, что они опустошали его землю, они въ степяхъ нападали на суда, поднимавшіяся по Днѣпру съ греческими товарами, и тѣмъ сильно вредили Кіеву, который жилъ греческою торговлей. Одинъ кіевскій князь, созвавши къ себѣ другихъ южныхъ князей, говорилъ имъ такъ: «Братья! пожалѣйте о русской землѣ, о своей отчинѣ и дѣдинѣ: ежегодно Половцы уводятъ христіанъ къ себѣ, клянутся намъ не воевать и вѣчно нарушаютъ клятву; а теперь уже у насъ всѣ торговые пути отнимаютъ». Когда князьямъ былъ досугъ, они собирались со всѣми своими полками, выходили въ степь и дожидались, пока всѣ торговыя суда поднимутся по Днѣпру. Кіевъ не разъ былъ взятъ своими русскими князьями во время ихъ споровъ и войнъ; но при князьяхъ обыкновенно бывали толпы Половцевъ. Въ 1203 году Половцы, благодаря княжеской усобицѣ, пожгли весь Кіевъ, ограбили Софійскій соборъ, Десятинную церковь и всѣ монастыри; монаховъ и монахинь, священниковъ и женъ ихъ, старыхъ и увѣчныхъ перебили, а молодыхъ и здоровыхъ повели въ плѣнъ, также и остальныхъ Кіевлянъ.

Ясно было, что эта южная, днѣпровская, кіевская Русь, какъ Украйна, край, пограничье, не въ состояніи держаться противъ своихъ степныхъ сосѣдей Половцевъ. Многіе изъ ея князей были очень храбры; но они тратили свои силы въ междоусобіяхъ, только изрѣдка могли воевать съ погаными. Заботясь прежде всего о томъ, какъ бы не потерять своего старшинства, своего права на лучшія владѣнія, они безпрестанно мѣняли свои княжества и потому не старались о нихъ, дружины вмѣстѣ съ князьями волею, а иногда неволею, переѣзжали изъ одного княжества въ другое; князья, имѣя постоянную нужду въ храброй дружинѣ, дорожили ею, обходились по-товарищески, дѣлились съ нею всѣми своими доходами, ничего не предпринимали, не посовѣтовавшись съ нею, потому что при первомъ неудовольствіи дружинникъ уѣзжалъ отъ князя и переходилъ на службу къ другому; князей было много, и каждый охотно принималъ къ себѣ храбраго человѣка. Но храбрость эта тратилась въ междоусобіяхъ, а земля пустѣла отъ Половцевъ.

И вдругъ сила объявилась въ такой сторонѣ, откуда ея не ждали, въ дальней сѣверо-восточной сторонѣ, о которой мало и знали въ Кіевѣ, сила объявилась на верхней Волгѣ, въ странѣ, которую называли Ростовскою, иногда Суздальскою землею. Если сравнить съ южною Русью, днѣпровскою, съ областью Кіевскою, Черниговскою, Переяславскою, Волынскою, Галицкою землею, то земля Ростовская или Суздальская была земля бѣдная, холодная, покрытая дремучими лѣсами и болотами, въ сторонѣ отъ главной дороги изъ Балтійскаго моря въ Черное, отъ главной торговой дороги, на которой и началось русское государство. Зато мирному человѣку, который хотѣлъ трудиться безъ помѣхи и спокойно пользоваться плодами своего труда, мирному человѣку тяжко, невозможно было жить на этомъ благодатномъ югѣ; вспомнимъ, что говорилъ Мономахъ: весною, какъ выѣдетъ крестьянинъ въ полѣ на работу, откуда ни возьмется Половчинъ, застрѣлитъ крестьянина, уведетъ его

жену, дѣтей, лошадь, сожжетъ гумно. Развѣ можно было такъ жить? И въ этихъ благодатныхъ, теплыхъ и хлѣбородныхъ странахъ живутъ псари да Половцы; и мирному русскому человѣку надобно уйти куда-нибудь подальше отъ степи. Безопаснымъ убѣжищемъ для мирнаго человѣка была земля ростовская: туда Половцы не заходили, княжескихъ междоусобій сначала не было, да и потомъ было немного. Поэтому страна наполнялась народомъ, обстраивалась городами. Особенно много построено было городовъ въ ростовской землѣ, когда княжилъ здѣсь младшій сынъ Мономаха, Георгій Владиміровичъ Долгорукій. На границахъ своей ростовской земли съ землею рязанскою и черниговскою князь Георгій построилъ Москву. Такъ какъ Москва была ближайшій городъ къ Черниговскимъ владѣніямъ, то въ 1147 году князь Георгій назначилъ въ ней свиданіе пріятелю своему, князю Святославу Ольговичу Черниговскому, и угостилъ его здѣсь на славу. Это первое извѣстіе о Москвѣ; въ которомъ же году она именно основана, объ этомъ въ лѣтописяхъ нѣтъ. Князь Георгій Владиміровичъ, хотя и долго жилъ на сѣверѣ, въ ростовской землѣ, и строилъ здѣсь города, однако больше любилъ югъ, добивался Кіева, наконецъ получилъ его и умеръ въ немъ; но сынъ Георгія, Андрей Боголюбскій, напротивъ, полюбилъ сѣверъ, ушелъ туда съ юга и не поѣхалъ въ Кіевъ, когда получилъ старшинство, остался жить въ своемъ любимомъ городѣ Владимірѣ на Клязьмѣ. То же самое сдѣлалъ и братъ Андрея Боголюбскаго, Всеволодъ Георгіевичъ, прозваніе Большое Гнѣздо, потому что отъ него пошли всѣ сѣверные князья и также московскіе. Такимъ образомъ Кіевъ потерялъ свое старшинство, Кіевскіе князья должны были признавать старшинство князя владимірскаго, который былъ и сильнѣе всѣхъ другихъ князей.

По смерти Всеволода-Большое Гнѣздо начались междоусобія между его сыновьями, но скоро пріутихли. Въ это время, когда юго-западная Русь ослабѣла и запустѣла отъ междоусобій и половецкихъ нашествій, а сѣверо-восточная

не успѣла еще окрѣпнуть, послѣдовало изъ степной Азіи сильное движеніе кочевыхъ хищныхъ ордъ, какого давно уже не бывало. Пришли Татары, о которыхъ до тѣхъ поръ Русскіе не имѣли никакого понятія; въ степяхъ Татары столкнулись съ Половцами и поразили ихъ. Это было въ 1224 году въ южной Руси важнѣе другихъ были тогда два князя, два Мстислава: Мстиславъ Романовичъ, княжившій въ Кіевѣ, и двоюродный братъ его Мстиславъ Мстиславичъ Удалой, княжившій въ Галицкой землѣ (оба были праправнуки Мономаха отъ старшаго его сына Мстислава). Послѣ пораженія отъ Татаръ половецкій ханъ Котянъ пріѣхалъ съ поклономъ къ русскимъ князьямъ, съѣхавшимся въ Кіевъ, поднесъ имъ богатые дары и говорилъ: «Татары отняли нашу землю нынче, завтра вашу возьмутъ, такъ защитите насъ; если же не поможете намъ, то мы нынче будемъ изсѣчены, а вы завтра». Мстиславъ Удалой, самый храбрый изъ князей, сталъ уговаривать братьевъ помочь Половцамъ: «Если мы, братья, имъ не поможемъ, говорилъ онъ, то они передадутся Татарамъ, и у тѣхъ прибудетъ силы». Князья долго думали и наконецъ рѣшились помогать Котяну: «Лучше намъ принять Татаръ на чужой землѣ, чѣмъ на своей», говорили они. Князья собрали свои полки у Днѣпра. Тутъ пришли къ нимъ татарскіе послы съ такими словами: «Слышимъ, что вы идете противъ насъ, послушавшись Половцевъ; а мы вашей земли не занимали; городовъ и селъ вашихъ не захватывали и на васъ не приходили, пришли мы попущеніемъ Божіимъ на холопей своихъ и конюховъ, на поганыхъ Половцевъ; возьмите съ нами миръ; если побѣгутъ къ вамъ Половцы, то вы бейте ихъ оттуда, а имѣнье ихъ берите себѣ, потому что, какъ слышно, они и вамъ много зла дѣлаютъ, оттого и мы ихъ бьемъ отсюда». Но русскіе князья не послушались и перебили пословъ. Тогда Татары послали въ другой разъ сказать: «Если вы послушались Половцевъ и избили нашихъ пословъ и идете противъ насъ, то ступайте, а мы васъ не трогаемъ: Богъ насъ всѣхъ разсудитъ». Князья перешли

Днѣпръ и поѣхали на коняхъ въ степи половецкія, шли восемь дней до рѣки Калки и здѣсь встрѣтили силу татарскую. Мстиславъ Удалой началъ битву, и Татары уже бѣжали, какъ вдругъ Половцы, бившіеся вмѣстѣ съ Русскими, побѣжали русскіе полки смялись отъ этого и были побѣждены. Мстиславъ кіевскій, видя бѣду, не тронулся съ мѣста, огородился кольемъ и бился изъ своего укрѣпленія съ Татарами три дня; наконецъ былъ взятъ вмѣстѣ съ другими князьями: Татары раздавили ихъ, подложивши подъ доски, сверху которыхъ сами сѣли обѣдать. Другихъ князей Татары гнали до Днѣпра, котораго однако не перешли, а возвратились въ свои степи.

ЧТЕНІЕ IV

О второмъ татарскомъ нашествіи; объ Александрѣ Невскомъ; объ усиленіи Москвы; о великомъ князѣ Іоаннѣ Даниловичѣ Калитѣ и о св. Петрѣ митрополитѣ.

Татары возвратились отъ Днѣпра въ степи, и опять пропалъ объ нихъ слухъ. Только черезъ 12 лѣтъ, въ 1237 году появились они снова на русскихъ границахъ огромными толпами подъ начальствомъ хана своего Батыя. Появились они теперь съ другой стороны, со стороны Рязани, и прислали къ рязанскимъ князьямъ требовать десятины со всего, съ князей и простыхъ людей и съ коней. Князья рязанскіе отвѣчали: «если никого изъ насъ не останется на свѣтѣ, то все будетъ ваше». Тогда Татары обступили Рязань, взяли и пожгли всю; князя и княгиню убили; мужчинъ, женщинъ, дѣтей разсѣкали мечами, другихъ разстрѣливали стрѣлами, иныхъ въ огонь бросали; кто имъ больше нравился, тѣхъ вязали и дѣлали своими рабами; много церквей, монастырей и селъ пожгли, имѣнія набрали не мало, и потомъ пошли къ Коломнѣ, подлѣ которой они встрѣти-

ли войско владимірскаго великаго князя Георгія, сына Всеволода-Большое Гнѣздо. Послѣ упорной битвы Татары поразили это войско и пошли къ Москвѣ, гдѣ княжилъ сынъ великаго князя Георгія Владиміръ, первый московскій князь, упоминаемый въ лѣтописяхъ. Татары взяли Москву, взяли въ плѣнъ и князя ея Владиміра, людей перебили всѣхъ. Тогда великій князь Георгій, поручивъ г. Владиміръ двоимъ сыновьямъ, Всеволоду и Мстиславу, самъ съ троими племянниками, сыновьями умершаго брата его Константина Всеволодовича, отправился на Волгу собирать войско. Онъ расположился станомъ между рѣками Ситью и Мологою, гдѣ и поджидалъ братьевъ съ полками.

3 февраля 1238 г. Татары, какъ саранча, обсѣли Владиміръ; одна толпа ихъ поѣхала къ Золотымъ воротамъ, ведя за собою князя Владиміра, полоненнаго въ Москвѣ. «Узнаете ли вы своего княжича?» спросили Татары у Владимірцевъ, стоявшихъ на воротахъ и по стѣнамъ. Князья Всеволодъ и Мстиславъ узнали брата, хотя онъ сильно перемѣнился, исхудалъ отъ бѣды и нужды. Князья, бояре и всѣ граждане рыдали, смотря на него. Князья Всеволодъ и Мстиславъ сказали дружинѣ: «братья! лучше намъ умереть за Св. Богородицу и за правую вѣру, чѣмъ быть въ волѣ татарской!» Татары начали ставить около города лѣса и пороки (машины, изъ которыхъ били стѣны камнями), ставили съ утра до вечера, а въ ночь нагородили тынъ около всего города. Утромъ князь Всеволодъ и владыка Митрофанъ, увидавши эти приготовленія, поняли, что города не отстоять, и начали готовиться къ смерти. 7 февраля Татары приступили къ Владиміру, до обѣда взяли новый городъ и запалили его, послѣ чего князья и всѣ жители бросились бѣжать въ старый городъ; князь Всеволодъ, думая умилостивить Батыя, вышелъ къ нему изъ города съ малою дружиною, неся дары; но Батый не пощадилъ его молодости, велѣлъ зарѣзать передъ собою. Между тѣмъ епископъ Митрофанъ, великая княгиня съ дочерью, снохами и внучатами, другія княгини со множествомъ бояръ и

простыхъ людей заперлись въ Богородичной соборной церкви на полатяхъ (т.-е. на хорахъ). Татары отбили двери, ограбили церковь, потомъ наклали лѣсу около церкви и въ самую церковь и зажгли ее: всѣ бывшіе на полатяхъ задохнулись отъ дыма или сгорѣли, или были убиты. Изъ Владиміра Татары пошли дальше, раздѣлившись на нѣсколько отрядовъ: одни пошли къ Ростову и Ярославлю, другіе на Волгу и на Городецъ и поплѣнили всю страну поволжскую; иные пошли къ Переяславлю, взяли его, взяли другіе города: Юрьевъ, Дмитровъ, Волоколамскъ, Тверь; въ одинъ февраль мѣсяцъ взяли 14 городовъ.

4 матра 1238 года Татары встрѣтились съ войскомъ великаго князя Георгія на рѣкѣ Сити; послѣ злой сѣчи русскіе полки побѣжали, при чемъ великій князь былъ убитъ, и множество войска его погибло. Отъ Сити Татары пошли къ юго-западу, осадили Торжокъ, били въ него пороками двѣ недѣли и, наконецъ взявъ 23 марта, истребили всѣхъ жителей. Отъ Торжка пошли къ Новгороду, кося людей, какъ траву, но, не дошедши ста верстъ до Новгорода, остановились и повернули къ юго-востоку на степь: они испугались приближенія весенняго времени, разлива рѣкъ, таянія болотъ. На возвратномъ пути Батый былъ задержанъ семь недѣль у города Козельска, гдѣ княжилъ молодой князь Василій, одинъ изъ Ольговичей. Жители Козельска рѣшились не сдаваться Татарамъ: «хотя князь нашъ и молодъ, сказали они, но положимъ животъ свой за него: и здѣсь славу, и тамъ небесные вѣнцы отъ Христа Бога получимъ». Татары разбили наконецъ городскія стѣны и взошли на валъ, но и тутъ встрѣтили упорное сопротивленіе: горожане рѣзались съ ними ножами, а другіе вышли изъ города, напали на татарскіе полки и убили 4000 непріятелей, пока сами всѣ не были истреблены. Съ тѣхъ поръ Татары не называли Козельскъ настоящимъ его именемъ, а называли з л ы м ъ г о р о д о м ъ.

По взятіи Козельска Батый ушелъ въ степи. Въ слѣдующемъ 1239 году Татары явились въ южной Руси, взяли и

сожгли Переяславль южный и Черниговъ; а въ 1340 году пришелъ самъ Батый подъ Кіевъ, гдѣ князя не было, былъ воевода Димитрій, присланный отъ галицкаго князя Даніила. Татаръ была такая сила, что Кіевлянамъ нельзя было слышать другъ друга отъ скрипа телѣгъ татарскихъ, рева верблюдовъ, ржанія лошадей. Батый велѣлъ поставить пороки, и били они день и ночь, и выбили наконецъ переднія стѣны: тогда Кіевляне взошли на внутреннія стѣны и продолжали съ нихъ защищаться, воевода Димитрій былъ раненъ; Татары овладѣли и послѣдними стѣнами. Но въ ночь Кіевляне выстроили новыя деревянныя стѣны около Богородичной Десятинной церкви, и Татарамъ на другой день нужно было брать ихъ съ кровопролитнаго бою. Когда и эти стѣны были взяты, Кіевляне забрались съ имѣніемъ своимъ на церковь, но стѣны церковныя рухнули подъ ними отъ тяжести, и Татары окончательно овладѣли Кіевомъ. Это было 6 декабря. Раненаго воеводу Димитрія Батый не велѣлъ убивать за его храбрость. Послѣ взятія Кіева Батый опустошилъ Волынь и Галицкую землю.

Юго-западная Русь, опустошенная сильно и прежде Половцами и междоусобіями, была въ конецъ запустошена теперь, во время Батыева нашествія, и долго, очень долго не могла оправиться, тѣмъ болѣе, что кромѣ Татаръ, которые замѣнили Половцевъ, съ сѣверо-запада явился новый врагъ: дикіе Литовцы, жившіе въ нынѣшнихъ Виленской и Ковенской губерніяхъ, воспользовались теперь безсиліемъ западной Руси, стали чаще выходить изъ своихъ дремучихъ лѣсовъ, опустошать русскія области и утверждаться въ нихъ. Кіевъ, прежде славный и богатый, сталъ теперь маленькимъ бѣднымъ городкомъ, окрестности котораго представляли пустыню, гдѣ бѣлѣлись кости человѣческія и гдѣ не было безопасности отъ разбоевъ литовскихъ. На сѣверо-востокѣ прежняя земля Ростовская или Суздальская, теперь великое княжество Владимірское, не было разорено прежде ни Половцами, ни междоусобіями, меньше потерпѣло и въ Батыево нашествіе, ибо жителямъ легко

было скрываться въ лѣсахъ, пробираться въ страны, не тронутыя Татарами; да и потомъ здѣсь было покойнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; Литва не нападала, и народу легче было оправиться. Богъ послалъ этой странѣ умнаго, распорядительнаго великаго князя Ярослава Всеволодовича, брата великаго князя Георгія, убитаго на Сити.

Ярославъ, ставши княжить во Владимірѣ, отчистилъ церкви отъ труповъ, собралъ оставшихся людей, утѣшилъ ихъ. Чтобъ народу дать оправиться, нуженъ былъ прежде всего покой, надобно было, главное, стараться о томъ, чтобы Татары въ другой разъ не напали; Ярославъ видѣлъ, что отбить ихъ не было никакой возможности, и потому, дѣлать нечего, рѣшился признать власть ихъ надъ собою, поѣхалъ съ поклономъ и подарками въ орду къ Батыю, который жилъ на Волгѣ: съ этихъ поръ всѣ князья русскіе должны были покупать въ ордѣ ярлыки или ханскія подтвердительныя грамоты на княженіе. Но Батый не былъ главнымъ ханомъ, и Ярославъ долженъ былъ ѣхать дальше въ азіятскія степи на поклонъ къ великому хану. Въ то время, какъ Ярославъ употреблялъ всѣ средства, чтобы успокоить русскую землю съ востока, не дать ее снова на разореніе, сынъ его Александръ защищалъ западныя части русской земли, Новгородъ и Псковъ, отъ троихъ враговъ— Шведовъ, Нѣмцевъ и Литвы. Въ 1240 году Шведы приплыли къ устью рѣки Ижоры въ Неву съ цѣлью воевать Новгородскую землю и обращать жителей въ римско-католическую вѣру, къ чему уговаривалъ ихъ папа. Александръ Ярославичъ съ небольшою дружиною поспѣшилъ навстрѣчу къ непріятелю и 15 іюля нанесъ ему совершенное пораженіе, заставилъ бѣжать и отбилъ охоту латынить русскихъ людей; за эту-то побѣду князь Александръ Ярославичъ и называется Невскимъ.

Восточное прибережье Балтійскаго моря, гдѣ теперь губерніи Лифляндская и Эстляндская, издавна находилось въ русской зависимости; та часть, гдѣ былъ построенъ Юрьевъ или Дерптъ, находилась въ зависимости отъ Новго-

родскаго княжества, другія части отъ Полоцкаго. Туземцы финскаго или чухонскаго происхожденія, Ливы и Эсты, не были еще всѣ покрещены, особенно жившие у самыхъ береговъ моря, и берегъ не былъ укрѣпленъ, на немъ не было русскихъ городовъ; это происходило отъ того, что Новгородцы были народъ торговый, любили ѣздить только туда, гдѣ имъ было больше барыша; Полоцкое же княжество ослабѣло отъ междоусобій, да и вообще земли было много, а народу мало. Въ 1158 году къ устью Западной Двины прибитъ былъ бурею корабль нѣмецкихъ купцовъ (изъ города Бремена). Нѣмцы завели мѣну съ жителями, нашли ее выгодною и стали пріѣзжать уже нарочно сюда, замѣтили, какъ выгодно утвердиться на устьѣ такой большой рѣки, замѣтили нерадѣніе Русскихъ, которые не поспѣшили сдѣлать этого прежде, и выпросили у полоцкихъ князей позволеніе завести себѣ постоянную контору.

Между тѣмъ у Нѣмцевъ пошли слухи, что открыта новая страна, гдѣ жители еще язычники, и нѣмецкое духовенство, которое тогда все было подъ начальствомъ римскаго папы, стало толковать о томъ, какъ бы покрестить Ливонцевъ и Эстовъ. Узналъ объ этомъ и самъ папа римскій и велѣлъ отправить въ Ливонію проповѣдника монаха, который выпросилъ у полоцкаго князя позволеніе проповѣдывать Евангеліе между язычниками, построилъ церковь и началъ свое дѣло. Но дѣло шло неуспѣшно; Нѣмцы увидали, что мирными средствами они ничего не сдѣлаютъ, и папа велѣлъ объявить крестовый походъ противъ Ливонцевъ: кто пойдетъ воевать противъ невѣрныхъ и станетъ принуждать ихъ къ принятію христіанства, тотъ, по объявленію папы, получитъ прощеніе всѣхъ грѣховъ. Такихъ набралось довольно, и пріѣхали они въ Ливонію вмѣстѣ съ епископомъ. Жители, увидѣвши епископа, окруженнаго солдатами, сказали ему: «убѣждай словами, а не палками»; но Нѣмцы за тѣмъ именно и пришли, чтобы убѣждать палками; папа имъ сказалъ, что это святое дѣло; многіе язычники принуждены были креститься.

Въ 1200 г. Нѣмцы стали твердою ногою въ странѣ, построили городъ Ригу и учредили рыцарскій орденъ Меча, т.-е. войско, состоявшее изъ монаховъ-солдатъ, которые обязаны были постоянно воевать съ невѣрными. Ливонцы стали жаловаться полоцкому князю, что Нѣмцы ихъ воюютъ, силою принуждаютъ креститься. Полоцкій князь догадался, что дѣло плохо, что не надобно было смотрѣть сквозь пальцы на утвержденіе Нѣмцевъ на морскомъ берегу, рѣшился воевать съ ними, но было уже поздно: ему нельзя было сладить съ рыцарями, которые были искусны въ военномъ дѣлѣ и къ которымъ безпрестанно пріѣзжали новые рыцари изъ Германіи, тогда какъ полоцкіе князья были заняты междоусобіями и защитою своей страны отъ Литовцевъ. Лѣтъ въ двадцать Нѣмцы выжили Русскихъ изъ Ливоніи, овладѣли здѣсь двумя русскими княжествами; наконецъ, въ 1224 году Нѣмцы осадили самый крѣпкій русскій городъ Юрьевъ (Дерптъ) и взяли его, хотя Русскіе упорно отбивались.

Послѣ татарскаго нашествія Нѣмцы могли надѣяться, что легко овладѣть и Псковомъ, и Новгородомъ. Можетъ быть и овладѣли бы, если, бы не Александръ Невскій. Въ самый годъ Невской побѣды, когда Александръ выѣхалъ изъ Новгорода къ отцу, Нѣмцы захватили Псковъ, завоевали часть новгородской земли; въ тридцати верстахъ отъ Новгорода не было уже отъ нихъ безопасно. Новгородцы въ такой бѣдѣ послали къ великому князю Ярославу просить, чтобы далъ имъ опять Александра. Невскій пріѣхалъ въ 1242 году, выгналъ Нѣмцевъ изъ Пскова и вошелъ въ ихъ владѣнія. На льду псковскаго озера встрѣтился онъ съ нѣмецкимъ войскомъ и нанесъ ему страшное пораженіе: льда на озерѣ стало не видно, все покрылось кровью; Русскіе гнали побѣжденныхъ Нѣмцевъ по льду до берега на разстояніи семи верстъ. Послѣ этой битвы, которая слыветъ «Ледовымъ побоищемъ», Александръ съ торжествомъ вступилъ во Псковъ, ведя плѣнныхъ рыцарей. Испуганные Нѣмцы прислали въ Новгородъ съ поклономъ и заключили

миръ, отказавшись отъ Пскова и завоеванiй своихъ въ новгородской землѣ.

Былъ еще третiй врагъ, который пользовался татарскимъ погромомъ, захватывалъ русскiя земли и сталъ далеко распространять свои разбойническiе набѣги: то были Литовцы. Александръ Невскiй три раза поразилъ Литовцевъ, перебилъ у нихъ много князей и принудилъ оставить въ покоѣ сѣверную Россiю, гдѣ они стали было заходить къ Торжку и Бѣжецку.

Александръ Невскiй отбилъ отъ сѣверной Россiи и Шведовъ, и Нѣмцевъ, и Литву, показалъ большую храбрость и воинское искусство; но съ большою храбростiю онъ соединялъ и большое благоразумiе, видѣлъ, что со Шведами, Нѣмцами и Литвою можно воевать и можно ихъ побѣждать, но что у Россiи, раздѣленной и опустошенной, нѣтъ никакихъ средствъ воевать съ Татарами, которые придутъ цѣлымъ народомъ и запустошатъ землю въ конецъ; надобно слѣдовательно ждать, пока Татары раздѣлятся, станутъ истреблять другъ друга въ междоусобныхъ войнахъ, ослабѣютъ, а до тѣхъ поръ надобно было смириться, признать верховную власть хановъ, ѣздить къ нимъ съ поклономъ, платить дань. Когда Александръ Невскiй былъ только княземъ новгородскимъ, то прославилъ себя побѣдами; когда же сталъ великимъ княземъ Владимiрскимъ, то прославилъ себя другими подвигами, болѣе тяжкими, потому что послѣ такой славы онъ долженъ былъ унижаться предъ Татарами, чтобы спасти родную землю отъ гибели; долженъ былъ уговаривать народъ, чтобы снесъ терпѣливо иго, позволилъ Татарамъ переписать себя для наложенiя дани. Три раза ѣздилъ Александръ въ Орду, но когда Русскiе были выведены изъ терпѣнiя насилiемъ татарскихъ откупщиковъ дани и выгнали ихъ изъ разныхъ городовъ и когда татарскiе полки уже посланы были опустошать за это Россiю, Александръ, «чтобы отмолить людей отъ бѣды», поѣхалъ въ четвертый разъ въ Орду и успѣлъ въ своемъ дѣлѣ. Но это было уже послѣднее его дѣло: на возврат-

номъ пути онъ умеръ 14 ноября 1263 года, «много потрудившись за землю русскую, отдавая жизнь свою за Новгородъ и за Псковъ, и за все великое княженіе, и за православную вѣру». Къ этой похвалѣ современниковъ намъ уже нечего больше прибавлять.

Что Александръ Невскій былъ правъ, думая, что еще рано подниматься противъ Татаръ, всего лучше доказываетъ судьба другого знаменитаго въ то время русскаго князя, Даніила Романовича Галицкаго. Послѣ отца своего Романа, праправнука Владиміра Мономаха, Даніилъ остался ребенкомъ и долженъ былъ испытать много бѣдъ, пока выросъ, терпѣлъ изгнаніе изъ родной страны, потому что Галиція или Червонная Русь была страна богатая, разные русскіе князья хотѣли воспользоваться малолѣтствомъ Даніила и овладѣть его наслѣдствомъ; сосѣди—венгерскій король и Поляки хотѣли того же; галицкіе бояре, видя смуту, перемѣну князей, крамолили, искали каждый своихъ выгодъ и не давали утвердиться на престолѣ Даніилу; наконецъ нашествіе Татаръ заставило также Даніила на время покинуть родную страну. Но бѣды, изгнаніе, нужда—всѣ эти испытанія укрѣпили Даніила, рожденнаго съ блестящими способностями; онъ извлекъ большую пользу изъ своего суроваго воспитанія, пріобрѣлъ твердость, силу нравственную, но не ожесточился, въ борьбѣ со злыми врагами умѣлъ сдерживаться, не позволялъ себѣ мести, крутыхъ мѣръ, жестокостей.

Въ 1249 году Даніилъ успѣлъ окончательно утвердиться въ Галиціи. Подобно Александру Невскому, Даніилъ прославился среди своихъ европейскихъ сосѣдей, счастливо воевалъ съ Литвою, принималъ участіе въ спорахъ королей венгерскаго и богемскаго или чешскаго; одно время шло дѣло о томъ, чтобы сына Даніилова, Романа, посадить на престолъ австрійскій. Но другое дѣло на востокѣ: Батый прислалъ звать Даніила къ себѣ на Волгу, и Даніилъ поѣхалъ. Тяжко было Даніилу унижаться передъ Татариномъ, становиться передъ нимъ на колѣна. Ханъ

отпустилъ ласково; но эта ласка показалась Даніилу злою обидою, и всѣ плакали отъ досады, когда Даніилъ, возвратившись домой, разсказывалъ своимъ о ласкѣ татарской: «Злѣе зла честь татарская», говорили они. Даніилъ никакъ не могъ признать горькой необходимости сносить татарское иго и началъ думать о томъ, какъ бы его свергнуть. Онъ видѣлъ ясно, что силами одной Галиціи да Волыни, гдѣ княжилъ родной братъ его, сдѣлать этого нельзя; надобно было вступить въ союзъ съ христіанскими сосѣдними государствами, съ ними вмѣстѣ идти на общихъ враговъ, невѣрныхъ Татаръ, что называлось тогда Крестовымъ походомъ. Но затрудненіе состояло въ томъ, что сосѣднія христіанскія государства, и Венгрія, и Богемія, и Польша, принадлежали къ римской церкви, были подъ духовною властью папы, безъ благословенія котораго не могли предпринять Крестоваго похода, и папа ни за что не благословилъ бы ихъ идти вмѣстѣ съ русскимъ православнымъ княземъ, который не признавалъ его власти. Тогда Даніилъ рѣшился войти въ сношеніе съ папою, показалъ себя готовымъ соединиться съ римскою церковью, если папа устроитъ Крестовый походъ противъ Татаръ. Папа обрадовался, прислалъ Даніилу вѣнецъ королевскій, писалъ въ разныя стороны, что нужно идти въ Крестовый походъ, но никто не тронулся, каждый занимался своими дѣлами и думалъ: меня Татары не трогаютъ, тяжело отъ нихъ однимъ Русскимъ; для чего же подвергать себя такой опасности изъ-за Русскихъ? Такимъ образомъ Россія должна была одна оттерпливаться отъ Татаръ, а другимъ государствамъ за ея хребтомъ было покойно жить. Видя, что отъ западныхъ сосѣдей помощи никакой нѣтъ и что папа ничего не можетъ сдѣлать, Даніилъ пересталъ съ нимъ сноситься и сталъ думать, какъ бы однѣми своими силами избавиться отъ Татаръ. Для этого онъ началъ укрѣплять города; у ближайшихъ къ нему Татаръ былъ въ это время воеводою человѣкъ слабый, который не понималъ, въ чемъ дѣло, и давалъ Даніилу укрѣпляться, но скоро Татары догадались и прислали другого

воеводу, который потребовалъ, чтобъ Даніилъ сейчасъ же срылъ укрѣпленія своихъ городовъ. Тутъ Даніилъ увидалъ, что бороться съ Татарами никакъ нельзя и принужденъ былъ разорять крѣпости, которыя самъ построилъ.

По смерти короля Даніила, который умеръ почти въ одно время съ Александромъ Невскимъ, Галицкое княжество недолго могло сохранить свою независимость. Оно раздѣлилось между сыновьями Даніиловыми, ослабѣло; подлѣ сильные сосѣди, а помощи ниоткуда: юго-западныя русскія княжества разорены, слабы, терпятъ бѣды отъ Татаръ и Литвы; сѣверные русскіе князья далеко и заняты своими дѣлами, имъ некогда и подумать о западной Руси. Въ 1340 году Поляки овладѣли Галичемъ. Остальныя княжества западныя—Полоцкое, Туровское, Волынское, Кіевское—подпали власти князей литовскихъ, изъ которыхъ самымъ сильнымъ былъ Гедиминъ: онъ-то и взялъ Кіевъ. Русскіе князья, потомки св. Владиміра, остались владѣльцами небольшихъ земель, но уже подъ властью князей литвскихъ.

Мы сказали, что сѣвернымъ князьямъ было много дѣла у себя. По смерти Александра Невскаго между ними начинаются междоусобія. Но эти междоусобія отличаются отъ тѣхъ междоусобій, которыя велись южными князьями. Южные князья ссорились и воевали, чтобы не потерять старшинства въ цѣломъ родѣ своемъ, чтобы рано или поздно по этому старшинству добиться великаго княженія, сѣсть въ Кіевѣ; они не хотѣли оставаться въ одномъ княжествѣ, но спѣшили покинуть его, когда представлялась имъ возможность по своему мѣсту въ родѣ переѣхать въ другое княжество, которое считалось выше, лестнѣе. Поэтому князь, считая себя только временнымъ владѣльцемъ княжества, не заботился о томъ, чтобы сдѣлать его сильнѣе, обширнѣе другихъ княжествъ, особенно зная, что не родной сынъ его сядетъ въ немъ послѣ него, а братъ, даже двоюродный или какой-нибудь другой родственникъ. На сѣверѣ не такъ: какъ Андрей Боголюбскій, ставши великимъ княземъ, не поѣхалъ въ Кіевъ, остался во Владимірѣ, такъ, по его при-

мѣру, поступали и другіе сѣверные князья, когда размножились: разъ получилъ князь городъ себѣ во владѣніе, то и считаетъ его своимъ навсегда, считаетъ своею вѣчною долею, удѣломъ, старается, это свое владѣніе усилить, увеличить, остается жить въ немъ и тогда, когда станетъ великимъ княземъ: Тверской князь не переѣзжаетъ во Владиміръ, остается въ Твери, Переяславскій въ Переяславлѣ, Московскій въ Москвѣ и старается упрочить свое княжество за сыновьями своими. Разумѣется, что только такимъ образомъ и можно было собрать русскую землю, сдѣлать изъ нея одну сторону, одно государство съ однимъ государемъ. Если въ одномъ княжествѣ будутъ все разумные князья и счастье имъ поблагопріятствуетъ, успѣютъ они усилить, увеличить свое княжество не въ примѣръ передъ другими, то имъ легко будетъ покорить себѣ всѣ остальныя княжества и стать единовластителями. Но понятное дѣло, что это не легко сдѣлать вдругъ, безъ препятствій; каждому князю хотѣлось сдѣлаться сильнѣе другихъ, а не покоряться другому, и какъ только князья видѣли, что одинъ изъ нихъ усиливается, то поднимались на него войною, чтобы не дать ему усиливаться; кромѣ того, князья стараются прочить все своимъ дѣтямъ, имъ оставляютъ лучшія волости и старшему больше другихъ, чтобы онъ былъ сильнѣе и держалъ меньшихъ въ повиновеніи; умираетъ князь и передаетъ свое княжество сыну: поднимается братъ покойнаго и начинаетъ воевать съ племянникомъ, говоритъ: «Я обиженъ, въ старину лучшіе города доставались по старшинству, брату послѣ брата, а не сыну послѣ отца, не хочу я быть моложе племянника», и начинается война.

Самая сильная война междоусобная шла между Москвою и Тверью. Московскіе князья происходили отъ сына Александра Невскаго, Даніила Александровича, а Тверскіе отъ брата Александра Невскаго, Ярослава Ярославича. Даніилъ Александровичъ Московскій усилилъ свое княжество тѣмъ, что пріобрѣлъ Переяславль-Залѣсскій по духовному завѣщанію послѣдняго его князя. Сынъ Даніила, Юрій Да-

ниловичъ, присоединилъ къ Москвѣ Можайскъ отъ Смоленскаго княжества и Коломну отъ Рязанскаго. Когда Тверской князь Михаилъ Ярославичъ, по старшинству, считалъ великое княженіе Владимірское своимъ, Юрій Московскій, который приходился ему племянникомъ, завелъ съ нимъ споръ, воевалъ противъ него и съ помощію Новгородцевъ и съ помощью Татаръ, и Михаилъ погибъ въ ордѣ. Юрій погибъ тамъ же отъ руки сына Михаилова; но братъ Юрія, Іоаннъ Даниловичъ Калита (к а л и т а значитъ мѣшокъ, сумка съ деньгами), не далъ Москвѣ упасть; напротивъ, своимъ умнымъ хозяйствомъ онъ умѣлъ копить деньги и скупать на нихъ земли у мелкихъ и бѣдныхъ князей, которымъ не изъ чего было платить татарской дани; такимъ образомъ онъ безъ войны распространялъ свои владѣнія, и когда въ другихъ княжествахъ шли войны, въ Московскомъ княжествѣ было все спокойно, отчего и крестьяне, и бояре шли туда изъ другихъ княжествъ; татарскіе ханы, которыхъ Калита умѣлъ задабривать, не трогали Москвы; наконецъ Калита умѣлъ пріобрѣсти расположеніе митрополита, св. Петра.

Въ Россіи послѣ принятія крещенія св. Владиміромъ былъ одинъ главный архіерей, митрополитъ, который жилъ въ Кіевѣ и потому назывался Кіевскій и всея Руси. Онъ избирался обыкновенно изъ Грековъ и посвящался въ Константинополѣ тамошнимъ патріархомъ. Какъ Грекъ, иностранецъ, не могшій свободно говорить по-русски, митрополитъ не могъ принимать дѣятельнаго участія въ дѣлахъ, происходившихъ на Руси. Когда Кіевъ упалъ, Южная Русь ослабѣла и была окончательно запустошена Татарами, митрополиты стали ѣздить на сѣверъ, оставаться тамъ подолгу и наконецъ увидали, что надобно здѣсь остаться навсегда, потому что здѣсь собралась русская сила. Но какое же княжество, какой городъ митрополитъ выберетъ для своего пребыванія? Это было дѣло важное въ то время, когда сѣверныя княжества боролись за то, которому изъ нихъ быть сильнѣе всѣхъ, покорить себѣ всѣ другія и такимъ об-

разомъ собрать русскую землю. Князей было еще много, а митрополитъ былъ одинъ и назывался онъ митрополитомъ всея Руси; въ которомъ городѣ онъ станетъ жить, на тотъ городъ духовенство, а за нимъ и весь народъ станетъ смотрѣть, какъ на главный городъ всей Руси, и на князя этого города будутъ смотрѣть, какъ на главнаго князя, князя всея Руси; да и митрополитъ будетъ помогать тому князю, въ городѣ котораго станетъ жить. Важно было въ это время и то еще, что митрополитами начали быть русскіе люди. Св. Петръ былъ родомъ съ юга, изъ Волыни, но счелъ необходимымъ поселиться на сѣверѣ и при выборѣ мѣста, гдѣ именно поселиться, предпочелъ Москву. Москва была тогда еще маленькимъ, бѣднымъ городкомъ. Уговаривая Іоанна Калиту построить каменную соборную церковь Успенія Богородицы, св. Петръ говорилъ ему: «Если ты меня, сынъ, послушаешь, храмъ Пречистой Богородицы построишь и меня успокоишь въ своемъ городѣ, то и самъ прославишься больше другихъ князей, и сыновья, и внуки твои, и городъ этотъ славенъ будетъ, святители станутъ въ немъ жить, и подчинитъ онъ себѣ всѣ остальные города». Св. Петръ скончался въ Москвѣ въ 1326 году, погребенъ здѣсь, и послѣдующіе митрополиты слѣдовали его примѣру, жили въ Москвѣ. Другимъ князьямъ это очень не нравилось, да дѣлать было нечего.

ЧТЕНІЕ V.

О великихъ князьяхъ: Димитріи Донскомъ, Василіи Димитріевичѣ и Василіи Васильевичѣ Темномъ.

Великимъ княземъ Владимірскимъ по смерти Юрія Даниловича былъ Тверской князь Александръ Михаиловичъ, и Калита не спорилъ съ нимъ. Но Александръ потерялъ и великое княженіе, и тверское, потому что Тверичи, выведенные изъ терпѣнія насиліями ханскаго посла, убили

его, перебили и всѣхъ Татаръ, бывшихъ съ нимъ. Ханъ прислалъ большое войско, которое безъ сопротивленія опустошило Тверское княжество. Александръ принужденъ былъ бѣжать и потомъ погибъ въ Ордѣ, а Калита сталъ великимъ княземъ, и съ этихъ поръ Московское княжество окончательно усиливается передъ всѣми другими сѣверными княжествами. Когда Калита умеръ въ 1341 году, то ни одинъ князь не могъ спорить съ его сыномъ Симеономъ, который сталъ обращаться съ князьями не по старому, какъ съ братьями, равными владѣльцами, но какъ съ подчиненными, и потому его прозвали Гордымъ. По смерти Симеона былъ Московскимъ и великимъ княземъ братъ его Іоаннъ, который умеръ въ молодыхъ еще лѣтахъ и оставилъ малолѣтняго сына Димитрія.

Малолѣтство князя могло бы быть гибелью для Москвы; но она была уже сильна, сильнѣе всѣхъ другихъ княжествъ, а главное—нашлись люди, которые умѣли воспользоваться этою силою и не дали Москвѣ упасть и при малолѣтнемъ князѣ. Симеонъ Гордый въ своемъ духовномъ завѣщаніи написалъ братьямъ, чтобы они слушались владыки Алексѣя митрополита и старѣйшихъ бояръ, которые отцу ихъ и имъ добра хотѣли. Алексѣй митрополитъ, сынъ московскаго боярина Плещеева и крестникъ великаго князя Іоанна Калиты, особенно оказалъ большія услуги во время малолѣтства князя Димитрія. Знаменитый святостью жизни, уважаемый не въ одной Россіи, но въ Константинополѣ и даже въ Ордѣ, Алексѣй употреблялъ все старані, чтобы дѣло собиранія Русской земли, начатое московскими князьями, не пропало, чтобы Москва не потеряла своей силы; другимъ князьямъ было трудно бороться съ Московскимъ княземъ, хотя онъ былъ и ребенокъ, потому что на его сторонѣ былъ митрополитъ, главный пастырь русской церкви, которому другіе архіереи должны были повиноваться, дѣлать то, что онъ велитъ. Вздумаетъ какой-нибудь князь вооружиться противъ Московскаго князя, искать противъ него помощи въ Литвѣ, не помогать ему противъ Татаръ, митро-

политъ Алексѣй отлучаетъ такого князя отъ церкви; вдругъ въ его городѣ всѣ церкви затворяются, нигдѣ нѣтъ службы Божіей.

Митрополиту Алексѣю помогалъ св. Сергій Радонежскій, основатель Троицкаго монастыря. Сергій въ молодости ушелъ въ дремучій лѣсъ и сначала жилъ здѣсь одинъ, не видя лица человѣческаго; слухъ пронесся о святомъ пустынникѣ, и начали собираться къ нему монахи, несмотря на то, что Сергій встрѣчалъ ихъ словами: «Знайте прежде всего, что мѣсто это трудно, голодно и бѣдно; готовьтесь не къ пищѣ сытной, не къ питью, не къ покою и веселью, но къ трудамъ, печалямъ, напастямъ». Построили нѣсколько бѣдныхъ келій, огородили ихъ тыномъ; Сергій своими руками построилъ три или четыре кельи, самъ носилъ дрова изъ лѣсу и кололъ ихъ, носилъ воду изъ колодезя и ставилъ ведра у каждой кельи, самъ готовилъ кушанье на братію, шилъ платье и сапоги, однимъ словомъ, служилъ всѣмъ, какъ рабъ, и прославился по всѣмъ областямъ русскимъ.

Кромѣ митрополита, важную услугу Москвѣ въ малолѣтство Димитрія оказали бояре, которые не испугались, умѣли воспользоваться силою Москвы и удержать за своимъ княземъ великое княжество Владимірское. Два раза сажали они своего маленькаго князя на коня и водили во Владиміръ выгонять оттуда князя Суздальскаго. Димитрій выросъ и сталъ по примѣру предковъ собирать русскую землю, приводя всѣхъ другихъ князей въ свою волю, изгоняя нѣкоторыхъ и присоединяя ихъ княжества къ Москвѣ. Москву свою онъ укрѣпилъ, въ 1367 году построилъ каменный кремль, а до тѣхъ поръ у города были только деревянныя стѣны. Скоро оказалось, какъ необходимо было укрѣплять эту Москву, около которой собиралась русская земля, потому что Москвѣ приходилось теперь защищать собранную русскую землю отъ сильныхъ враговъ; эти враги будутъ нападать съ разныхъ сторонъ, и Москвѣ придется много терпѣть отъ нихъ. Мы видѣли, что Литва забрала западныя

русскія княжества вмѣстѣ съ Кіевомъ, которымъ овладѣлъ литовскій князь Гедиминъ. Такимъ образомъ Русь раздѣлилась на двѣ части: сѣверо-восточную, которая собиралась около Москвы подъ властью своихъ старинныхъ князей, потомковъ св. Владиміра, и юго-западную, которая подчинилась чужимъ, литовскимъ князьямъ. Но литовскіе князья не хотѣли довольствоваться одною юго-западною Русью, хотѣли точно также завоевать и сѣверо-восточную. Еще при Симеонѣ Гордомъ сынъ Гедимина, Ольгердъ, началъ нападать на Московское княжество и уговаривать татарскаго хана, чтобы тотъ помогъ ему покорить Москву; но Симеонъ, по примѣру отца, постоянно задабривалъ хана, часто ѣздилъ въ орду съ подарками, и потому ханъ не послушался Ольгерда, но послушался Симеона, а Симеонъ представилъ ему, что если Литва овладѣетъ всею Россіей, то будетъ опасна и Татарамъ. Теперь при великомъ князѣ Димитріи Ольгердъ опять начинаетъ воевать съ Москвою по поводу Твери. Въ Твери княжилъ въ это время Михаилъ Александровичъ, князь умный, дѣятельный, смѣлый; ему было очень тяжело, что Москва усилилась, что Московскій князь всѣхъ князей приводитъ въ свою волю; Твери одной бороться противъ Москвы было нельзя, а потому Михаилъ обратился съ просьбою о помощи къ Ольгерду, тѣмъ болѣе, что между ними было свойство; Ольгердъ былъ женатъ на его сестрѣ. Ольгердъ былъ непріятель опасный; онъ бралъ не столько силою, сколько хитростью; у него былъ такой обычай, что никто не зналъ, ни свои, ни чужіе, куда онъ замышляетъ походъ. Два раза онъ нападалъ врасплохъ на Московское княжество, два раза осаждалъ Москву, но не могъ взять новопостроеннаго кремля; въ третій разъ Ольгерду не удалось напасть нечаянно: Димитрій встрѣтилъ его съ войскомъ и заставилъ бѣжать.

Михаилу Тверскому не помогъ союзъ съ Литвою, онъ долженъ былъ отказаться отъ него и подчиниться московскому князю: на кого тотъ пойдетъ въ походъ, на того же долженъ былъ идти и тверской князь. Особенно важно было

въ мирномъ договорѣ между Москвою и Тверью условіе относительно Татаръ: «Будемъ ли мы въ мирѣ съ Татарами, говоритъ Димитрій Михаилу тверскому, дадимъ ли выходъ (т.-е. дань) или не дадимъ—это зависитъ отъ насъ; если Татары пойдутъ на насъ или на тебя, то намъ биться вмѣстѣ; если мы пойдемъ на нихъ, то и тебѣ идти съ нами вмѣстѣ».

Изъ этихъ словъ договора ясно видно, что Димитрій считалъ возможнымъ дѣломъ борьбу съ Татарами. Въ то самое время, когда Россія начала усиливаться оттого, что соединялась въ одно государство, благодаря собирателямъ земли, московскимъ князьямъ, орда татарская начала ослабѣвать оттого, что стала распадаться; въ ней стали появляться разные ханы, которые свергали другъ друга. Такимъ образомъ пришла пора Россіи освобождаться отъ татарскаго ига, пришла пора русскимъ князьямъ переставать ѣздить въ орду, возить дань и покупать ярлыки. Послѣ долгихъ смутъ въ ордѣ овладѣлъ наконецъ ханскою властью вельможа Мамай. Этотъ Мамай очень сердился на великаго князя Димитрія за то, что тотъ въ своихъ войнахъ съ другими князьями не обращалъ никакого вниманія на его ярлыки. Въ 1378 году Мамай послалъ противъ Москвы войско подъ начальствомъ князя Бегича; но Димитрій вышелъ навстрѣчу Татарамъ за Оку и разбилъ ихъ на берегу рѣки Вожи.

Мамай, разумѣется, еще больше разсердился за это, и въ 1380 году, собравши большое войско, самъ пошелъ на Димитрія. Ольгерда литовскаго въ это время уже не было на свѣтѣ; ему наслѣдовалъ сынъ его Ягайло, который обѣщалъ Мамаю помочь на Москву; изъ русскихъ князей Олегъ Рязанскій не посмѣлъ или не захотѣлъ объявить себя противъ Татаръ и вступилъ въ сношенія съ Мамаемъ и Ягайломъ. Но другіе князья явились на зовъ Димитрія или прислали ему войско. Передъ выступленіемъ въ походъ великій князь поѣхалъ въ Троицкій Сергіевъ монастырь; святой игуменъ благословилъ Димитрія на войну, обѣщалъ побѣду,

хотя нелегкую, и отпустилъ съ нимъ въ походъ двоихъ монаховъ, Пересвѣта и Ослябя, изъ которыхъ первый былъ прежде бояриномъ и оба отличались въ міру своимъ мужествомъ. Димитрій выступилъ въ походъ и 6 сентября достигъ рѣки Дона. Здѣсь начали думать, переходить Донъ или нѣтъ. Одни говорили: «Ступай, князь, за Донъ; а другіе: не ходи, потому что враговъ много, не одни Татары, но и Литва, и рязанцы». Димитрій послушался первыхъ; послушался и грамоты св. Сергія, который писалъ ему: «Непремѣнно, господинъ, ступай, поможетъ тебѣ Богъ и св. Богородица». 8 сентября, утромъ, Русскіе переправились за Донъ и построились при устьѣ рѣки Непрядвы. Скоро показались Татары; Русскіе двинулись къ нимъ навстрѣчу и сошлись съ ними на широкомъ полѣ Куликовѣ. Началась битва, какой никогда еще не бывало прежде: говорятъ, что кровь лилась какъ вода, лошади не могли ступать по трупамъ, ратники задыхались отъ тѣсноты. Пѣшая русская рать уже лежала какъ скошенное сѣно, и Татары начали одолѣвать. Но въ засадѣ въ лѣсу стояли еще свѣжіе русскіе полки подъ начальствомъ двоюроднаго брата великокняжескаго, князя Владиміра Андреевича и московскаго воеводы Волынскаго. Владиміръ, видя, что побѣда клонится на сторону Татаръ, началъ говорить Волынскому: «Долго ль намъ здѣсь стоять? Какая отъ насъ польза? Смотри, уже всѣ христіанскіе полки лежатъ мертвы!» Но Волынскій отвѣчалъ, что еще нельзя выходить изъ засады, потому что вѣтеръ дуетъ прямо въ лицо Русскимъ. Но скоро вѣтеръ перемѣнился. «Теперь пора!» сказалъ Волынскій, и засадное ополченіе бросилось на Татаръ, которые не выдержали и побѣжали. Русскіе гнали ихъ до рѣки Мечи и овладѣли всѣмъ ихъ становъ.

Возвратившись съ погони, князь Владиміръ Андреевичъ велѣлъ трубить въ трубы, чтобы собрать всѣхъ оставшихся въ живыхъ ратниковъ. Всѣ собрались, не было только одного великаго князя Димитрія. Владиміръ сталъ спрашивать, не видалъ ли кто его? Одни говорили, что видѣли его

жестоко израненнаго и потому надобно искать его между трупами; другіе говорили, что видѣли, какъ онъ отбивался отъ четырехъ татаръ и ушелъ, но не знаютъ, что послѣ съ нимъ случилось; одинъ объявилъ, что видѣлъ, какъ великій князь, раненый, пѣшкомъ возвратился съ боя. Князь Владиміръ Андреевичъ сталъ со слезами упрашивать, чтобы всѣ искали великаго князя, обѣщалъ богатыя награды тому, кто найдетъ. Ратники разсѣялись по полю, и двое изъ нихъ, уклонившись въ сторону, нашли Димитрія, едва дышащаго, подъ вѣтвями недавно срубленнаго дерева. Получивши вѣсть, что Димитрій найденъ, Владиміръ Андреевичъ поскакалъ къ нему и объявилъ о побѣдѣ; Димитрій съ трудомъ пришелъ въ себя, съ трудомъ распозналъ, кто съ нимъ говоритъ и о чемъ; панцырь его былъ весь избитъ, но на тѣлѣ не было ни одной опасной раны. Была на Руси радость великая, говоритъ лѣтописецъ, но была и печаль большая по убитыхъ на Дону, которыхъ было множество: считали, что возвратилась изъ походу только десятая доля; оскудѣла совершенно вся земля Русская воеводами и воинами, и отъ этого былъ страхъ большой повсюду; вдругъ придутъ опять Татары или Литва—кѣмъ борониться? Страхъ не былъ напрасенъ.

Когда Мамай прибѣжалъ съ Дона домой, то на него напалъ другой ханъ татарскій Тохтамышъ, разбилъ и овладѣлъ его ордою. Тохтамышу было очень досадно, что русскіе князья не ѣдутъ къ нему съ поклономъ, не везутъ дани; но послѣ Донской битвы Татары уже боялись явно нападать на Россію, и потому Тохтамышъ въ 1382 году собралъ большое войско и пошелъ къ Москвѣ, соблюдая большую осторожность, чтобы въ Русской землѣ не узнали о его походѣ. Великій князь Димитрій узналъ уже очень поздно о приближеніи Татаръ, и когда хотѣлъ выйти къ нимъ навстрѣчу, то нашелъ, что войска мало и трудно было собрать его скоро около Москвы: онъ поѣхалъ на сѣверъ, въ Переяславль, оттуда въ Кострому собирать полки, и въ его отсутствіе Тохтамышъ подошелъ къ Москвѣ, т.-е. къ Кре-

млю, потому что всѣ дома, которые были около Кремля, въ посадѣ, всѣ были пожжены самими Москвичами и всѣ они со всѣмъ имѣніемъ заперлись въ Кремлѣ; такъ всегда тогда дѣлали при осадѣ городовъ. Три дня бились Татары подъ Кремлемъ, но не могли его взять: приставятъ лѣстницы, полѣзутъ на стѣны, а Москвичи обдадутъ ихъ изъ котловъ горячею водою, обсыплютъ каменьями, стрѣляли изъ ружей и пушекъ, о которыхъ лѣтописецъ тутъ въ первый разъ упоминаетъ.

Видя, что силою взять Кремль нельзя, Тохтамышъ попробовалъ, нельзя ли взять его хитростью; онъ послалъ бывшихъ у него двоихъ князей нижегородскихъ сказать Москвичамъ: «Ханъ хочетъ жаловать васъ, потому что вы не виноваты; не на васъ пришелъ ханъ, а на князя Димитрія, отъ васъ же онъ требуетъ только, чтобъ вы встрѣтили его и поднесли небольшіе дары; хочется ему поглядѣть вашъ городъ и побывать въ немъ, а вамъ дастъ миръ и любовь. Нижегородскіе князья дали Москвичамъ клятву, что ханъ не сдѣлаетъ имъ никакого зла. Тѣ повѣрили, отворили кремлевскія ворота и вышли лучшіе люди съ дарами; но Татары ворвались въ Кремль, жителей побили или поплѣнили, церкви и дома разграбили. Взявши Москву, Татары разсыпались по всему княжеству московскому и начали брать другіе города; но когда одинъ изъ татарскихъ отрядовъ наткнулся на русское войско, бывшее подъ начальствомъ князя Владиміра Андреевича, и былъ разбитъ, и когда въ то же время Тохтамышъ узналъ, что самъ великій князь Димитрій стоитъ съ войскомъ въ Костромѣ, то испугался и пошелъ назадъ къ себѣ въ степь: это уже прямо показывало, что хотя Татары и могли дѣлать нечаянныя и потому удачныя нападенія на Россію, но владѣть ею попрежнему уже не могли; Батыево время прошло; Татары теперь уже боялись вступать въ битву съ Русскими, и этотъ страхъ нагнало на нихъ Куликовское сраженіе.

Великій князь Димитрій, прозванный за Куликовскую побѣду Донскимъ, умеръ въ 1389 году, только 39 лѣтъ отъ

рожденія. Умирая, онъ прямо благословилъ сына своего Василія великимъ княженіемъ владимірскимъ, зная, что ни одинъ князь не осмѣлится спорить за него съ княземъ московскимъ, который былъ сильнѣе всѣхъ князей, несмотря на Тохтамышево нашествіе. Дѣйствительно, у Василія Димитріевича соперниковъ не оказалось, и онъ продолжалъ дѣло своихъ предковъ, собиралъ Русскую землю, присоединилъ къ Москвѣ княжества—Суздальское, Муромское, Нижегородское. Но въ то время, какъ московскій князь расширялъ свои владѣнія на востокѣ, литовскій князь расширялъ свои владѣнія на счетъ западной Россіи. Мы видѣли, что по смерти Ольгерда въ Литвѣ княжилъ сынъ его Ягайло; этотъ Ягайло не былъ похожъ на отца, не былъ ни уменъ, ни храбръ; но онъ замѣчателенъ тѣмъ, что съ него началась эта несчастная связь у Литвы и западной Россіи съ Польшею. Польскій король Людовикъ умеръ, не оставивъ сыновей; осталась у него дочь Ядвига, къ которой и посватался Ягайло. Ядвигѣ не хотѣлось выходить за него; но Ягайлу очень хотѣлось сдѣлаться королемъ польскимъ, и онъ сталъ давать обѣщанія, что и приметъ онъ католическую вѣру самъ, со всѣми родными, вельможами и народомъ, и соединитъ на вѣки съ Польшею Литву и западную Россію. Архіереямъ и панамъ польскимъ все это очень нравилось и они уговорили Ядвигу выйти за Ягайла. Поляки были рады, что безъ труда освободились отъ опаснаго врага, потому что отъ Литвы и имъ приходилось плохо; Поляки были рады, что присоединялись къ нимъ такія обширныя земли, какъ Литва и особенно западная Русь. Но не были рады Литовцы и Русскіе.

Литовцы изъ независимаго и господствующаго народа становились какимъ-то придаткомъ къ Польшѣ; точно пошли они въ приданое за своимъ великимъ княземъ, который женился на королевнѣ и становился королемъ польскимъ. Очень не рады были Русскіе; при князьяхъ литовскихъ у нихъ все оставалось по-старому. Литовцы были народъ дикій, идолопоклонники, грамоты у нихъ не было,

а потому, когда они поселились между Русскими, то стали у нихъ учиться всему, переняли языкъ и письмо; всѣ грамоты княжескія писались, всѣ дѣла производились на русскомъ языкѣ, русскими людьми; многіе Литовцы, бояре и самые князья принимали православную вѣру, такъ что Литва, начиная съ князей и вельможъ, скоро совсѣмъ обрусѣла бы. Но теперь вдругъ пошло все иначе. Ягайло принялъ христіанство по римско-католическому исповѣданію и заставилъ всѣхъ своихъ Литовцевъ, которые еще были язычниками, также принять католичество; Русскіе и Литовцы, принявшіе прежде христіанство православнаго исповѣданія, и остались при немъ: такимъ образомъ въ литовско-русскихъ областяхъ стали жить вмѣстѣ католики и православные, и католики начали тѣснить православныхъ, пользуясь тѣмъ, что теперь государи, короли польскіе и великіе князья литовскіе были католики. Русскимъ стало тяжело; а такъ какъ и Литовцы не хотѣли быть въ зависимости отъ Польши, то Литва и западная Русь долго будутъ отбиваться отъ соединенія съ Польшею, будутъ стараться имѣть своего собственнаго великаго князя. Такъ и теперь въ самомъ началѣ при Ягайлѣ они взяли себѣ другого великаго князя, двоюроднаго брата Ягайлова, Витовта, и Ягайло съ Поляками должны были терпѣть это, потому что Витовтъ былъ князь умный и храбрый; при этомъ онъ былъ такъ властолюбивъ, что хотѣлъ овладѣть и восточною, московскою Русью, несмотря на то, что не имѣлъ сыновей, а родная дочь его Софья Витовтовна была замужемъ за московскимъ великимъ княземъ Василіемъ Димитріевичемъ. Витовтъ обманомъ захватилъ Смоленскъ, воспользовавшись ссорами между его князьями, сталъ нападать на Новгородъ и Псковъ, прямо объявляя желаніе овладѣть ими; великій князь Василій долго терпѣлъ, наконецъ вооружился противъ тестя; три раза они сходились и расходились безъ битвы, потому что оба были осторожны, наконецъ, заключили миръ, по которому рѣка Угра назначена была границею между московскими и литовскими владѣніями.

Литва остановилась на Угрѣ, дальше литовскія владѣнія не шли никогда; а съ востока не давали покоя Татары. Въ это время они опять усилились, потому что среди ихъ князьковъ явился одинъ очень храбрый и властолюбивый, котораго звали Тамерланомъ; началъ онъ мелкими разбоями въ степяхъ и кончилъ тѣмъ, что основалъ обширное владѣніе; онъ разбилъ и прогналъ Тохтамыша и вступилъ въ русскіе предѣлы, взялъ Елецъ, который былъ тогда на югѣ пограничнымъ городомъ со степью. Нападеніе Тамерлана не было нечаянное, и Василій Дмитріевичъ имѣлъ время приготовиться, онъ собралъ большое войско и сталъ на границахъ своего княжества, на берегу Оки. Но онъ не дождался Татаръ: Тамерланъ, простоявши 15 дней въ землѣ русской, вышелъ изъ русскихъ предѣловъ 26 августа, въ тотъ самый день, когда Москвичи встрѣтили старинную икону Богородицы, принесенную изъ Владиміра и оставшуюся съ этихъ поръ въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ; до сихъ поръ Москва крестнымъ ходомъ празднуетъ это срѣтеніе Владимірской иконы и избавленіе Россіи отъ страшнаго Тамерлана.

Василій Дмитріевичъ умеръ въ 1425 году, оставивъ Москву и великое княженіе малолѣтнему сыну Василію Васильевичу, и никто изъ чужихъ князей не смѣлъ спорить съ ребенкомъ, отнимать у него великое княженіе владимірское. Но для Москвы явилась небывалая бѣда, открылась усобица между ея собственными князьями, между самими потомками Калиты: у Василія Васильевича былъ родной дядя, Юрій Димитріевичъ, князь Звенигородскій. Этотъ Юрій, по старинѣ, не хотѣлъ уступить старшинство племяннику, сталъ съ нимъ воевать, и Василій два раза терялъ Москву, долженъ былъ уступить ее дядѣ. Юрій скоро умеръ, и Василій утвердился въ Москвѣ; но у Юрія осталось двое сыновей, Василій, прозваніемъ Косой, и Димитрій, прозваніемъ Шемяка, которые не хотѣли довольствоваться своими удѣлами и питали непримиримую вражду къ великому князю; они не имѣли никакого права на старшинство, на

великое княженіе; но о правахъ они уже не думали, они видѣли, что старина пришла къ концу, что каждый великій князь пользуется своею силою, чтобы лишать слабыхъ князей независимости и владѣній, чтобы собирать русскую землю и оставить ее своему сыну; видѣли, что весь народъ сочувствуетъ этому, потому что народу наскучили усобицы, не дававшія ему спокойно заниматься мирнымъ трудомъ, видѣли, что духовенство именемъ Божіимъ вооружается противъ старины и требуетъ перехода престола отъ отца къ сыну, а не отъ брата къ брату: видя все это, видя, что имъ придется рано или поздно отказаться отъ своей независимости, отъ своихъ удѣловъ, Косой и Шемяка хотѣли избавиться отъ этой участи во что бы то ни стало, силою или хитростью. Такія борьбы, гдѣ дѣло идетъ не о правахъ уже, а о томъ, чтобы всякими средствами избыть бѣды, такія борьбы обыкновенно отличаются упорствомъ, жестокостью. Великій князь Василій Васильевичъ, побѣдивши и взявши въ плѣнъ Косого, велѣлъ его ослѣпить, чтобъ отнять у него средства къ дальнѣйшей борьбѣ. Но жестокость вела къ мести, къ новой жестокости. Слѣпецъ Василій скоро умеръ: остался братъ его Шемяка, который ждалъ случая отмстить: случай скоро представился.

Между Татарами шли также междоусобія. Ханъ Улу-Махметъ, выгнанный изъ Волжской или Золотой Орды братомъ своимъ, ушелъ съ преданными себѣ толпами Татаръ на сѣверъ и на берегахъ же Волги основалъ царство Казанское. Это утвержденіе Татаръ въ сосѣдствѣ съ русскими владѣніями съ самаго же начала оказалось гибельнымъ для Россіи: Татары стали безпрестанно нападать на нее и опустошать. Въ 1445 году великій князь Василій, услыхавъ о нападеніи Татаръ, выступилъ противъ нихъ и нечаянно столкнулся съ ними недалеко отъ Суздаля, когда еще не всѣ войска были у него въ сборѣ. Татары разбили Русскихъ; самъ великій князь попался въ плѣнъ и былъ отведенъ въ Казань. Шемяка обрадовался и послалъ къ Улу-Махмету уговаривать его, чтобы не выпускалъ Василія Васильевича

изъ плѣна. Это ему не удалось, Улу-Махметъ выпустилъ Василія; но Шемяка спѣшилъ воспользоваться неудовольствіемъ въ народѣ, когда начались тяжелые поборы на уплату выкупа въ Казань за великаго князя, особенно когда наѣхало въ Москву много Татаръ, которыхъ Василій принялъ къ себѣ въ службу. Шемяка сталъ распускать слухи, что Василій обѣщалъ въ Казани отдать Татарамъ все московское княжество, а себѣ взять Тверь. Въ Москвѣ составился заговоръ въ пользу Шемяки, и когда въ 1446 году Василій поѣхалъ на богомолье къ Троицѣ, Шемяка ночью врасплохъ овладѣлъ Москвою и захватилъ семейство великаго князя, вѣрныхъ бояръ, казну; самого Василія схватили въ Троицкомъ монастырѣ, привезли въ Москву и ослѣпили, отъ чего онъ и получилъ названіе Темнаго. Шемяка отославъ слѣпого Василія сперва въ Угличъ, а потомъ далъ ему въ удѣлъ Вологду, но злодѣйство не помогло Шемякѣ; у Василія, хотя и слѣпого, оказалось множество приверженцевъ, которые спѣшили къ нему на помощь со всѣхъ сторонъ. Шемяка потерялъ Москву такъ же легко, какъ и добылъ ее; но онъ не хотѣлъ прекращать борьбы; не имѣя возможности самъ успѣшно воевать съ Василіемъ, онъ повсюду искалъ ему враговъ, не давалъ ему покоя; преслѣдуемый войскомъ великокняжескимъ, проклинаемый духовенствомъ, онъ долженъ былъ наконецъ удалиться въ Новгородъ и тамъ умеръ.

Смертью Шемяки прекратилось это послѣднее междоусобіе между русскими князьями—родственниками за старшій столъ, за великое княженіе. Чтобы утвердить новый порядокъ престолонаслѣдія отъ отца къ сыну, великій князь Василій при жизни своей назвалъ старшаго сына Іоанна великимъ княземъ, и грамоты (указы) писались отъ имени двоихъ великихъ князей: Василія Васильевича и Іоанна Васильевича. Духовенство сильно старалось объ утвержденіи этого новаго порядка, ибо видѣло, что только благодаря ему утвердится единство, сила Россіи и прекратятся кровопролитія, бѣдствія народныя. Шемяка имѣлъ

противъ себя духовенство, имѣлъ противъ себя митрополита, которымъ былъ тогда Іона, третій великій святитель русской церкви послѣ Петра и Алексія. Іона былъ поставленъ въ митрополиты соборомъ русскихъ архіереевъ, тогда какъ до сихъ поръ митрополиты и русскіе родомъ должны были ѣздить для посвященія своего въ Константинополь, но теперь Греческая имперія была на краю погибели, въ Константинополѣ происходили смуты, и въ 1453 году онъ былъ взятъ Турками. Великій князь Василій объявилъ, что русская церковь не разрываетъ тѣсной связи съ греческою и всегда будетъ сохранять православіе, но митрополиты съ этихъ поръ всегда уже поставлялись въ Москвѣ. Въ Кіевѣ для западной Россіи литовскіе князья постарались устроить особаго митрополита; имъ было досадно, что митрополитъ всея Руси жилъ въ Москвѣ и, разумѣется, желалъ больше добра православному московскому великому князю, чѣмъ литовскому, язычнику или потомъ католику; литовскимъ князьямъ было досадно, что ихъ русскіе подданные находятся по церковнымъ дѣламъ въ зависимости отъ митрополита, жившаго въ Москвѣ, а московскихъ князей они считали всегда своими соперниками, врагами: поэтому они и настояли, чтобы въ Кіевѣ былъ особый митрополитъ.

ЧТЕНІЕ VI.

О великомъ князѣ Іоаннѣ III Васильевичѣ и женѣ его Софіи Ѳоминичнѣ. О томъ, какъ украсилась Москва и какъ великій князь сталъ жить и вести себя иначе. О томъ, какъ присоединенъ былъ Новгородъ великій; какъ устроились войска въ Россіи, служилые люди, помѣщики. О покореніи Перми и Вятки. О разрушеніи Золотой Орды; о подчиненіи Казани великому князю. О томъ, какъ западные русскіе князья изъ-за православія стали переходить отъ Литвы къ Москвѣ и какъ счастливо кончилась война литовская. О княженіи Василія Ивановича; о присоединеніи Пскова и Рязани; о взятіи Смоленска, о разбойничествахъ Крымскихъ.

Въ 1462 г. скончался великій князь Василій Васильевичъ Темный, и ему наслѣдовалъ старшій сынъ Іоаннъ III Васильевичъ. У Іоанна III было еще четверо младшихъ братьевъ, которые, по отцовскому завѣщанію, получили каждый участки или удѣлы, но всѣ эти удѣлы, взятые вмѣстѣ, были гораздо меньше той области, какую получилъ старшій братъ Іоаннъ. Эта область и съ удѣлами младшихъ братьевъ заключалась въ нынѣшнихъ губерніяхъ: Московской, Владимірской, Нижегородской, Костромской, Ярославской и въ частяхъ Тульской, Калужской, Вологодской и Архангельской Но важно было то, что другія княжества были до крайности слабы, сопротивляться московскимъ силамъ не могли; Татары ослабѣвали все больше и больше; въ Литвѣ княжилъ Казимиръ Ягайловичъ, который былъ вмѣстѣ и королемъ польскимъ; все свое вниманіе онъ долженъ былъ обращать на польскія дѣла, и некогда ему было мѣшать московскому великому князю усиливаться. Такимъ образомъ обстоятельства были самыя благопріятныя для Москвы, а Іоаннъ III умѣлъ пользоваться обстоятельствами, да и во второй женѣ своей нашелъ хорошую совѣтницу. Въ пер-

вомъ бракѣ онъ былъ женатъ на княжнѣ тверской, овдовѣлъ рано, хотѣлъ жениться въ другой разъ, и скоро представилась невѣста знаменитая.

Когда Константинополь былъ взятъ Турками и послѣднiй греческiй императоръ, Константинъ Палеологъ, былъ убитъ при этомъ, то братъ его Ѳома бѣжалъ въ Италiю и нашелъ убѣжище въ Римѣ у папы. У этого Ѳомы была дочь Софья, и папа Павелъ II хотѣлъ сыскать ей жениха. Онъ слышалъ, что далеко на сѣверѣ есть обширная страна Россiя или Московiя, какъ ее тогда называли иностранцы, гдѣ жители христiане, но держатся восточнаго греческаго исповѣданiя, а папамъ всегда хотѣлось, чтобъ всѣ христiане были западнаго, латинскаго исповѣданiя и подчинялись ихъ власти: папѣ поэтому пришла мысль высватать Софью Ѳоминичну за московскаго великаго князя: папа надѣялся, что Софья, воспитанная въ Римѣ, постарается, что бы мужъ ея и его подданные присоединились къ римской церкви. Папа предложилъ Iоанну III жениться на Софiи, и тотъ принялъ предложенiе. Въ 1472 году Софья прiѣхала въ Москву и обвѣнчалась съ великимъ княземъ. Софья была воспитана въ Италiи, которая въ это самое время была самая богатая страна въ Европѣ; города ея отличались великолѣпiемъ своихъ построекъ, итальянскiе мастера считались лучшими, повсюду начали подражать Итальянцамъ во всемъ. Прiѣхавши въ Россiю, греческая царевна нашла страну, которая поражала своею бѣдностью, отсутствiемъ красивыхъ и большихъ каменныхъ зданiй въ городахъ, особенно въ столицѣ великокняжеской, въ Москвѣ, потому что Москва поднялась въ самое несчастное время: съ одной стороны Татары, съ другой Литва; некогда было думать о великолѣпныхъ зданiяхъ, да и не на что ихъ было строить; князья берегли денежку на черный день, а черныхъ дней было довольно; деньги нужно было отвозить въ Орду, задаривать хана и вельможъ его, чтобы Татары не опустошали страны и не мѣшали управляться со внутренними врагами, деньги нужны были князьямъ для покупки селъ и

цѣлыхъ городовъ, чѣмъ и усилилось Московское княжество. Великіе князья жили въ Москвѣ очень просто; по ихъ завѣщаніямъ можно видѣть, въ чемъ состояло ихъ имущество: нѣсколько иконъ, дорогого платья, цѣпей, нѣсколько сосудовъ столовыхъ, и всего этого такъ немного, что можно было уложить въ одинъ небольшой сундукъ; простые деревянные столы да скамейки—вотъ что наполняло немногія и тѣсныя комнаты великокняжескаго дома. Но если такъ бѣдно жили князья, то еще бѣднѣе простые люди, и Москва предсталвяла сѣрую кучу бѣдныхъ деревянныхъ избъ, одна побольше, другая поменьше; у кого заводилось платье подороже, ожерелье жемчужное, серьги съ дорогими каменьями, чарки серебряныя, относили на сбереженіе въ каменную церковь для безопасности отъ пожаровъ, которые были безпрестанно. Заслышатъ о Татарахъ, о Литвѣ, собраться легко, все богатство въ узелокъ и садятся или въ каменный Кремль въ осаду, или уѣзжаютъ куда подальше, а домъ сгоритъ—не жаль, выстроить его потомъ легко, лѣсу множество и постройка незатѣйная, дешевая.

Самое дорогое въ домѣ у стариннаго русскаго человѣка—это святая икона въ переднемъ углу, благословеніе прародительское; самое дорогое въ старинномъ русскомъ городѣ—это соборная церковь, на постройку и украшеніе которой не щадили казны ни князья, ни простые люди. Въ разныхъ городахъ русскихъ, особенно въ Новгородѣ Великомъ, во Владимірѣ, были большія красивыя соборныя церкви; но въ Москвѣ не было такой церкви. Каменный Успенскій соборъ, воздвигнутый при Калитѣ, былъ построенъ такъ неискусно, непрочно, что черезъ сто съ чѣмъ-нибудь лѣтъ уже обветшалъ, своды тронулись, а потому надобно было подпереть его толстыми деревянными столбами. Совѣстно было, что въ стольномъ городѣ великаго князя всея Руси соборная церковь развалилась, подперта была деревянными столбами, особенно совѣстно было великому князю, что подумаетъ невѣста, царевна греческая, которая уже ѣхала изъ Италіи. Въ 1472 году ветхую цер-

ковь разрушили, начали строить новую, но только что начали сводить своды, какъ она рухнула. Великій князь послалъ въ Италію искать хорошаго архитектора, и привезли изъ Венеціи Аристотеля Фіоравенти, который согласился ѣхать въ Москву за десять рублей въ мѣсяцъ жалованья. Въ 1475 году Аристотель началъ и въ 1479 году кончилъ строеніе Успенскаго собора, который и до сихъ поръ стоитъ въ томъ же самомъ видѣ вотъ уже скоро 400 лѣтъ *).

Одною соборною церковью не удовольствовались, другіе мастера построили соборы—Архангельскій, Благовѣщенскій, построенъ былъ каменный дворецъ великокняжескій, нѣсколько красивыхъ башенъ; митрополитъ и нѣкоторые богатые люди построили себѣ также каменные дома. Москва (т.-е. Кремль) приняла другой видъ; большія каменныя зданія возбуждали удивленіе, уваженіе. Среди деревянныхъ сѣрыхъ городовъ русскихъ Москва стала слыть бѣлокаменною, пошли слухи, что въ Москвѣ великій князь то и дѣло, что строится; а пошли всѣ постройки, перемѣнилась Москва съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхала въ нее греческая царевна Софья Ѳоминична; иначе съ тѣхъ поръ сталъ жить великій князь, больше стало около него великолѣпія, иначе сталъ онъ и вести себя, гораздо важнѣе, и стали люди толковать, что какъ пришла Софья Ѳоминична, русская земля старые свои обычаи перемѣнила, переставила. Узнали о Россіи, о Москвѣ и въ другихъ дальнихъ странахъ европейскихъ и стали присылать въ Москву пословъ посмотрѣть, что это за новое государство, какую изъ него можно получить пользу. И великій князь Іоаннъ III также отправлялъ туда взамѣнъ своихъ пословъ и старался получить пользу отъ этихъ сношеній, наказывалъ своимъ посламъ добывать за границею мастеровъ разныхъ, рудниковъ, которые умѣли бы находить руды золотыя и серебряныя, мастеровъ, которые бы умѣли къ городамъ при-

*) Написано въ 1862 году.—Изд.

ступать и изъ пушекъ стрѣлять, каменщиковъ, которые бы умѣли каменныя палаты строить, серебряныхъ мастеровъ, которые бы умѣли большіе сосуды дѣлать и кубки.

Надобились мастера, которые бы умѣли къ городамъ приступать и изъ пушекъ стрѣлять, значитъ великому князю нужно было войны вести. Первая война у него была съ Новгородомъ Великимъ. Новгородъ, находясь поблизости отъ Балтійскаго моря, давно уже разбогатѣлъ отъ торговли иностранной, заморской, былъ самымъ большимъ красивымъ городомъ на сѣверѣ, и когда Кіевъ былъ разоренъ Татарами и больше не поднимался, то лучше и богаче Новгорода Великаго не было города во всей русской землѣ. Когда въ старину князей было много, воевали они другъ съ другомъ и выгоняли другъ друга изъ княжествъ, и въ Новгородѣ мѣнялись князья: одолѣетъ Мономаховичъ и сядетъ въ Кіевѣ, и шлетъ въ Новгородъ сына или брата; одолѣетъ Ольговичъ, шлетъ въ Новгородъ своего сына или брата, и новый князь выгоняетъ изъ Новгорода стараго. Но жителямъ Новгорода не могли быть пріятны эти частыя перемѣны князей, одинъ князь имъ нравился, другой нѣтъ, хорошаго князя имъ хотѣлось у себя удержать; бывало и такъ, что за одного князя стояли одни богатые, сильные люди, а за другого другіе, и княжескія перемѣны стали возбуждать волненія, междоусобія въ городѣ, народъ сходился на вѣчѣ и, смотря по тому, приверженцы какого князя побѣдятъ, того принимаютъ, а соперника его выгоняютъ; власть князей отъ этого понижалась; принимая князя, Новгородцы съ нимъ договаривались, чтобъ онъ велъ себя такъ, а не иначе, и подлѣ князя сталъ избираемый народомъ посадникъ, безъ вѣдома котораго князь ничѣмъ не распоряжался.

Такъ жили Новгородцы до того времени, какъ въ сѣверной Россіи начали усиливаться княжества то одно, то другое, и дѣло пошло къ собиранію русской земли въ одно государство. Великіе князья, сохраняя верховную власть надъ Новгородомъ, посылая туда своихъ намѣстниковъ, были недовольны тѣмъ, что Новгородцы не хотѣли повино-

ваться имъ такъ, какъ повиновались жители другихъ городовъ, собирались на вѣча, рѣшали дѣла, избирали посадниковъ У великихъ князей съ Новгородцами начались поэтому частыя непріятности, и дѣло обыкновенно оканчивалось тѣмъ, что великіе князья собирали войско и ходили на Новгородъ, а богатые Новгородцы отплачивались деньгами, и великіе князья удовольствовались этимъ, потому что деньги имъ были очень нужны для задариванія Татаръ и покупки земель.

Новгородцы видѣли, что имъ не удержаться при своемъ вѣчѣ и посадникѣ, когда одно какое-нибудь княжество возьметъ верхъ надъ другими и соберетъ русскую землю, и потому они стали поддерживать междоусобія, чтобы не дать одному княжеству взять силу надъ другими; притѣсняемые князьями тверскими, они стали поддерживать противъ нихъ князей московскихъ, но когда московскіе князья усилились, то точно также стали ходить на Новгородъ войною и брать съ него деньги. Новгородцы обрадовались междоусобію между самими московскими князьями въ княженіе Василія Темнаго, и Шемяка умеръ у нихъ. За это Василій Темный пошелъ на Новгородъ войною, взялъ съ него большія деньги и ограничилъ распоряженія вѣча. Сынъ его нанесъ Новгороду послѣдній ударъ, что было не трудно ему сдѣлать. Новгородцы считали за собою обширныя владѣнія, которыя простирались до Бѣлаго моря и Сибири; но это были пустынныя страны, гдѣ Новгородцы для торговыхъ выгодъ имѣли разбросанныя на обширныхъ пространствахъ поселенія, которыя нужно было защищать, а не то, чтобы получать отъ нихъ защиту, помощь войскамъ; сами Новгородцы были народъ торговый, а не воинственный; притомъ они ссорились другъ съ другомъ; простые люди жили не въ ладу съ богатыми и знатными людьми, а богатые и знатные враждовали другъ съ другомъ, и вражда эта иногда доходила до побоищъ: одна часть города шла на другую, жители одной улицы бились съ жителями другой: на вѣчахъ богатые и знатные люди нанимали толпы людей,

готовыхъ на все изъ-за денегъ, и тѣ крикомъ и кулаками рѣшали дѣла въ пользу своихъ наемщиковъ.

Въ началѣ княженія Іоанна III въ Новгородѣ образовалась сильная сторона людей, которая, видя усиленіе Москвы, грозившей ихъ волѣ, хотѣла подчиниться великому князю литовскому Казимиру на выгодныхъ для Новгорода условіяхъ; но была и другая сторона, которая хотѣла остаться при Москвѣ, не хотѣла литовскаго князя, потому-что онъ былъ католикъ. Первая сторона, во главѣ которой стояли бояре Борецкіе со своею матерью, Мароою, вдовою бывшаго посадника, взяла верхъ и отдала Новгородъ подъ покровительство Казимира, который обязался оставить въ Новгородѣ все такъ, какъ было, и защищать его отъ московскаго великаго князя. Іоаннъ, узнавши объ этомъ, пошелъ съ войсками на Новгородъ въ 1471 году, разбилъ Новгородцевъ и заставилъ ихъ просить мира: они заплатили ему деньги и обязались не поддаваться Литвѣ; а въ 1478 году Новгородъ подчинился великому князю окончательно, отказавшись отъ вѣча и посадника, потому что Іоаннъ объявилъ: «Хочу властвовать въ Новгородѣ, какъ властвую въ Москвѣ».

Великій князь взялъ у Новгородцевъ, у архіерея, у монастырей и у свѣтскихъ людей часть ихъ земель, которыя должны были идти на помѣстья служилымъ людямъ. Новое русское государство, составленное Московскими князьями, было государство бѣдное, доходы великихъ князей были очень невелики, потому что народу было мало, мало городовъ, гдѣ процвѣтали бы промыслы, торговля; а между тѣмъ опасности со всѣхъ сторонъ, надобно отбиваться отъ враговъ, надобно, слѣдовательно, имѣть большое войско; но какъ его содержать, на войско идетъ много денегъ, денегъ нѣтъ, но много земли, и потому стали раздавать земельные участки тѣмъ, кто шелъ служить къ князю; пока служилъ, земля оставалась за нимъ, переставалъ служить, землю отбирали; эти-то земельные участки и назывались помѣстьями, а владѣльцы—помѣщиками. Были и вотчин-

ники, которые вѣчно владѣли своими землями, потому что получили ихъ въ наслѣдство отъ предковъ; но богатыхъ вотчинниковъ, которые бы могли служить, не нуждаясь въ пособіи, въ жалованьѣ правительства, было немного; большей части изъ нихъ великій князь раздавалъ также помѣстья.

Ко времени Іоанна III къ двору великаго князя въ Москву набралось много князей, лишившихся своихъ княжествъ вслѣдствіе собранія русской земли; всѣ они вступили въ службу къ великому князю и заняли главныя мѣста; но такъ какъ они не сохранили своихъ княжествъ, а только нѣсколько земель изъ нихъ, то и не были богаты, притомъ вотчины ихъ все уменьшались, потому что дѣлились поровну между дѣтьми; наконецъ, вотчины уменьшались отъ того, что каждому хотѣлось при смерти дать что-нибудь въ церковь, особенно въ какой-нибудь монастырь, на поминъ души, денегъ не было, и давали на поминъ души земли: монастыри обогащались, а свѣтскіе землевладѣльцы бѣднѣли и должны были просить у великаго князя помѣстій, чтобъ имѣть возможность служить, т.-е. по первому призыву являться на войну на конѣ, въ полномъ вооруженіи и приводить съ собою нѣкоторое число вооруженныхъ людей, почему въ старину и говорили, что служилый человѣкъ долженъ былъ являться на войну коненъ, люденъ и оруженъ. Много нужно было Іоанну III земель на раздачу въ помѣстья, потому что много понадобилось войска: войны были частыя. Въ 1472 году покорена была Пермская страна, и русскіе воеводы ходили за Уральскія горы: нужно было унять дикіе народы, здѣсь жившіе, отъ набѣговъ на русскія владѣнія. Въ 1489 году подчинена была Вятка, поселеніе новгородское, которое хотѣло жить по-новгородски и не всегда слушалось великаго князя.

Татарское царство въ это время дѣлилось на три независимыя Орды—Волжскую или Золотую, Казанскую и Крымскую; ханъ Золотой орды, Ахматъ, все еще думалъ, что великій князь московскій долженъ платить ему дань и сер-

дился, не получая ея. Въ 1480 году, сговорившись съ Казимиромъ литовскимъ дѣйствовать заодно, онъ подошелъ къ московскимъ границамъ со стороны рѣки Угры, чтобы получить литовскую помощь; но помощь эта не приходила, великій князь Іоаннъ, будучи чрезвычайно остороженъ, не давалъ битвы Татарамъ, и тѣ, прождавши до половины ноября, когда начались лютые морозы, ушли назадъ въ свои степи, гдѣ Ахматъ погибъ въ междоусобіи, а сыновья его были добиты Крымцами, и такимъ образомъ Золотая орда, куда такъ долго наши князья ѣздили съ поклонами и дарами, разрушилась окончательно. Ссоры между ханами обѣщали и Казани скорое паденіе: въ 1487 году родные братья здѣсь перессорились, одинъ изъ нихъ, Магметъ-Аминь, пріѣхалъ въ Москву просить великаго князя о помощи; Іоаннъ послалъ войско подъ Казань и посадилъ въ ней ханомъ Магметъ-Аминя, который за это призналъ надъ собою верховную власть великаго князя.

И на западѣ со стороны Литвы дѣла шли такъ же успѣшно, какъ и на востокѣ. Король польскій и великій князь литовскій Казимиръ взялся быть покровителемъ Новгорода и не помогъ ему противъ Іоанна; обѣщалъ помогать Ахмату и также не помогъ. Своею явною враждою онъ только сердилъ Іоанна, а вреда ему сдѣлать никакого не могъ; слабость его была очевидна. Несмотря на то, тверской князь Михаилъ Борисовичъ вступилъ въ тѣсный союзъ съ Казимиромъ, чѣмъ поднялъ противъ себя московскаго князя. Твери съ Москвою бороться было нельзя; Казимиръ по обыкновенію не помогъ, и Михаилъ долженъ былъ бѣжать изъ Твери въ Литву, а Тверь была присоединена къ Московскому княжеству. Иначе поступали другіе пограничные мелкіе русскіе князья, принужденные подчиняться Литвѣ во время ея силы при Ольгердѣ и Витовтѣ; теперь они увидали, что сила перешла на сторону православной, русской Москвы и начали поддаваться великому князю Іоанну съ своими вотчинами; Казимиръ присылалъ въ Москву жаловаться на это, но однѣми жалобами все дѣло и окан-

чивалось. Въ 1492 году умеръ Казимиръ, и владѣнiе его раздѣлилось между двоими его сыновьями: Польша досталась Альбрехту, а Литва—Александру. Тогда переходъ пограничныхъ князей въ Москвѣ усилился еще болѣе; въ Литвѣ боялись воевать съ Москвою, и, чтобы великiй князь Iоаннъ не забиралъ больше литовскихъ земель, предложили ему выдать дочь свою Елену за литовскаго великаго князя Александра; Iоаннъ согласился, но прежде вытребовалъ, чтобы заключенъ былъ договоръ, по которому всѣ отошедшiя въ его княженiе къ Москвѣ земли оставались за нимъ, и остались за Москвою городъ Вязьма, владѣнiя князей Новосильскихъ, Одоевскихъ, Воротынсихъ, Бѣлевскихъ. Московскiе великiе князья съ Iоанна Калиты писались внутри своихъ владѣнiй великими князьями всея Руси; но въ грамотахъ къ иностраннымъ государямъ такъ не писались; теперь Iоаннъ III въ первый разъ въ договорѣ съ Александромъ литовскимъ написалъ себя «государемъ всея Руси», что очень не понравилось въ Литвѣ, потому что за Литвою было такъ много русскихъ земель.

Александръ женился на великой княжнѣ Еленѣ; но этотъ бракъ, отъ котораго ждали дружбы между двумя государствами, повелъ очень скоро ко враждѣ между тестемъ и зятемъ. Iоаннъ отдавалъ дочь въ Литву съ тѣмъ, чтобы тамошнiе православные Русскiе нашли въ ней себѣ покровительницу, но католики постарались, чтобы православнымъ не было никакой выгоды отъ прiѣзда Елены. Когда Iоаннъ потребовалъ, чтобы Александръ устроилъ для жены православную церковь во дворцѣ, то Александръ отвѣчалъ, что у нихъ запрещено строить новыя православныя церкви и что въ Вильнѣ православныхъ церквей много, великая княгиня можетъ ѣздить въ какую ей угодно. Тогда православные русскiе князья, подчиненные Литвѣ, видя, что между Iоанномъ и Александромъ опять начались непрiятности, стали переходить съ владѣнiями своими къ Iоанну, объявляя, что имъ оставаться подъ Литвою нельзя, православные терпятъ въ ней гоненiе отъ католиковъ. Такимъ образомъ

большая часть нынѣшней Черниговской губерніи отошла къ Москвѣ.

За это началась война: въ 1500 г. русское войско встрѣтилось съ литовскимъ на рѣчкѣ Ведрошѣ; обоими войсками начальствовали русскіе православные князья, потомки св. Владиміра: московскимъ князь Данила Щеня-Оболенскій, литовскимъ князь Константинъ Острожскій, одинъ изъ волынскихъ князей, принужденный подчиниться Литвѣ. Князь Щеня побѣдилъ Острожскаго и взялъ его въ плѣнъ. Ливонскіе нѣмцы взялись было помогать Александру, но плохо помогли, и литовскій князь, несмотря на то, что сдѣлался и королемъ польскимъ по смерти брата, долженъ былъ мириться: въ 1503 году всѣ земли, изъ-за которыхъ началась война, остались за Іоанномъ. Іоаннъ III недолго жилъ послѣ прекращенія этой войны: онъ умеръ въ 1505 году, оставивъ престолъ сыну своему Василію.

Этотъ великій князь докончилъ дѣло своихъ предковъ, безъ кровопролитія добралъ послѣдніе сѣверо-восточныя русскія земли, не совсѣмъ подчинявшіяся великому князю. Псковъ сначала зависѣлъ отъ Новгорода, но потомъ, разбогатѣвъ отъ заграничной торговли, отдѣлился отъ Новгорода, по примѣру котораго имѣлъ свое вѣче, своего посадника, хотя признавалъ верховную власть великаго князя и бралъ отъ него намѣстниковъ. Эти намѣстники, не зная псковскихъ обычаевъ, поступали по-московски, и отсюда постоянныя неудовольствія между ними и Псковичами, безпрестанныя жалобы. Эти ссоры и жалобы намѣстниковъ на Псковичей, Псковичей на намѣстниковъ наконецъ наскучили великому князю, и въ 1510 году онъ послалъ сказать Псковичамъ, чтобъ у нихъ не было вѣча, а были бы только намѣстники, какъ во всѣхъ другихъ городахъ, иначе онъ пойдетъ на нихъ войною. Псковичи отвѣчали: «Воленъ Богъ да государь въ городѣ Псковѣ; мы на государя рукъ поднять не хотимъ», и подчинились во всемъ волѣ великокняжеской. Рязань оставалась съ своимъ особымъ великимъ княземъ, но этотъ князь видѣлъ, что силы его совер-

шенно ничтожны въ сравненіи съ силами великаго князя московскаго, что очень скоро ему придется потерять свою независимость, и въ отчаяніи, придумывая средства, какъ бы остаться независимымъ, завелъ сношенія съ крымскимъ ханомъ. Великій князь Василій, узнавши объ этомъ, вызвалъ его въ Москву и посадилъ подъ стражу; потомъ Рязанскому князю удалось уйти въ Литву, а княжество его было присоединено къ Москвѣ.

Великій князь Василій воевалъ съ Литвою, гдѣ княжилъ уже не Александръ, умершій бездѣтнымъ, а братъ его Сигизмундъ, вмѣстѣ и король польскій. Война эта замѣчательна тѣмъ, что Василій въ 1514 году взялъ Смоленскъ, городъ тогда чрезвычайно важный и крѣпкій, такъ что Литва никакъ не могла забыть этой тяжелой потери.

Хуже дѣла шли съ Татарами. Передъ самою смертью Іоанна III ханъ Магметъ-Аминь, который сидѣлъ въ Казани русскимъ подручникомъ, отказался признавать верховную власть московскаго великаго князя, и Василій Ивановичъ не могъ прочно утвердить своего господства въ Казани; мѣшали тому особенно крымскіе ханы, которымъ хотѣлось опять соединить всѣ татарскія орды подъ одною своею властью. Сдѣлать имъ это было мудрено, не были они сильны, а Казань была отъ нихъ далеко, ближе къ Москвѣ, и московскіе великіе князья также старались удержать ее подъ своею властью. У нихъ была своя сторона въ Казани, люди къ нимъ приверженные; но у хановъ крымскихъ была тоже своя сторона въ Казани, и большая, потому что и Казанцы, и Крымцы были Татары и одной Магометовой вѣры. И вотъ, если великій князь посадитъ въ Казани своего хана, то крымская сторона хлопочетъ изо всѣхъ силъ, какъ бы его свергнуть и взять себѣ хана изъ Крыма. Удастся имъ это, и великій князь, чтобы опять посадить своего, пошлетъ войско на Казань, а тутъ съ юга изъ степей идутъ къ Окѣ крымскіе Татары, и надобно противъ нихъ посылать войско, и если войско запоздаетъ, запустошатъ всю границу, проберутся и къ самой Москвѣ; займет-

ся русское войско съ Крымцами, Казанцы запустошатъ Нижегородскую и Владимірскую области. Теперь русскіе люди ѣздятъ въ Крымъ пользоваться теплымъ климатомъ и любоваться прекрасными видами; а для предковъ нашихъ Крымъ былъ страшнымъ разбойничьимъ гнѣздомъ, откуда безпрестанно нападали Татары и во множествѣ уводили Русскихъ въ плѣнъ и продавали ихъ на азіатскихъ рынкахъ. Нападать имъ было легко: граница наша шла почти по границѣ нынѣшнихъ Орловской и Рязанской губерній, а тамъ съ юга и востока была степь, татарское приволье. Идти нашему войску на Крымъ по такимъ степямъ было тяжко, невозможно, и послѣ пробовали, да не удавалось, а въ описываемое время и думать было нечего; притомъ затрогивать Крымъ было опасно: онъ находился подъ верховною властью турецкаго султана, тогда очень сильнаго; затронуть Крымъ значило поднять противъ себя и Турокъ. Такъ Россія и должна была терпѣть очень долго эти крымскіе разбои, обязывалась высылать въ Крымъ ежегодно богатые подарки или, какъ тогда называли, поминки, что выходило просто дань; ханъ и вельможи его возьмутъ подарки и поклянутся, по ихъ «шерть дадутъ», что не будутъ воевать, но вдругъ польскій король пришлетъ также подарки, обѣщаетъ платить такую же ежегодно дань, чтобы только ханъ шелъ на Россію, и по русской границѣ горятъ села и деревни, Татары разбойничаютъ.

Великій князь Василій Ивановичъ умеръ въ 1533 году, оставивъ престолъ малолѣтнему сыну своему, Іоанну IV Васильевичу.

ЧТЕНІЕ VII.

О царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ.

Великій князь Іоаннъ IV Васильевичъ остался по смерти отца трехъ лѣтъ. Это былъ ребенокъ съ необыкновенными способностями и чрезвычайно живой и пылкій. Чтобы та-

кого ребенка сдѣлать хорошимъ человѣкомъ, заставить его употребить свои богатыя способности на добро другимъ и самому себѣ, надобно воспитаніе самое хорошее, самое осторожное, надобно удалять отъ него дурные примѣры, сдерживать его порывы и направлять его живость и пылкость на одно хорошее. Къ несчастью, воспитаніе Іоанна IV было самое дурное, клонившееся къ тому, чтобы постоянно держать его въ раздраженіи, окружать дурными примѣрами и потакать развлеченіямъ, которыя могли только портить его природу.

Скоро по смерти отца Іоаннъ лишился и матери, остался круглымъ сиротою, и правленіе, за его малолѣтствомъ, перешло въ руки бояръ; бояре начали сейчасъ же ссориться за власть и въ своихъ ссорахъ не только не обращали вниманія на то, какъ воспитывается великій князь, чѣмъ занимается, но и вредили его воспитанію, образованію изъ него хорошаго человѣка; ссорились, дрались въ его глазахъ, въ его глазахъ отдѣлывались другъ отъ друга насильственными средствами и такимъ образомъ учили его, какъ отдѣлываться отъ непріятныхъ людей, пріучали къ насиліямъ, къ крови; людей, къ которымъ сирота привязывался, отгоняли, истребляли, въ борьбѣ съ противниками не останавливались не передъ чѣмъ, свергли двоихъ митрополитовъ и одного съ позоромъ. Видя все это, слыша, какъ цѣлый народъ страдаетъ отъ дурного управленія, Іоаннъ волновался безсильнымъ гнѣвомъ, что портило его душу; онъ затаивалъ въ себѣ вражду и месть и ждалъ только удобнаго случая, чтобы освободиться отъ боярской опеки и раздѣлаться съ людьми, которые его оскорбляли, и можно было догадаться, какъ онъ съ ними будетъ раздѣлываться,—такъ какъ они сами его научили. Еще будучи тринадцати лѣтъ только, онъ вдругъ велѣлъ схватить главнаго боярина, князя Андрея Шуйскаго, и убить его.

Съ этихъ поръ бояре стали его бояться, никто не смѣлъ ему противорѣчить; но тринадцатилѣтній ребенокъ не могъ управлять государствомъ, не могъ и выбирать людей искус-

ныхъ, а потому старые безпорядки въ правленіи продолжались. Сильнѣе всѣхъ другихъ бояръ стали князья Глинскіе, родные дядья великаго князя по матери; но это были плохіе правители; прислуга ихъ, пользуясь силою господъ, притѣсняла простой народъ, а Глинскіе ея не унимали. 16 лѣтъ Іоаннъ короновался и принялъ титулъ царя, потому что русскіе люди приписывали этому слову «царь» гораздо больше силы, чѣмъ названію «великій князь»; царь значило то же, что императоръ, царями называли императоровъ греческихъ и римскихъ, хановъ татарскихъ по прежней памяти ихъ власти надъ Россіею, надъ ея великими князьями. Скоро послѣ коронаціи Іоаннъ женился на Анастасіи Романовнѣ Захарьиной, происходившей изъ стариннаго московскаго боярскаго рода; предки ея были главными совѣтниками великаго князя Василія Димитріевича.

Въ томъ же 1547 году, въ которомъ была коронація и свадьба молодого царя, весною начались сильные пожары; въ іюнѣ мѣсяцѣ былъ такой пожаръ, какого никогда не бывало въ Москвѣ: народу сгорѣло 1.700 человѣкъ! Царь съ царицею и боярами уѣхали на Воробьевы горы, гдѣ было село и небольшой дворецъ, а въ народѣ вспыхнулъ мятежъ; недовольные Глинскими стали кричать, что Москву жгутъ эти князья, родная бабка царская, княгиня Анна съ двоими сыновьями. Князь Юрій Васильевичъ Глинскій, услышавши о себѣ такія рѣчи, поспѣшилъ скрыться въ Успенскій соборъ; но бояре, злобясь на Глинскихъ за ихъ силу при царѣ, подожгли чернь: та бросилась въ соборъ, убила Глинскаго, послѣ чего толпы черни явились въ село Воробьево у царскаго дворца съ крикомъ, чтобъ государь выдалъ имъ бабку свою и другого ея сына, князя Михаила Глинскаго. Іоаннъ велѣлъ схватить главныхъ крикуновъ и казнить, остальные въ страхѣ разбѣжались.

Молодой царь увидалъ, что дѣла идутъ дурно и пойдутъ еще хуже, если онъ станетъ жить попрежнему; увидалъ, что нельзя ни на кого полагаться, даже на самыхъ близ-

кихъ родственниковъ, и рѣшился самъ заняться государственнымъ управленіемъ. Такъ какъ онъ былъ человѣкъ чрезвычайно живой, то въ немъ произошла быстрая перемѣмѣна: изъ человѣка, думавшаго только о томъ, какъ бы повеселиться, онъ сталъ набоженъ, серьезенъ, неутомимъ въ занятіяхъ государственными дѣлами. Въ это время онъ приблизилъ къ себѣ двоихъ людей за ихъ честность и добрую, безупречную жизнь: священника Благовѣщенскаго собора Сильвестра и одного изъ придворныхъ, Алексѣя Ѳедоровича Адашева. Прошло года два послѣ пожаровъ, и молодому царю захотѣлось торжественно, передъ цѣлымъ народомъ, передъ цѣлою Россіею объявить, что онъ самъ началъ править государствомъ и потому не будетъ больше такихъ безпорядковъ и насилій, какіе были прежде, во время боярскаго правленія. Въ 1550 году онъ приказалъ выслать въ Москву изъ городовъ выборныхъ людей, и когда они съѣхались, то въ воскресенье царь вышелъ съ крестами на Красную площадь, гдѣ на возвышеніи, которое называется Лобнымъ мѣстомъ, отслужили молебенъ; послѣ молебна царь обратился къ митрополиту и началъ громко говорить ему о тѣхъ безпорядкахъ, которые происходили въ его малолѣтство, во время боярскаго управленія, объявилъ, что онъ нисколько не виноватъ въ слезахъ и крови, пролитыхъ въ это время; потомъ, обратясь къ народу, просилъ его забыть все прошлое, обѣщая съ этихъ поръ быть для всѣхъ судьею и защитникомъ. Въ этотъ же день царь поручилъ Алексѣю Адашеву принимать просьбы отъ бѣдныхъ и обиженныхъ и стараться, чтобы судьи выбирались справедливые. Въ томъ же году Іоаннъ велѣлъ составить судебный уставъ или судебникъ, потому что судебникъ дѣда его, Іоанна III, уже оказался недостаточнымъ, а въ слѣдующемъ 1551 году Іоаннъ созвалъ соборъ церковный, перечислилъ передъ архіереями безпорядки, замѣченные имъ въ церкви, и просилъ, чтобы приняты были мѣры противъ нихъ. На этомъ соборѣ постановлено, чтобы сто священниковъ выбирали себѣ старосту, лучшаго человѣка, ко-

торый собиралъ бы ихъ для совѣщаній о дѣлахъ духовныхъ; постановлено выбирать въ духовное званіе людей благочестивыхъ и грамотныхъ и у нихъ въ домахъ устроить училища; также постановлено для больныхъ и престарѣлыхъ людей устроить по всѣмъ городамъ богадѣльни мужскія и женскія.

Но, занимаясь этими важными внутренними дѣлами, молодой царь долженъ былъ думать и о томъ, какъ бы защитить свой народъ отъ враговъ, которые не переставали опустошать русскія пограничныя области на востокѣ и югѣ.

Въ Казани попрежнему боролись двѣ стороны, русская и крымская, и когда одолѣвала крымская и брала себѣ въ ханы царевича изъ Крыма, то казанскій ханъ опустошалъ Россію съ одной стороны, а крымскій—съ другой. Русскихъ плѣнниковъ было множество въ Казани, и оттуда продавали ихъ дальше. Лѣтомъ 1552 года Іоаннъ собралъ большое войско и самъ повелъ его на Казань. Слишкомъ мѣсяцъ онъ осаждалъ этотъ городъ; Татары защищались отчаянно; наконецъ, послѣ страшной рѣзни Русскіе взяли Казань, ханъ ея Едигеръ-Магметъ попалъ въ плѣнъ, и другого хана Іоаннъ уже не посадилъ въ ней, а присоединилъ ее совершенно къ Россіи, ввелъ русское управленіе, построилъ церкви; поставленъ былъ особый архіерей, христіанство стало распространяться между Татарами и другими дикими народами, а этихъ народовъ было много въ казанскомъ царствѣ: Черемисы, Мордва, Чуваши, Вотяки, Башкиры. Взятіемъ Казани и присоединеніемъ ея къ Россіи особенно прославился царь Іоаннъ Васильевичъ: это было первое покореніе татарскаго царства, великое торжество надъ прежними повелителями, которые и въ ослабленіи своемъ не переставали наносить страшный вредъ Россіи; здѣсь была не одна слава, но польза очевидная: множество русскихъ плѣнниковъ было освобождено, и не будетъ ихъ больше въ Казани; жители восточныхъ русскихъ областей могли теперь жить покойно.

Черезъ три года послѣ взятія Казани подчинилось рус-

скому царю и другое татарское царство, которое находилось на устьяхъ Волги, царство Астраханское. И здѣсь тоже шли междоусобія между ханами; изгнанный своимъ соперникомъ, ханъ Дербышъ ушелъ въ Россію; царь Іоаннъ Васильевичъ послалъ въ Астрахань войско, которое безъ всякаго труда овладѣло городомъ и посадило опять въ немъ ханомъ Дербыша. За это Дербышъ обѣщалъ быть подъ властью русскаго царя, платить ему дань; но скоро измѣнилъ, вступилъ въ союзъ съ крымскимъ ханомъ; тогда царь Іоаннъ Васильевичъ въ 1556 году послалъ опять войско въ Астрахань, Дербыша выгнали и царство его было совершенно присоединено къ Россіи; вмѣсто хана сталъ управлять имъ русскій воевода, какъ и въ Казани. Такимъ образомъ вся Волга текла теперь въ русскихъ владѣніяхъ, что было очень важно для торговли, и русскіе люди начали мало-по-малу населять плодоносныя страны на западъ отъ Волги, ниже Казани, гдѣ теперь губерніи Симбирская, Пензенская, Саратовская; начали строиться русскіе городки въ этихъ странахъ, до тѣхъ поръ безлюдныхъ.

Можно понять, какъ сердились въ Крыму, что два татарскихъ царства достались русскимъ; можно понять, какъ сердились въ Константинополѣ, что два магометанскихъ владѣнія достались въ христіанскія руки. Турецкій султанъ считался главою, защитникомъ всѣхъ магометанскихъ народовъ, и потому ему было страшно досадно, что христіанскій царь покоряетъ эти народы. Султанъ сильно сердился, но дѣлать ему было нечего, нельзя было ему воевать съ Россіей, достать Астрахань и Казань по той же самой причинѣ, по какой русскому царю нельзя было достать Крымъ: надобно было проходить войску черезъ широкія, безводныя степи. Наконецъ, султанъ Селимъ придумалъ средство: прорыть каналъ между Дономъ и Волгою тамъ, гдѣ эти двѣ рѣки близко подходятъ одна къ другой, такъ, чтобы можно было миновать степь и посылать войско изъ Азовскаго моря на судахъ къ Астрахани и Казани Дономъ, каналомъ и Волгою. Селимъ послалъ войско турец-

кое и татарское рыть каналъ и идти къ Астрахани; но канала въ степи Турки не вырыли и къ Астрахани не пошли: истомленное войско взбунтовалось и принудило своего предводителя идти назадъ. Послѣ этой неудачной попытки Турки оставили въ покоѣ Россію; но не оставлялъ ея въ покоѣ крымскій ханъ, которому въ 1571 году удалось врасплохъ переправиться черезъ Оку, подойти къ Москвѣ и зажечь ее, огонь быстро охватилъ огромный, но наполненный все деревянными избами городъ; все сгорѣло, кромѣ того, Татары вывели плѣнныхъ до 150.000 человѣкъ. Отъ этихъ разбойническихъ нападеній можно было защищаться, только принимая мѣры предосторожности; кромѣ большого войска, выходившаго къ Окѣ, царь велѣлъ устроить за Окою станичную и сторожевую службу: вооруженные отряды стояли на извѣстныхъ мѣстахъ въ степи, сторожили, смѣняя другъ друга; другіе отряды, или по-тогдашнему станицы, должны были разъѣзжать по степи въ назначенныхъ направленіяхъ и наблюдать, не покажутся ли гдѣ Татары.

Татары жгли, грабили, уводили въ плѣнъ; а на западѣ были другіе враги, которые не хотѣли, чтобы русскіе люди пріобрѣтали знаніе, искусство, чтобы русскіе люди богатѣли отъ промысловъ и торговли; эти враги боялись, что когда русскіе люди пріобрѣтутъ знаніе, искусство во всякомъ дѣлѣ, военномъ и морскомъ, то усилятся не въ примѣръ передъ прежнимъ и станутъ опасны всѣмъ своимъ сосѣдямъ. Какъ только русская земля собралась около Москвы и поуправилась съ Татарами, такъ сейчасъ же русскіе государи обратились къ западной Европѣ за искусствомъ и наукою, сначала стали призывать архитекторовъ и разныхъ необходимыхъ мастеровъ, лѣкарей. Такъ дѣлали Іоаннъ III и сынъ его Василій, а теперь Іоаннъ IV Васильевичъ увидалъ, что гораздо лучше, если будутъ свои искусные люди по всѣмъ частямъ, а для этого нужно ввести науку въ Россію, вызвать побольше иностранныхъ ученыхъ и художниковъ, которые бы выучили Русскихъ тому, что сами зна-

ли. Въ 1547 году царь отправилъ въ Германію одного иностранца, чтобы тотъ набралъ тамъ какъ можно больше ученыхъ и ремесленниковъ. Охотниковъ набралось больше ста человѣкъ, но ливонскіе Нѣмцы не пропустили ни одного изъ нихъ въ Россію.

Мы видѣли, какъ Нѣмцы, составивши орденъ военныхъ монаховъ, овладѣли берегами Балтійскаго моря, Ливоніею и Эстоніею, овладѣли здѣсь русскими княжествами и городами, хотѣли овладѣть Псковомъ и Новгородомъ, да не удалось, благодаря Александру Невскому. Чѣмъ больше усиливалась Россія при московскихъ великихъ князьяхъ, тѣмъ больше чувствовали Нѣмцы, какъ опасно ихъ положеніе, они понимали, что если имъ удалось захватить приморскія области у раздробленной, слабой Россіи, то соединенной, крѣпкой Россіи легко взять назадъ свое, тѣмъ больше, что море было ей всего нужнѣе; Русскіе видѣли, что они беднѣе другихъ европейскихъ народовъ, и въ то же самое время видѣли, что богаче, смышленѣе другихъ народовъ приморскіе народы, которые ведутъ морскую торговлю, плаваютъ по далекимъ морямъ. Ливонскіе Нѣмцы, боясь, что Русскіе еще больше и скорѣе усилятся черезъ науку и искусство, не пустили ученыхъ и мастеровъ въ Россію, но, понятно, что этимъ самымъ поступкомъ своимъ они возбуждали въ царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ желаніе отнять у нихъ хоть часть морского берега, чтобы безпрепятственно сноситься моремъ съ Европою. Сначала онъ промолчалъ, потому что былъ занятъ дѣлами татарскими; но когда поуправился съ ними, то потребовалъ у Нѣмцевъ, чтобы они заплатили ему дань съ Дерпта (Юрьева), которую обязаны были давать русскимъ государямъ по стариннымъ договорамъ, а между тѣмъ не давали. Нѣмцы обѣщали заплатить все и не заплатили. Тогда въ 1558 году Іоаннъ послалъ войско въ Ливонію, которое взяло Нарву, Дерптъ и другіе города, числомъ двѣнадцать. Магистръ ордена Кетлеръ увидалъ, что Русскіе непремѣнно завоюютъ всю Ливонію, и потому отдалъ ее Польшѣ, а Польша сдѣлала

его за это герцогомъ Курляндскимъ съ тѣмъ, чтобы онъ отъ нея зависѣлъ. Такимъ образомъ теперь русскій царь долженъ былъ вести войну съ Польшею за Ливонію.

Въ это время, когда началась война съ Польшею за Ливонію, для царя Іоанна начались печали, искушенія, которыхъ онъ побѣдить не могъ, и онъ сдѣлался изъ добраго царя царемъ жестокимъ, грознымъ. У него начались непріятности съ людьми, которыхъ онъ приблизилъ къ себѣ и на которыхъ совершенно положился, съ Сильвестромъ и Адашевымъ. Царю было непріятно, что Сильверстъ и Адашевъ сблизились съ тѣми боярами, которыхъ онъ не любилъ, которымъ не довѣрялъ, и наоборотъ завели ссору съ родственниками царицы, Романовыми; царица, разумѣется, брала сторону своихъ и тѣмъ не нравилась Сильвестру, Адашеву и друзьямъ ихъ; Іоаннъ Васильевичъ, такимъ образомъ, находился въ очень трудномъ положеніи, былъ, какъ говорится, между двухъ огней.

Еще въ 1553 году случилось несчастное происшествіе, которое заставило Іоанна думать, что Сильвестръ и Адашевъ не имѣетъ къ нему и его семейству никакого усердія. Въ этомъ году онъ опасно занемогъ, такъ что не думалъ остаться живъ, написалъ духовную и потребовалъ, чтобы двоюродный братъ его, князь Владиміръ Андреевичъ, и бояре присягнули еще при его жизни сыну его, младенцу; но Владиміръ Андреевичъ отказался присягать; онъ поднялъ старину, объявилъ, что дядя имѣетъ больше права на престолъ, чѣмъ племянникъ, и сталъ собирать себѣ партію, а когда другіе вельможи вооружились за это противъ него, то Сильвестръ заступился за него, а отецъ Адашева прямо говорилъ, что онъ со своими друзьями не хочетъ служить Романовымъ, которые по родству съ царицею будутъ управлять царствомъ во время малолѣтства царя. Больной Іоаннъ изъ своей спальни слышалъ, какъ въ другой комнатѣ бояре кричали: «Не хотимъ служить младенцу: нами будутъ владѣть Романовы».

Іоаннъ выздоровѣлъ и, разумѣется, не могъ забыть того,

что случилось въ его болѣзнь, хотя еще нѣсколько лѣтъ Сильвестръ и Адашевъ попрежнему были въ силѣ; но вражда между ними и царицею Анастасіею все болѣе и болѣе усиливалась. Кромѣ того, Іоаннъ имѣлъ большой умъ, широкіе взгляды, не могъ въ иныхъ государственныхъ дѣлахъ соглашаться съ мнѣніями Сильвестра, а тому это не нравилось, и онъ не умѣлъ скрывать своей досады. Дѣло кончилось тѣмъ, что Сильвестръ и Адашевъ должны были удалиться изъ Москвы: Сильвестръ ушелъ въ монастырь, Адашевъ уѣхалъ воеводою въ одинъ изъ завоеванныхъ ливонскихъ городовъ. Немного спустя послѣ удаленія Сильвестра и Адашева умерла и царица Анастасія. Царь чрезвычайно грустилъ въ своемъ совершенномъ одиночествѣ: около него не было человѣка, который бы далъ ему нравственное утѣшеніе, нравственную поддержку; люди, боявшіеся, чтобы Сильвестръ и Адашевъ опять не приблизились къ царю, начали толковать, что царица Анастасія погибла отъ враговъ своихъ. Друзья Сильвестра и Адашева, со своей стороны, хлопотали, чтобъ подняться и возвратить вождей своихъ; но имъ это не удалось, нѣкоторые изъ нихъ были казнены, другіе сосланы; Сильвестръ и Адашевъ умерли въ изгнаніи.

Одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ и любимыхъ царемъ воеводъ былъ князь Андрей Михайловичъ Курбскій, кромѣ заслугъ воинскихъ отличавшійся образованностью, начитанностью, чѣмъ былъ похожъ на царя, который также удивлялъ своею начитанностью въ священномъ писаніи и лѣтописяхъ (другихъ книгъ тогда не было), удивлялъ искусствомъ въ рѣчи изустной и письменной. Князь Курбскій былъ другомъ Сильвестра и Адашева. Слыша, что его друзья въ бѣдѣ, слыша, что и о немъ самомъ царь въ сердцахъ высказался дурно, какъ о соумышленникѣ враждебныхъ ему людей, Курбскій рѣшился бѣжать изъ Россіи: это было ему сдѣлать легко, потому что онъ начальствовалъ войскомъ въ Ливоніи. Курбскій ушелъ къ польскому королю Сигизмунду Августу, который принялъ его съ че-

стію, наградилъ землями. Чувствуя, что сдѣлалъ дурно, сталъ измѣнникомъ, Курбскій вздумалъ оправдаться и написалъ Іоанну посланіе, въ которомъ всю вину складывалъ на царя, выставлялъ его гонителемъ лучшихъ людей, которые ему и царству добра хотѣли, вспомнилъ и старину: такъ какъ онъ былъ потомокъ князей ярославскихъ, то враждебно отозвался о предкахъ Іоанна, князьяхъ московскихъ, особенно о дѣдѣ и отцѣ Іоанна, за то, что они окончили собираніе русской земли, отняли независимость у другихъ князей и сдѣлали ихъ своими подданными. Іоаннъ не утерпѣлъ и отвѣчалъ ему, оправдывая себя и своихъ предковъ.

Отъѣздъ Курбскаго и его письма произвели на царя Іоанна страшное впечатлѣніе; одинъ изъ лучшихъ воеводъ, на котораго онъ такъ полагался, измѣнилъ, ушелъ ко врагу, польскому королю, и, мало того, оправдывалъ въ этомъ себя и другихъ, кто бы захотѣлъ сдѣлать то же самое; но хуже всего было то, что Курбскій до сихъ поръ былъ знаменитъ своими заслугами, умомъ, добрыми качествами. Іоаннъ вслѣдствіе своего воспитанія былъ подозрителенъ и раздражителенъ, а теперь вслѣдствіе ухода Курбскаго эта подозрительность и раздражительность достигли высшей степени. Кому послѣ того вѣрить, на кого положиться? Отъ душевнаго волненія Іоаннъ такъ перемѣнился въ лицѣ, что его узнать нельзя было. Онъ не считалъ себя болѣе безопаснымъ въ Москвѣ, въ Россіи, уѣхалъ изъ Москвы въ Александровскую слободу (теперь городъ Александровъ во Владимірской губерніи), удалился отъ бояръ, устроилъ опричнину, то-есть новый особый дворъ изъ людей, которыхъ считалъ себѣ вполнѣ преданными, на содержаніе которыхъ опредѣлены были особые города и области; но Іоаннъ думалъ, что и опричнина его не спасетъ, что враги выгонятъ его и дѣтей его изъ Россіи, и онъ искалъ гдѣ бы пріютиться тогда въ чужихъ земляхъ. Думая, что повсюду окруженъ враждебными людьми, онъ считалъ себя въ правѣ вести съ ними жестокую войну,

истреблять ихъ, и когда онъ получалъ извѣстія о злыхъ умыслахъ, то пощады не было никому, громилъ цѣлыя города и области: такъ разгромленъ былъ Новгородъ Великій, когда царь получилъ вѣсть, что Новгородцы хотятъ передаться польскому королю. Митрополитомъ въ это время былъ Филиппъ, вызванный царемъ изъ Соловецкаго монастыря, гдѣ онъ былъ игуменомъ и прославился святостью жизни. Въ случаѣ опалы (гнѣва царскаго) на кого-нибудь митрополиты обыкновенно ходатайствовали за опальнаго (провинившагося), что называлось тогда печаловаться, просили государя простить провинившагося, брали его на свои поруки. Видя ожесточеніе царя, казни, наглость опричниковъ, митрополитъ Филиппъ сталъ печаловаться, увѣщавать Іоанна, чтобы перемѣнилъ поведеніе и унялъ опричниковъ. Упреки святого мужа наводили раздумье на царя; но это раздумье было страшно для опричниковъ, и они постарались оклеветать Филиппа, внушить Іоанну, что онъ вмѣшивается не въ свои дѣла, вступается за измѣнниковъ и потому не хочетъ добра царю. Филиппъ былъ лишенъ митрополіи и сосланъ въ заточеніе въ тверской Отрочь монастырь, гдѣ впослѣдствіи главный изъ опричниковъ, Малюта Скуратовъ, задушилъ его. Къ троимъ великимъ святителямъ московскимъ и всея Россіи, Петру, Алексію, Іонѣ, присоединился четвертый святитель-мученикъ.

Съ теченіемъ времени казни пріутихли, опричнина была уничтожена; но царь уже не могъ вылѣчиться отъ страшныхъ припадковъ гнѣва, въ которыхъ не щадилъ никого: въ одномъ изъ этихъ припадковъ онъ такъ сильно ударилъ старшаго сына своего Іоанна, что тотъ умеръ. Семейная жизнь царя по кончинѣ царицы Анастасіи была очень печальна и не могла нисколько его успокоить. Онъ женился въ другой и третій разъ: царицы скоро умирали, и все шли толки, что злые люди ихъ изводили; Іоаннъ выпросилъ у архіереевъ позволеніе жениться въ четвертый разъ, а потомъ уже женился и въ пятый, и въ шестой, и въ седьмой.

Не было царю радости и отъ успѣховъ военныхъ. Война затянулась, потому что, кромѣ Поляковъ, нужно было воевать и со Шведами: одна часть орденскихъ нѣмецкихъ владѣній, Ливонія съ городомъ Ригою, поддалась Полякамъ, а другая, Эстонія съ городомъ Ревелемъ, поддалась Шведамъ. Вести долгую войну бѣдной и малолюдной Россіи было очень тяжко, а между тѣмъ овладѣть морскими берегами считалось необходимымъ. Въ 1566 году Іоаннъ созвалъ соборъ изъ духовенства, бояръ, дворянъ, главныхъ дѣлопроизводителей, которыхъ тогда называли дьяками, знатнѣйшихъ купцовъ московскихъ и спрашивалъ ихъ совѣта, кончать войну или продолжать. Соборъ отвѣчалъ, что надобно добывать всю Ливонію до моря. Война, по всѣмъ вѣроятностямъ, кончилась бы удачно, если бы Поляки не избрали на свой престолъ князя трансильванскаго Стефана Баторія, очень искуснаго полководца. Въ то время въ Европѣ былъ обычай нанимать войско; люди, которымъ почему-нибудь не нравилось въ своемъ отечествѣ, уходили изъ него и нанимлись то у того, то у другого государя, смотря по тому, кто больше дастъ денегъ и въ какой войнѣ будетъ больше добычи. Такъ какъ война была постояннымъ ремесломъ этихъ людей, то они были искусны въ военномъ дѣлѣ, мастера въ немъ. Съ такимъ-то небольшимъ, но искуснымъ войскомъ, съ хорошею артиллеріею, Стефанъ Баторій вдругъ началъ быстрое наступательное движеніе и сталъ забирать у Русскихъ города; русское войско, растянутое по границамъ, неискусное, безъ опытныхъ полководцевъ, не знавшее, куда двинуться, чтобъ остановить непріятеля, пропустило Баторія до самаго Пскова. Но здѣсь, подъ стѣнами этого хорошо укрѣпленнаго города, успѣхи польскаго короля остановились. Осажденные подъ начальствомъ князя Ивана Петровича Шуйскаго, защищались отлично, всѣ приступы Баторія были отбиты. Это было въ 1581 году. Но славная защита Пскова, которая въ то время для русскихъ людей имѣла такое же значеніе, какъ для насъ защита Севастополя, дала царю Іоан-

ну Васильевичу только возможность поскорѣе заключить миръ, ибо онъ видѣлъ, что со своимъ неискуснымъ и истомленнымъ войскомъ онъ не могъ ожидать успѣха въ войнѣ съ такимъ искуснымъ полководцемъ, какимъ былъ Баторій; да и не съ однимъ Баторіемъ нужно было воевать; Шведы также наступали и забирали русскіе города. Царь заключилъ миръ и съ Поляками и со Шведами, отказавшись отъ морскихъ балтійскихъ береговъ. Первая попытка овладѣть этими берегами была неудачна; но сильный народъ, который растетъ и мужаетъ, не устрашается неудачами; царь Іоаннъ Васильевичъ завѣщалъ свою мысль о необходимости пріобрѣтенія балтійскихъ береговъ своимъ преемникамъ, и переходила она отъ царя къ царю до самаго Петра Великаго. Самая неудача, бывшая слѣдствіемъ неискусства русскаго войска, тѣмъ болѣе усиливала стремленіе пріобрѣсти искусство, знаніе, и для этого сблизиться съ образованными заморскими народами, взять у нихъ науку.

Отказавшись до поры до времени отъ балтійскихъ береговъ, надобно было довольствоваться для торговыхъ сношеній съ Европою Бѣлымъ моремъ, хотя и неудобнымъ по краткости способнаго для мореплаванія времени. Торговыя сношенія съ Европою черезъ Бѣлое море начались также при царѣ Іоаннѣ IV: въ 1553 году одинъ англійскій корабль явился въ устьяхъ Сѣверной Двины, вслѣдствіе чего и завелась торговля у Англичанъ съ Русскими. Благодаря этой торговлѣ, основанъ и разбогатѣлъ городъ Архангельскъ, также разбогатѣли и другіе города по дорогѣ отъ Архангельска къ Москвѣ—Устюгъ, Вологда, Ярославль.

Въ то время какъ на западѣ царь Іоаннъ долженъ былъ отказаться отъ своихъ завоеваній въ пользу Поляковъ и Шведовъ, съ востока пришла вѣсть, что тамъ безъ вѣдома царя завоевано для него еще цѣлое царство Татарское, царство Сибирское. По обширности пустыхъ земель въ Россіи государи наши издавна съ большою охотою уступали большіе земельные участки людямъ, которые брались

населять ихъ и заводить разные промыслы. Въ 1558 году богатые промышленники Строгановы выпросили у государя пустыя земли по рѣкѣ Камѣ на 146 верстъ съ тѣмъ, чтобы поставить здѣсь городокъ для оберегания отъ дикарей, призвать работниковъ, завести хлѣбопашество и соляныя варницы, что все и было исполнено. Но Строгановымъ не давалъ покоя изъ-за Уральскихъ горъ сибирскій султанъ Кучумъ: чтобы не допускать его до своихъ земель, Строгановы выпросили у царя позволеніе перенести свои укрѣпленія дальше за Уральскія горы, на рѣку Тоболъ, и тамъ заводить поселенія и промыслы. Царь согласился и на это. Но чтобы воевать съ Кучумомъ, Строгановымъ нужно было войско; и войско нашлось.

Мы знаемъ, какъ въ это время Россія была мало населена, какъ были близки къ Москвѣ пустыя, степныя пространства, городъ Ливны былъ пограничнымъ городомъ съ этими степями, въ которыхъ появлялись только иногда толпы Татаръ, шедшія пустошить Россію, да русскіе станичники, сторожившіе ихъ, чтобы не пришли внезапно. Такая степная граница, изъ-за которой безпрестанно нужно было ждать нападенія разбойничьихъ ордъ, требовала военнаго населенія, которое было бы постоянно готово отражать врага. И дѣйствительно, давно уже, съ XIV вѣка, южныя границы имѣютъ такое населеніе, которое носитъ названіе казаковъ. Этимъ казакамъ правительство давало земли, помѣстья по границѣ, и потому они назывались помѣстными казаками и служили, повинуясь всѣмъ распоряженіямъ правительства. Но съ теченіемъ времени уходили далѣе въ степь люди, которымъ почему-нибудь не нравилось на родинѣ; шли туда люди бѣдные, бездомовные, которымъ приходилось жить въ работникахъ у чужихъ людей; шли туда люди, которые сдѣлали что-нибудь нехорошее и боялись за это наказанія; или вообще люди сильные и смѣлые, которымъ нравилась степная жизнь, исполненная опасностей, приключеній, жизнь на волѣ, на просторѣ. Эти люди, уходя далѣе въ степь, селились обыкновенно

по большимъ рѣкамъ, для рыболовства, которое вмѣстѣ съ звѣроловствомъ и военною добычею составляло для нихъ главное средство пропитанія. Эти люди назывались также казаками, и когда ихъ собиралось много на одномъ мѣстѣ, напримѣръ, на Дону, то они составляли военныя общества, выбирали себѣ начальниковъ или атамановъ. Они принимали къ себѣ всякаго, кто бы онъ ни былъ и изъ какого бы народа ни происходилъ, но больше всего между ними было Русскихъ, и потому у нихъ былъ русскій языкъ и русская православная вѣра. Они не отрывались отъ Россіи и признавали надъ собою власть русскаго государя; но, живя очень далеко въ степи, плохо его слушались; такъ у нихъ было положено не выдавать никого, кто къ нимъ придетъ, и если государь пришлетъ съ требованіемъ, чтобы выдали, отвѣчали одно: «отъ насъ выдачи нѣтъ!» Потомъ они любили пограбить: грабили чужихъ, Татаръ, Турокъ, не спускали и своимъ: разъѣзжая по Волгѣ, грабили суда царскія, разбивали персидскихъ и бухарскихъ пословъ, шедшихъ въ Москву, разбивали купцовъ русскихъ. Царь Іоаннъ Васильевичъ послалъ за это на нихъ войско; тогда толпа казаковъ, подъ начальствомъ атамана Ермака Тимофеева, убѣгая отъ царскаго войска, поплыла вверхъ по Волгѣ, гдѣ получила приглашеніе отъ Строгановыхъ вступить къ нимъ въ службу, на что согласилась съ радостью. Въ 1581 году Строгановы отпустили казаковъ на сибирскаго султана. Ермакъ Тимофеевичъ, плывя почти все рѣками, добрался до сибирскихъ странъ и началъ удачно дѣйствовать противъ Татаръ, у которыхъ не было огнестрѣльнаго орудія. Кучумъ принужденъ былъ бросить свой городъ Сибирь, который былъ занятъ Ермакомъ. Лѣтомъ 1582 года Ермакъ покорилъ разные городки и улусы татарскіе по рѣкамъ Иртышу и Оби и, возвратившись въ городъ Сибирь, послалъ въ Москву извѣстить царя о покореніи сибирской земли. Іоаннъ послалъ за это казакамъ большое жалованье и отправилъ воеводъ своихъ принять у нихъ сибирскіе города и закрѣпить здѣсь русскую власть.

Что затѣмъ случилось въ Сибири, объ этомъ царь Іоаннъ Васильевичъ не узналъ: въ началѣ 1584 г. онъ умеръ на 45 г. жизни, оставивъ своимъ преемникамъ титулъ царя казанскаго, астраханскаго и сибирскаго, оставивъ по себѣ и печальное прозваніе Грознаго.

ЧТЕНІЕ VIII.

О царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ; о царѣ Борисѣ Годуновѣ; о Лжедимитріи и Василіи Шуйскомъ.

Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный оставилъ двоихъ сыновей: старшаго Ѳеодора отъ первой жены Анастасіи Романовны и маленькаго Димитрія отъ послѣдней жены Маріи Нагой. Ѳеодоръ былъ провозглашенъ царемъ, а Димитрія съ матерью и родными ея, Нагими, отослали въ Угличъ изъ боязни, чтобы подъ именемъ Димитрія кто-нибудь не вооружился противъ Ѳеодора; боялись этого потому, что Ѳеодоръ былъ слабъ, неспособенъ къ правленію; вмѣсто него долженъ былъ управлять кто-нибудь изъ приближенныхъ. Самымъ близкимъ къ нему человѣкомъ былъ родной его дядя по матери, бояринъ Никита Романовичъ Юрьевъ, человѣкъ чрезвычайно любимый народомъ; сначала онъ и былъ правителемъ; но онъ скоро занемогъ тяжкою болѣзнью и умеръ; тогда правленіе перешло въ руки другого близкаго человѣка къ царю, шурина его, Бориса Ѳеодоровича Годунова, брата царицы Ирины. Но были другіе бояре, князья, которые считали себя знатнѣе Годунова и не хотѣли подчиниться ему, какъ правителю; самые знатные изъ нихъ были тогда князья Мстиславскіе и Шуйскіе. Они стали дѣйствовать противъ Годунова, на ихъ сторонѣ былъ митрополитъ Діонисій, на ихъ сторонѣ былъ народъ московскій; но Годуновъ поборолъ враговъ своихъ, однихъ казнилъ, другихъ разослалъ въ ссылку; митрополита Діонисія свергнулъ и на его мѣсто поставилъ Іова, ро-

стовскаго архіепископа, который былъ совершенно ему преданъ, и такимъ образомъ утвердился въ правленіи.

Въ это время русская власть утверждалась въ далекихъ странахъ сѣверной Азіи, въ Сибири. Ермакъ Тимофеевичъ не дождался царскихъ воеводъ, посланныхъ къ нему Іоанномъ Грознымъ: ханъ Кучумъ напалъ на него нечаянно ночью, и Ермакъ, спасаясь отъ него, утонулъ въ рѣкѣ Иртышѣ. Но смерть храбраго казацкаго атамана не уничтожила дѣла, имъ начатаго: русскіе воеводы уже шли въ Сибирь по проложенной казаками дорогѣ, за ними слѣдовали другіе воеводы; малочисленнымъ и дикимъ туземцамъ нельзя было съ ними бороться, должны были или бѣжать подальше къ другимъ народамъ, какъ сдѣлалъ Кучумъ, или покориться и платить дань, ясакъ. Русскіе строили среди нихъ городки и шли все дальше и дальше, плывя преимущественно по рѣкамъ, не встрѣчая большихъ препятствій отъ жителей, которыхъ было очень мало и которые притомъ жили разсѣянно. Сибирь особенно была важна тѣмъ, что доставляла въ казну мѣха, самый дорогой товаръ, которымъ торговали Русскіе.

Но хотя дорогихъ мѣховъ и прибавилось въ казнѣ царской, а все она была бѣдна, все не изъ чего было платить жалованія ратнымъ людямъ, а ратные люди были надобны, враговъ было много. Вмѣсто денегъ ратные люди получали земли, помѣстья, ими кормились и должны были являться на войну людны, конны и оружны. Но когда нужно выступать въ походъ, когда разосланы повсюду повѣстки, чтобъ помѣщики собирались, воеводы начинаютъ перекличку, вызываютъ «такой-то?»—«Есть!» откликается помѣщикъ, и его пишутъ въ «естехъ»; вызываютъ другого—молчаніе, значитъ нѣтъ его, не явился, и его пишутъ въ «нѣтехъ». И стало оказываться, что въ «нѣтехъ» очень много, а кто и въ «естехъ», у того плохое оружіе, плоха лошадь или людей не столько, сколько онъ долженъ былъ привести съ своей земли. Что за причина? Помѣщики оправдываются, что служить имъ нельзя, земля есть, но ее нужно обраба-

тывать, а рабочихъ нѣтъ; крестьяне были вольные, свободно переходили съ одной земли на другую, за двѣ недѣли до Юрьева дня осенняго (26 ноября) могли отказываться, уходить. Небогатый помѣщикъ призоветъ ихъ къ себѣ, порядится съ ними, а тутъ подлѣ богатый, многоземельный вотчинникъ свѣтскій или монастырь, работники имъ нужны, потому что вездѣ земли много, а рабочихъ рукъ нѣтъ, они и переманиваютъ крестьянъ отъ бѣдныхъ помѣщиковъ, давая имъ больше выгодъ, какихъ бѣдный помѣщикъ дать не могъ, и вотъ бѣдный помѣщикъ остается безъ крестьянъ, земля не обработана, доходовъ нѣтъ, и когда придетъ повѣстка идти на службу, собраться нечѣмъ. Помѣщики не являются на службу, войска нѣтъ, бѣда страшная, потому что первая надобность для народа—защита отъ враговъ; какъ же быть? Надобно дать помѣщику средство обрабатывать свои земли, получать доходъ и быть въ состояніи являться на службу, но для этого надобно было дать ему постояннаго работника, крестьянина, который бы отъ него не уходилъ, и вотъ крестьянъ прикрѣпили къ землѣ, запретили имъ переходить въ Юрьевъ день съ одной земли на другую.

Въ царствованіе же Ѳеодора Іоанновича, въ 1589 году, произошла перемѣна въ русской церкви: главный архіерей вмѣсто митрополита началъ называться патріархомъ: Мы видѣли, что уже съ половины XV вѣка, со взятіи Константинополя Турками, русская или московская церковь была независима отъ константинопольскаго патріарха, ея митрополиты ставились въ Москвѣ своими архіереями съ согласія государя. Союзъ русской церкви съ восточными православными церквами и патріархами ихъ не прерывался; такъ какъ они находились въ печальномъ положеніи подъ турецкимъ игомъ, то изъ Россіи шла имъ богатая милостыня. Было странно, однако, что церкви, находившіеся въ бѣдственномъ положеніи, управлялись патріархами, а русская церковь, единственная изъ православныхъ церквей, которая была сильна, находясь въ странѣ независимой съ пра-

вославнымъ государемъ, управлялась митрополитомъ. Эта странность выказалась явно, когда пріѣхалъ въ Москву старшій изъ патріарховъ, Іеремія Константинопольскій; пріѣхалъ онъ, бѣдный, съ просьбою о помощи, а между тѣмъ ему принадлежало первенство. Тутъ-то въ Москвѣ рѣшили, чтобы въ ней быть пятому патріарху; Іеремія согласился и посвятилъ митрополита Іова въ патріархи; другіе три патріарха — Іерусалимскій, Александрійскій и Антіохійскій также прислали свое согласіе на установленіе патріаршества въ Россіи.

Это событіе было выгодно для правителя Годунова, потому, что пріятель его Іовъ своимъ новымъ титуломъ патріарха сталъ выше прежняго. Годунову надобно было въ это время подумать о будущемъ. Если бы наслѣдникомъ царя Ѳеодора былъ сынъ его, то при немъ Годуновъ, какъ дядя, могъ надѣяться остаться на прежнемъ мѣстѣ, по крайней мѣрѣ въ прежнемъ чинѣ; но у царя Ѳеодора не было дѣтей, наслѣдникомъ его былъ братъ его Димитрій, удаленный въ Угличъ. Димитрій росъ при матери и ея родственникахъ Нагихъ, которые не могли быть благодарны за то, что ихъ заставляли жить въ ссылкѣ, и потому воспитывали ребенка во враждебныхъ чувствахъ къ Годунову, которому поэтому нечего было ждать добра при воцареніи Димитрія. И вотъ въ маѣ 1591 года разнеслась по русской землѣ вѣсть, что царевичъ Димитрій погибъ въ Угличѣ отъ убійцъ, подосланныхъ Годуновымъ, и что эти убійцы умерщвлены жителями Углича. Для розыска про дѣло и для погребенія Димитрія посланы были въ Угличъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій, Андрей Клешнинъ, человѣкъ преданный Годунову (ему-то приписываютъ главное распоряженіе на счетъ убійства), и крутицкій митрополитъ Геласій. Изъ слѣдствія оказывалось, что царевичъ накололся на ножъ самъ въ припадкѣ падучей болѣзни; но слѣдствіе было произведено недобросовѣстно: слѣдователи спѣшили собрать побольше свидѣтельствъ о томъ, что царевичъ накололся самъ, не обратили вниманія на противорѣчія и

на открытіе главныхъ обстоятельствъ. Несмотря на то, патріархъ Іовъ на соборѣ изъ духовенства и вельможъ объявилъ, что смерть царевичу приключилась судомъ Божіимъ и что Угличане невинно умертвили нѣсколько человѣкъ, на которыхъ Нагіе указали, какъ на убійцъ Димитрія. Вслѣдствіе этого царицу Марію постригли подъ именемъ Марѳы и заточили въ пустынь на Бѣлоозеро; Нагихъ всѣхъ разослали по городамъ въ тюрьмы; Угличанъ—однихъ казнили смертію, другимъ рѣзали языки, засадили въ тюрьмы, много людей свели въ Сибирь.

Въ январѣ 1598 года царь Ѳеодоръ Іоанновичъ занемогъ предсмертною болѣзнію; когда патріархъ и бояре спросили его: «Кому приказываешь царство»? то онъ отвѣчалъ: «Во всемъ царствѣ и въ васъ воленъ Богъ: какъ Ему угодно, такъ и будетъ». По смерти Ѳеодора поспѣшили присягнуть женѣ его, царицѣ Иринѣ, чтобъ не было междуцарствія. Но Ирина уѣхала изъ дворца въ Новодѣвичій монастырь и постриглась тамъ подъ именемъ Александры. Надобно было выбирать царя. Вельможи знатные, князья крови Рюриковой и Гедиминовой считали себя въ правѣ на престолъ, но имъ трудно было бороться съ Годуновымъ. За Годунова былъ патріархъ Іовъ, на котораго всѣ смотрѣли, какъ на главное лицо, отъ котораго всѣ ждали совѣта и рѣшенія; Годуновъ такъ долго былъ правителемъ, повсюду правительственныя должности занимали люди, имъ посаженные, ему преданные: при царѣ Ѳеодорѣ онъ и родственники его пріобрѣли большое богатство, которымъ теперь могли воспользоваться для пріобрѣтенія новыхъ приверженцевъ; наконецъ, только что присягнули царицѣ, а царица была его родная сестра. Патріархъ съ духовенствомъ, боярами и гражданами московскими отправились въ Новодѣвичій монастырь просить царицу, чтобы благословила брата на престолъ, просили и самого Годунова принять царство, но онъ отказался: ему хотѣлось быть избраннымъ всею Россіею, соборомъ, на которомъ бы были выборные изо всѣхъ городовъ, совѣтные люди, какъ тогда говорили. За совѣтными

людьми послали, соборъ открылся, и патріархъ объявилъ, что, по его мнѣнію, также по мнѣнію всего духовенства, бояръ и всѣхъ москвичей, мимо Бориса Θеодоровича Годунова другого государя искать нечего; никто не посмѣлъ противорѣчить, и совѣтные люди отвѣчали, что ихъ мнѣніе такое же Отправились къ Годунову, который былъ опять у сестры въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, и опять получили отказъ. Тогда патріархъ пошелъ въ монастырь съ крестнымъ ходомъ и со множествомъ народа; патріархъ съ духовенствомъ и боярами вошли въ келью къ царицѣ и долго упрашивали ее со слезами, стоя на колѣняхъ, чтобы благословила брата на царство; на монастырѣ и около монастыря народъ, стоя на колѣняхъ, вопилъ о томъ же. Царица наконецъ благословила, и Годуновъ принялъ царство. Остались извѣстія, что народъ былъ пригнанъ неволею, грозили, что если кто не пойдетъ, съ того будутъ взыскивать деньги.

Первые два года царствованія Бориса прошли хорошо и спокойно, но потомъ царемъ овладѣла сильная подозрительность. Подозрѣвалъ онъ главныхъ вельможъ, которые могли имѣть права на престолъ, и чтобы узнать, не замышляютъ ли они чего-нибудь противъ него, онъ сталъ наградами побуждать къ доносамъ; язва доносовъ распространилась быстро, заразила людей всѣхъ званій, самые близкіе люди стали доносить другъ на друга, ни при одномъ государѣ такихъ бѣдъ никто не видалъ, говорятъ современники. Поданъ былъ доносъ отъ двороваго человѣка на Романовыхъ, сыновей покойнаго боярина Никиты, слѣдовательно двоюродныхъ братьевъ послѣдняго царя Θеодора Іоанновича; схватили всѣхъ пять братьевъ, родственниковъ и друзей ихъ, пытали, ничего не узнали и разослали въ ссылку по дальнимъ городамъ; старшаго изъ нихъ Θеодора Никитича постригли въ монахи подъ именемъ Филарета и сослали въ Антоніевъ Сійскій монастырь; жену его Ксенію Ивановну также постригли подъ именемъ Марθы и сослали; сослали и малолѣтняго сына ихъ Михаила. Къ этой бѣдѣ отъ до-

носовъ присоединился страшный голодъ вслѣдствіе трехлѣтняго неурожая; за голодомъ слѣдовалъ моръ; за голодомъ и моромъ разбои; люди, спасавшіеся отъ голодной смерти, составляли шайки и кормились грабежомъ. Подъ самою Москвою не было проѣзда отъ разбойниковъ и самымъ злымъ атаманомъ ихъ былъ какой-то Хлопка Косолапъ. Царь долженъ былъ выслать противъ него цѣлое войско, и разбойники были такъ смѣлы, что вступили въ бой съ этимъ войскомъ, убили царскаго воеводу, но сами были разбиты и должны были бѣжать въ сѣверскую Украйну, нынѣшнія губерніи Орловскую, Курскую и Черниговскую, гдѣ всегда было множество всякаго сброда.

Въ это время пошли слухи, что царевичъ Димитрій живъ.

Въ началѣ царствованія Бориса появился въ Москвѣ бойкій, смышленый, грамотный молодой человѣкъ, сирота Юрій Отрепьевъ. Онъ проживалъ въ домахъ вельможъ подозрительныхъ царю, а потому и самъ сдѣлался подозрителенъ. Отъ этого стала ему грозить бѣда, и чтобъ спастись отъ нея, онъ постригся подъ именемъ Григорія, скитался изъ монастыря въ монастырь; попалъ наконецъ въ Чудовъ и поступилъ даже къ патріарху Іову писцомъ. Но здѣсь дерзкія рѣчи, что онъ будетъ царемъ въ Москвѣ, навлекли на него опять бѣду; царь Борисъ велѣлъ сослать его въ Кирилловъ-Бѣлоозерскій монастырь; но Отрепьеву удалось бѣжать изъ Москвы и пробраться за польскую границу. Въ польскихъ владѣніяхъ онъ скинулъ съ себя монашскую рясу и вступилъ въ службу къ богатому польскому вельможѣ, князю Вишневецкому, которому при первомъ удобномъ случаѣ открылся, что онъ московскій царевичъ Димитрій, сынъ царя Іоанна Васильевича, спасшійся отъ убійцъ, подосланныхъ Годуновымъ, которые вмѣсто него убили другого подставленнаго ребенка. Вишневецкій повѣрилъ, повѣрили и другіе польскіе вельможи и начали принимать Отрепьева съ царскими почестями; особенно усердствовалъ сендомирскій воевода Юрій Мнишекъ, котораго дочь Марина очень понравилась Отрепьеву; усерд-

ствовали и польскіе католическіе монахи, которымъ Отрепьевъ обѣщалъ, что если сдѣлается русскимъ царемъ, то станетъ вводить католическую вѣру между своими подданными. Въ началѣ 1604 года самозванца привезли въ Краковъ, столицу Польши, и представили королю Сигизмунду III, который царствовалъ по смерти Стефана Баторія. Королю очень хотѣлось завести смуту въ Россіи, да и боялся, а если не удастся, тогда надобно будетъ воевать съ царемъ Борисомъ; поэтому онъ пошелъ на хитрость, самъ какъ будто былъ въ сторонѣ, а позволилъ вельможамъ польскимъ собрать для Лжедимитрія войско и ввести его въ Россію.

Въ октябрѣ 1604 года Лжедимитрій со стороны сѣверской Украйны переступилъ русскую границу съ очень небольшимъ войскомъ; но успѣхъ его зависѣлъ не отъ войска, которое было при немъ, а отъ смуты, которая поднялась въ Россіи при извѣстіи, что царевичъ Димитрій живъ и идетъ къ Москвѣ свергнуть беззаконнаго Бориса. Въ Москвѣ патріархъ Іовъ и князь Василій Шуйскій уговаривали народъ не вѣрить слухамъ о царевичѣ Димитріѣ который дѣйствительно погибъ въ Угличѣ, а идетъ негодяй Гришка Отрепьевъ подъ именемъ царевича. Но многіе не убѣждались словами патріарха и Шуйскаго; въ толпѣ народа слышались слова: «Говорятъ они это поневолѣ, боясь царя Бориса, а Борису нечего другого говорить: если этого ему не говорить, такъ надобно царство оставить и жизнь свою спасать». Патріархъ проклялъ Гришку Отрепьева, но это проклятіе не трогало людей, которые сомнѣвались, не настоящій ли царевичъ идетъ къ Москвѣ: пусть проклинаютъ Гришку Отрепьева, настоящему царевичу отъ этого ничего. Люди знатные, воеводы говорили: «Трудно будетъ воевать противъ законнаго государя». Поэтому не удивительно, что у войска, которое выслалъ Борисъ противъ самозванца, не было рукъ для сѣчи, какъ говорятъ очевидцы: руки отнимались отъ страшной мысли, не бьются ли они противъ законнаго государя. Благодаря этому, самозванецъ,

отличавшійся большою храбростью, разбилъ царское войско; въ другой разъ онъ потерпѣлъ пораженіе, но это не испортило его дѣла, потому что воеводы царскіе дѣйствовали вяло, медленно, а къ самозванцу пришли на помощь казаки, которыхъ опять стало много на Дону послѣ Іоанна Грознаго.

Въ это время, когда недоумѣніе овладѣвало все больше и больше русскими людьми, въ апрѣлѣ 1605 года умираетъ царь Борисъ скоропостижно, и хотя жители Москвы присягнули спокойно сыну Борисову, Θеодору, однако воеводы, стоявшіе противъ самозванца, думали, что нельзя ничего сдѣлать съ войскомъ, которое упало духомъ, не имѣя увѣренности, что дѣло, за которое онъ бьется, дѣло правое. Главнымъ воеводою былъ Басмановъ: онъ рѣшился прямо объявить войску, что истинный царь есть тотъ, противъ котораго оно воюетъ, и войско перешло на сторону самозванца, только немногіе разбѣжались. Лжедимитрій двинулся въ Москву, куда передъ нимъ явилось нѣсколько его приверженцевъ; они взволновали народъ, свергнули патріарха Іова, разослали въ ссылку родныхъ царя, а самого Θеодора съ матерью звѣрски умертвили.

Въ іюнѣ 1605 г. Лжедимитрій съ торжествомъ въѣхалъ въ Москву; но скоро послѣ этого въѣзда князь Василій Ивановичъ Шуйскій сталъ распускать слухи, что новый царь самозванецъ. Слухи дошли до дворца, Шуйскаго схватили и приговорили къ смерти, но Лжедимитрій простилъ его. Для большаго увѣренія народа, что царь есть истинный Димитрій, сынъ царя Іоанна Васильевича, привезли изъ заточенія монахиню Марθу, бывшую царицу, мать царевича Димитрія, и всѣ видѣли съ какою материнскою нѣжностью свидѣлась она съ царемъ. Возвращены были изъ ссылки родственники ея Нагіе, также пострадавшіе при Годуновѣ Романовы, изъ которыхъ въ живыхъ остались только два брата: монахъ Филаретъ Никитичъ съ сыномъ Михаиломъ, да Иванъ Никитичъ; остальные померли въ ссылкѣ отъ жестокаго обращенія съ ними людей, приставленныхъ сте-

речь ихъ. Филаретъ Никитичъ поставленъ былъ ростовскимъ митрополитомъ. Въ патріархи, вмѣсто Іова, былъ поставленъ рязанскій архіерей Игнатій, родомъ Грекъ.

Самозванецъ вѣнчался на царство по принятому обычаю; часто присутствовалъ въ думѣ или въ совѣтѣ царскомъ и удивлялъ вельможъ умомъ, находчивостью при рѣшеніи трудныхъ дѣлъ, начитанностью, говорилъ, что вельможамъ не достаетъ образованія и обѣщалъ позволить имъ ѣздить за границу для его пріобрѣтенія; но въ то же время онъ оскорблялъ приближенныхъ людей пренебреженіемъ старыхъ русскихъ обычаевъ, даже такихъ, которые считались священными; неудовольствіе усилилось, когда пріѣхала въ Москву невѣста царская, Марина Мнишекъ, со множествомъ Поляковъ, которые вели себя дерзко, когда Лжедимитрій женился на ней; знали, что она православія не приняла. Этимъ неудовольствіемъ спѣшилъ воспользоваться князь Василій Шуйскій вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими знатными людьми, чтобы составить заговоръ для истребленія Лжедимитрія. 17 мая 1606 года рано утромъ раздался набатъ въ Москвѣ, и по этому знаку заговорщики собрались на Красной площади, откуда князь Василій Шуйскій повелъ ихъ въ Кремль ко дворцу. Самозванецъ проснулся отъ набата и увидавъ, что отбиться отъ заговорщиковъ нельзя, бросился въ окно и расшибся; въ этомъ положеніи онъ былъ найденъ и убитъ. Въ то же время было побито много Поляковъ, но Марина, отецъ ея и другіе знатные Поляки были спасены боярами, которые не хотѣли изъ-за нихъ ссориться съ Польшею.

Надобно было думать объ избраніи новаго царя. Виднѣе всѣхъ былъ теперь князь Василій Ивановичъ Шуйскій, избавившій Россію отъ позора имѣть на царскомъ престолѣ обманщика, разстригу. Шуйскаго провозгласили царемъ, не созывая собора совѣтныхъ людей изъ всего государства, какъ было при избраніи Годунова. Свергнули и патріарха Игнатія, какъ лжедимитріевскаго патріарха, и возвели на его мѣсто казанскаго архіерея Гермогена. Разослана была

по областямъ грамота отъ имени бояръ и всѣхъ москвичей; въ грамотѣ говорилось, что Гришка Отрепьевъ овладѣлъ царствомъ съ бѣсовскою помощью, всѣхъ людей прельстилъ чернокнижествомъ, но что онъ погибъ и теперь царствуетъ Василій Ивановичъ, потомокъ прежнихъ великихъ князей русскихъ. Эта грамота могла показаться очень странною въ областяхъ: недавно извѣщали изъ Москвы, что Годуновъ свергнутъ истиннымъ царемъ Димитріемъ, а теперь увѣряютъ, что этотъ Димитрій былъ обманщикъ, злодѣй, чернокнижникъ, объявляютъ, что онъ погибъ, но какъ погибъ и какъ увѣрились въ томъ, что онъ самозванецъ—это неизвѣстно; объявляютъ, что избранъ новый царь, но какъ и кѣмъ—и это также неизвѣстно: совѣтные люди изъ областей не были на избраніи Шуйскаго. Всякій могъ спрашивать: что это такое? какъ это сдѣлалось? И вмѣсто отвѣта, который бы успокоилъ, вдругъ разносятся слухи, что царь Димитрій живъ, въ другой разъ спасся отъ убійцъ, ушелъ изъ Москвы опять въ Польшу и оттуда идетъ съ войскомъ на похитителя престола Шуйскаго. Кому же и чему вѣрить? Опять сомнѣніе, смута, какъ при появленіи перваго самозванца; у добрыхъ людей опустились руки, не знаютъ за кого стоять, на чьей сторонѣ правда, а злымъ людямъ только того и надобно, чтобы мутить землю для своихъ выгодъ.

Слухи, что царь Димитрій спасся, пошли тотчасъ же по воцареніи Шуйскаго; они были распущены людьми, которымъ было хорошо при Лжедимитріѣ и нечего было ждать хорошаго при новомъ царѣ. Они хотѣли свергнуть Шуйскаго и думали, что легче всего свергнуть его самозванцемъ, какъ свергнутъ былъ Годуновъ, потому что народъ не сталъ бы мѣнять Шуйскаго ни на какого другого боярина, народъ могъ быть увлеченъ, обманутъ только именемъ законнаго царя. Тщетно Шуйскій разослалъ грамоты съ увѣреніями, что человѣкъ, царствовавшій передъ нимъ, былъ самозванецъ и погибъ; недоумѣніе не исчезало, потому что не знали, почему прежній царь былъ найденъ са-

мозванцемъ и какъ онъ погибъ. Второго самозванца отыскали въ сѣверской Украйнѣ, и къ нему со всѣхъ сторонъ начали собираться шайки людей, хотѣвшихъ воспользоваться смутою и пожить на чужой счетъ: составилось большое войско изъ всякаго сброда, Поляковъ и Русскихъ, особенно было много казаковъ, привлеченныхъ надеждою добычи. Весною 1608 года самозванецъ разбилъ царское войско и быстро шелъ къ Москвѣ. Царь Василій, чтобы отвлечь отъ него Поляковъ, завелъ переговоры съ королемъ польскимъ; условились, что король Сигизмундъ отзоветъ отъ самозванца всѣхъ Поляковъ и впередъ никакимъ самозванцамъ не будетъ вѣрить и за нихъ вступаться, Юрій Мнишекъ не будетъ признавать своимъ зятемъ второго Лжедимитрія и не выдастъ за него своей дочери Марины. Съ этимъ условіемъ Шуйскій освободилъ Мнишка съ дочерью и отправилъ ихъ въ Польшу; но они съ дороги ушли въ лагерь къ самозванцу и подкрѣпили его своимъ признаніемъ; также ни одинъ изъ Поляковъ не оставилъ его. Лжедимитрій подошелъ къ Москвѣ и расположился станомъ по Волоколамской дорогѣ въ селѣ Тушинѣ. Москвы онъ взять не могъ, но и царь Василій не могъ выгнать его изъ Тушина. Такимъ образомъ два царя жили другъ подлѣ друга, московскій и тушинскій; скоро впрочемъ тушинскій пересталъ называться у добрыхъ людей царемъ и сталъ слыть подъ именемъ тушинскаго вора: воромъ тогда называли вообще преступника, негоднаго человѣка.

Шайки тушинскія разбрелись по Россіи, нападали на города, жители городовъ, въ недоумѣніи, не зная кому вѣрить, сдавались имъ и присягали царю Димитрію. Самыми знаменитыми предводителями этихъ тушинскихъ шаекъ были Лисовскій и Сапѣга. Лисовскій бѣжалъ изъ Литвы отъ смертной казни, и по немъ уже можно судить, что за народъ былъ въ Тушинѣ. Сапѣга съ своею шайкою подошелъ къ Троицкому Сергіеву монастырю; но бывшій въ

немъ отрядъ войска и монахи не сдались, долго и храбро защищались, несмотря на страшную тѣсноту, голодъ и болѣзни, монахи бились на вылазкахъ, и тушинцы принуждены были отступить, не воспользовавшись монастырскими сокровищами, которыя ихъ очень прельщали. Грабежъ былъ единственною цѣлью тушинцевъ, а служба царю Димитрію служила только прикрытіемъ. Принятые въ какой-нибудь городъ, присягнувшій ихъ царю, они прежде всего накладывали на жителей тяжелые поборы; но всего больше доставалось отъ нихъ беззащитнымъ поселянамъ, которыхъ разоряли въ конецъ, били, мучили самымъ звѣрскимъ образомъ. Описывая злодѣйство тушинцевъ или, какъ ихъ тогда обыкновенно называли, казаковъ, современники говорятъ, что эти казаки были свирѣпѣе Литвы и Нѣмцевъ. Народъ не могъ долго переносить такого мучительства: крестьяне стали вооружаться первые; но имъ, по непривычкѣ къ ратному дѣлу, не счастливилось въ битвахъ съ тушинцами. Удачнѣе дѣйствовали города, изъ которыхъ многіе успѣли прогнать тушинцевъ; особенно борьба городовъ съ тушинцами пошла удачнѣе, когда началъ дѣйствовать знаменитый племянникъ царя Василія, князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій.

Такъ какъ польскій король Сигизмундъ не сдержалъ слова, не отвелъ своихъ Поляковъ отъ тушинскаго вора, то царь Василій обратился съ просьбою о помощи къ врагу Сигизмундову, шведскому королю Карлу IX. Вести переговоры объ этомъ со Шведами царь отправилъ въ Новгородъ племянника своего, князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго. Князь Михаилъ устроилъ дѣло, получилъ шведское войско и вмѣстѣ съ нимъ и съ русскимъ войскомъ пошелъ отъ Новгорода противъ тушинцевъ весною 1609 года, сталъ выгонять ихъ изъ городовъ. Шведы были полезны ему тѣмъ, что были искусны въ военномъ дѣлѣ и учили русскихъ. Поразивъ тушинцевъ въ двухъ битвахъ, Скопинъ приближался къ Москвѣ, чтобы отогнать отъ нея тушинскаго вора; но воръ былъ прогнанъ еще до его

прихода къ Москвѣ, и прогналъ его польскій король Сигизмундъ, только не въ угоду царю Василію.

Король Сигизмундъ испугался, что царь Василій заключилъ тѣсный союзъ съ его врагомъ, шведскимъ королемъ, и поспѣшилъ объявить войну Россіи, чтобы захватить что-нибудь у нея, пока царь Василій Шуйскій еще не оправился. Сигизмундъ пошелъ съ войскомъ прямо къ Смоленску, потому что послѣ взятія этого города великимъ княземъ Василіемъ Поляки не могли успокоиться, что такая важная крѣпость въ русскихъ рукахъ, и Сигизмунду хотѣлось прославиться возвращеніемъ Смоленска Польшѣ. Онъ думалъ, что возьметъ Смоленскъ легко во время такой смуты, но когда онъ послалъ смольнянамъ и воеводѣ ихъ Шеину грамоту съ требованіемъ сдачи и съ разными обѣщаніями, то они отвѣчали, что поклялись за православную вѣру, за святыя церкви и за царя, который въ Москвѣ, всѣмъ помереть, а литовскому королю и его панамъ отнюдь не поклониться. Съ самаго начала осада Смоленска пошла неудачно для короля: приступъ былъ отбитъ, подкопы не удавались. Войска было немного у Поляковъ, и Сигизмундъ послалъ въ Тушино, чтобы всѣ Поляки оставили Лжедимитрія и соединились съ войскомъ королевскимъ. Въ Тушинѣ начался шумъ, крикъ; Поляки кричали, что король вырываетъ у нихъ изъ рукъ добычу; они думали только о себѣ, на Лжедимитрія не обращали никакого вниманія, срывали на немъ досаду, бранили, грозились бить. Тогда Лжедимитрій, переодѣвшись въ крестьянское платье, убѣжалъ въ Калугу, гдѣ засѣлъ съ одними казаками; Поляки, покинутые самозванцемъ, отправились къ своему королю подъ Смоленскъ. Тушино опустѣло: Москва избавилась отъ Тушина, но подъ Смоленскомъ стоялъ польскій король, и Москва съ нетерпѣніемъ ждала своего знаменитаго и любимаго воеводу, князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго.

ЧТЕНІЕ IX.

О междуцарствіи; объ избраніи на престолъ Михаила Θеодоровича Романова и его царствованіи.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1610 года князь Скопинъ-Шуйскій съ русскимъ войскомъ и шведскимъ вспомогательнымъ отрядомъ вступилъ торжественно въ Москву и былъ встрѣченъ ея жителями съ восторгомъ. Воеводѣ, уже знаменитому, было не болѣе 24 лѣтъ отъ роду. Знаменитость эту онъ пріобрѣлъ въ одинъ годъ и вмѣстѣ съ знаменитостью пріобрѣлъ сильную любовь всѣхъ добрыхъ гражданъ, желавшихъ, чтобы русская земля успокоилась отъ смутъ. Въ то время, когда царь Василій не могъ ничего сдѣлать, сидя въ осадѣ, и потому какъ будто бы его не было, на виду у всѣхъ дѣйствовалъ Скопинъ, и съ его именемъ у добрыхъ гражданъ связана была надежда на избавленіе, на лучшее будущее. Мысли всѣхъ были обращены въ ту сторону, гдѣ дѣйствовалъ Скопинъ, утѣшительныхъ разговоровъ только и было что о немъ; вотъ онъ въ Новгородѣ получаетъ иностранное войско на помощь; вотъ онъ двинулся изъ Новгорода, очистилъ такой-то и такой-то городъ отъ тушинцевъ, послалъ отрядъ на помощь такимъ-то городамъ, которые возстали противъ воровъ, самъ одержалъ побѣду надъ тушинцами, вотъ онъ уже близко къ Москвѣ—придетъ, и враговъ не будетъ, все успокоится. Иной человѣкъ нравится издали, а подойдетъ поближе, оттолкнетъ или наружностью, или обращеніемъ, характеромъ; но князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ привлекалъ всѣхъ, кто къ нему приближался; онъ былъ хорошъ собою, заговоритъ—виденъ свѣтлый умъ, зрѣлость сужденія не по лѣтамъ; кто зналъ его, всѣ отзывались о немъ какъ нельзя лучше, и свои, и чужіе; Шведы также сильно полюбили его, какъ и Русскіе.

Царь Василій встрѣтилъ племянника ласково; но иначе велъ себя родной братъ царскій, князь Димитрій Ивано-

вичъ Шуйскій; у царя Василія дѣтей не было, и князь Димитрій считалъ себя наслѣдникомъ престола: увидавши себѣ страшнаго соперника въ Скопинѣ, возненавидѣлъ его. Скопинъ не хотѣлъ долго оставаться въ Москвѣ, сбирался въ походъ къ Смоленску противъ польскаго короля, какъ вдругъ занемогъ на пиру у одного боярина и черезъ двѣ недѣли умеръ. Народъ былъ въ отчаяніи, и такъ какъ знали, что князь Димитрій Шуйскій не любилъ покойнаго, то пошли слухи, что князь Михаилъ былъ отравленъ и отравленъ своими. Смерть Скопина нанесла страшный ударъ царю Василію и всѣмъ Шуйскимъ. Самъ царь Василій былъ старъ и бездѣтенъ; брата его Димитрія и прежде не любили, не уважали, а теперь обвиняли въ отравленіи племянника, въ отнятіи у народа послѣдней надежды. И вотъ начальство надъ войскомъ, которое выступало къ Смоленску, принимаетъ этотъ самый нелюбимый Димитрій Шуйскій, воевода, извѣстный своею неспособностью. Король узнавши, что противъ него идетъ русское войско, выслалъ противъ него главнаго своего воеводу или гетмана Жолкѣвскаго, который напалъ на Шуйскаго при деревнѣ Клушинѣ и разбилъ его наголову.

Послѣ этой побѣды Жолкѣвскій пошелъ прямо къ Москвѣ, провозглашая русскимъ царемъ королевича Владислава, сына короля Сигизмунда; съ другой стороны спѣшилъ къ Москвѣ изъ Калуги самозванецъ, надѣясь, что Москвичи, въ крайности, скорѣе поддадутся ему, чѣмъ польскому королевичу. Люди, враждебные Шуйскому, начали волновать народъ, говоря, что царю Василію нельзя больше оставаться на престолѣ, нельзя ему безъ войска защищаться отъ Поляковъ и самозванца, онъ царь несчастный, ничто ему не удается, сколько крови проливается изъ-за него даромъ, Украйна признаетъ царемъ вора потому только, что никакъ не хочетъ признать царя Василія: не будетъ его—всѣ русскіе люди придутъ въ согласіе. Шуйскаго свели съ престола и постригли. Правленіе поручили на время боярскому совѣту или думѣ и стали разсуждать, кого избрать въ

цари. Патріархъ Гермогенъ требовалъ, чтобъ выбрать кого-нибудь изъ русскихъ; но знатные люди на это не соглашались, никому не хотѣлось видѣть на престолѣ своего брата боярина, и если бы выбрали кого-нибудь изъ нихъ, то пошли бы опять крамолы и смуты, какъ при Годуновѣ и Шуйскомъ, и притомъ какъ бы новый царь сталъ защищаться отъ Поляковъ и самозванца? Рѣшились войти въ сношеніе съ гетманомъ Жолкѣвскимъ, который уже стоялъ подъ Москвою, и присягнуть королевичу Владиславу съ условіемъ, чтобы королевичъ принялъ православную вѣру и чтобы Жолкѣвскій отогналъ самозванца отъ Москвы, Жолкѣвскій согласился на послѣднее и дѣйствительно отогналъ самозванца, но чтобы королевичъ принялъ православіе, для этого нужно было согласіе короля, къ которому надобно было отправить за этимъ большое посольство. Посольство отправилось подъ Смоленскъ къ Сигизмунду; главными въ этомъ посольствѣ были изъ духовныхъ ростовскій митрополитъ Филаретъ Никитичъ Романовъ, а изъ свѣтскихъ—князь Василій Васильевичъ Голицынъ.

Между тѣмъ сами бояре, боясь волненія въ народѣ, между которымъ было много недовольныхъ присягою чужому польскому королевичу, боясь, чтобы недовольные не призвали самозванца, сами бояре предложили гетману Жолкѣвскому ввести польское войско въ Москву. Жолкѣвскій, человѣкъ очень умный, велъ себя искусно, со всѣми ладилъ; но онъ видѣлъ, что долго оставаться въ Москвѣ было нельзя, приближалась буря, потому что король Сигизмундъ нетолько не хотѣлъ, чтобы сынъ его принялъ православіе, но и вовсе не хотѣлъ его отпускать въ Москву, а хотѣлъ самъ въ ней царствовать, присоединить Россію къ Польшѣ, какъ присоединена Литва и западная Россія. Жолкѣвскій зналъ, что Русскіе на это ни за что не согласятся, начнется война, въ которой Польшѣ съ Россіей не сладить, и потому уѣхалъ изъ Москвы, захвативъ съ собою и бывшаго царя Василія Шуйскаго, а начальство надъ польскимъ войскомъ въ Москвѣ сдалъ другому воеводѣ, Гонсѣв-

скому. Русскіе послы Филаретъ и Голицынъ съ товарищами, какъ только пріѣхали къ королю подъ Смоленскъ, такъ увидали, что дѣло, за которымъ пріѣхали, не сдѣлается. Паны польскіе въ переговорахъ съ ними тянули время, говорили, что король не можетъ отпустить своего пятнадцатилѣтняго сына въ Москву, хочетъ прежде самъ успокоить русское государство, а главное—паны настаивали на томъ, чтобы Смоленскъ сдался королю и его польскому войску. Разумѣется, послы никакъ не могли на это согласиться, они говорили: «Зачѣмъ Смоленску сдаваться королю! когда королевичъ пріѣдетъ въ Москву и будетъ царемъ, то Смоленскъ и всѣ города будутъ его». Тогда Поляки начали подговаривать разныхъ людей, пріѣхавшихъ въ посольствѣ, чтобы они бросили пословъ, уѣхали домой и служили въ Россіи королевскимъ замысламъ; нѣкоторыхъ удалось Полякамъ уговорить; но когда они подступили къ главному дѣлопроизводителю или думному дьяку Томилѣ Луговскому и стали его улещать королевскими милостями, чтобы ѣхалъ подъ Смоленскъ и уговаривалъ Смольнянъ сдаться королю, то Луговскій отвѣчалъ: «Какъ мнѣ это сдѣлать и вѣчное проклятіе на себя навести? Господь Богъ и русскіе люди мнѣ за это не потерпятъ и земля меня не понесетъ. Я присланъ отъ московскаго государства въ челобитчикахъ; какъ же мнѣ первому соблазнъ ввести? по Христову слову лучше навязать на себя камень и ввинуться въ море».

Между тѣмъ въ Москвѣ, видя, что королевичъ не ѣдетъ, стали догадываться о дурныхъ умыслахъ короля. Измѣнники, продавшіеся королю, толковали, что надобно призвать короля въ Москву для окончательнаго истребленія самозванца, который все сидѣлъ въ Калугѣ. Но патріархъ Гермогенъ былъ противъ того, чтобы призывать короля, и на сторонѣ патріарха былъ весь народъ. Въ концѣ 1610 г. самозванецъ погибъ: онъ убилъ одного служившаго у него въ войскѣ Татарина, а другой Татаринъ, изъ мести, убилъ самого Лжедимитрія. Это событіе было чрезвычайно важно, потому что у приверженцевъ короля Сигизмунда не было

теперь предлога требовать, чтобы короля звали въ Россію для очищенія ея отъ самозванца; люди, которые только изъ страха предъ самозванцемъ присягнули Владиславу, теперь освободились отъ этого страха и могли свободнѣе дѣйствовать противъ Поляковъ. Въ Москвѣ, какъ только узнали о смерти вора, такъ пошли разговоры, какъ бы всей землѣ соединиться и прогнать Поляковъ. Патріархъ Гермогенъ явно призывалъ къ себѣ людей изъ разныхъ сословій и говорилъ: «Если королевичъ не приметъ православной вѣры и всѣ Поляки не уйдутъ изъ русской земли, то королевичъ намъ не государь!» То же патріархъ писалъ и въ грамотахъ, разосланныхъ по городамъ. Города начали переписываться другъ съ другомъ, что надобно стать за вѣру православную противъ Поляковъ. Области поднялись, дворяне собирались на службу, горожане складывались и давали имъ деньги, чѣмъ содержать себя въ походѣ. Изъ главныхъ бояръ никто не могъ принять начальства надъ ополченіемъ: они сидѣли въ Москвѣ съ Поляками, которые, при первомъ подозрѣніи, сажали ихъ подъ стражу; принялъ начальство надъ ополченіемъ рязанскій дворянинъ Прокофій Петровичъ Ляпуновъ, человѣкъ, отличавшійся своими способностями, пылкій, дѣятельный.

Ополченіе пошло къ Москвѣ; Поляки и русскіе измѣнники заставляли патріарха и бояръ написать къ Ляпунову, чтобы не шелъ къ Москвѣ, а посламъ Филарету и Голицыну написать, чтобъ отдались во всемъ на волю королевскую. Гермогенъ не согласился: «Положиться на королевскую волю, говорилъ онъ, значитъ цѣловать самому королю, а не королевичу, и я такихъ грамотъ не благословляю писать; и къ Прокофію Ляпунову напишу, что, если королевичъ въ Москву не пріѣдетъ, православной вѣры не приметъ и Поляковъ изъ Русскаго государства не выведетъ, то благословляю всѣхъ идти подъ Москву и помереть за православную вѣру». Поляки посадили патріарха подъ стражу, не велѣли никого пускать къ нему, всѣмъ русскимъ людямъ въ Москвѣ запретили ходить съ оружіемъ, а сами сильно

вооружились. 19 марта 1611 года, во вторникъ на Страстной недѣлѣ, Поляки начали принуждать извозчиковъ, чтобы тащили пушки на башню. Извозчики не согласились, начался споръ, крикъ; другіе Поляки, думая, что уже началось народное возстаніе, начали бить безоружный народъ. Русскихъ въ одномъ Китаѣ-городѣ погибло до 7000 человѣкъ; но въ Бѣломъ городѣ Русскіе успѣли вооружиться и погнали Поляковъ въ Кремль и Китай-городъ, при чемъ важную помощь народу оказалъ воевода князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій; къ несчастію, Пожарскій былъ тяжело раненъ и его отвезли въ деревню лѣчиться. Между тѣмъ Поляки успѣли зажечь Москву въ нѣсколькихъ мѣстахъ и весь городъ, кромѣ Кремля и Китая, выгорѣлъ. Но Поляки не долго были безопасны въ Кремлѣ и Китаѣ-городѣ: 25 марта, въ понедѣльникъ на Святой недѣлѣ, ополченіе Ляпунова подошло къ Москвѣ и осадило непріятеля, который скоро сталъ нуждаться въ съѣстныхъ припасахъ.

Въ мартѣ сожжена была Москва, въ апрѣлѣ покончили свою посольскую службу подъ Смоленскомъ митрополитъ Филаретъ Никитичъ и князь Голицынъ. Поляки не переставали требовать отъ нихъ, чтобы они согласились впустить королевское войско въ Смоленскъ; но Филаретъ и Голицынъ никакъ не соглашались: тогда ихъ схватили, ограбили и отправили въ заточеніе въ городъ Маріенбургъ. 3 іюня Поляки взяли Смоленскъ приступомъ послѣ геройскаго сопротивленія жителей. Но хуже всего было то, что дѣло не ладилось въ русскомъ ополченіи подъ Москвою. Ляпуновъ, поднимая возстаніе, имѣлъ неосторожность призвать на помощь всякій сбродъ, служившій подъ именемъ казаковъ въ Тушинѣ и Калугѣ Лжедимитрію и оставшійся теперь безъ дѣла по смерти самозванца; Ляпуновъ думалъ, что такъ какъ это русскіе же люди, то будутъ охотно биться съ Поляками за Россію и за вѣру русскую. Но онъ ошибся въ своихъ расчетахъ: казаки, служа самозванцу, привыкли къ своеволію и грабежу. Начальство не оставалось въ однѣхъ рукахъ Ляпунова; выбрали троихъ предво-

дителей съ равною властію; кромѣ Ляпунова, казаки выбрали себѣ въ воеводы князя Трубецкого, Димитрія Тимофеевича и Заруцкаго, который былъ казакъ по происхожденію. Строгость Ляпунова, не позволявшаго грабить, возбудила противъ него казаковъ, они собрались и убили его; съ нимъ вмѣстѣ убили дворянина Ивана Никитича Ржевскаго, который бросился защищать Ляпунова, несмотря на то, что былъ ему большой недругъ. Бѣда шла за бѣдою: Шведы, видя, что Русскіе находятся въ такомъ страшномъ положеніи, и видя, что Поляки пользуются этимъ положеніемъ, также захотѣли воспользоваться имъ и завладѣли Новгородомъ.

Но среди этихъ бѣдъ, когда одинъ тяжелый ударъ слѣдовалъ за другимъ, когда, повидимому, исчезала всякая надежда на спасеніе, тутъ-то и оказалась нравственная сила народная. Русскіе люди не отчаявались въ спасеніи родной страны, бѣды ихъ только все больше и больше очищали и укрѣпляли; русскіе люди все больше и больше наказывались, по ихъ словамъ, то-есть все больше и больше научались какъ дѣлать, чтобы спасти отечество, какія причины бѣдъ и какъ ихъ уничтожить. Изъ примѣра Ляпунова они увидали, что хорошее дѣло надобно дѣлать только съ хорошими людьми, а дурные не рады хорошему дѣлу и если примутся за него, то съ тѣмъ, чтобы испортить. Такъ жители Казани писали Пермичамъ: «Подъ Москвою, господа, поборника по Христовой вѣрѣ, Прокофья Петровича Ляпунова казаки убили; но мы согласились быть всѣмъ въ соединеніи, дурного ничего другъ надъ другомъ не дѣлать; казаковъ въ Казань не пускать, стоять на томъ крѣпко до тѣхъ поръ, пока Богъ дастъ государя, а выбрать намъ государя всею землею; если же казаки станутъ выбирать государя одни по своей волѣ, то намъ такого государя не хотѣть».

Отъ патріарха Гермогена больше грамотъ не было; онъ сидѣлъ подъ стражею, къ нему никого не пускали, бумаги и чернилъ не давали; но шли грамоты изъ Троицкаго Сер-

гіева монастыря, отъ архимандрита Діонисія и келаря Авраамія Палицына. Троицкій монастырь сослужилъ свою службу, отбившись отъ тушинцевъ, задержавъ ихъ долгое время подъ своими стѣнами; но служба его этимъ не кончилась. Когда Москва была сожжена и казаки свирѣпствовали въ окружныхъ областяхъ, толпы бѣглецовъ, изломанныхъ, обожженныхъ, истерзанныхъ, съ разныхъ сторонъ устремились къ Троицкому монастырю. Видя многочисленныя толпы этихъ несчастныхъ, требующихъ помощи, монахи, слуги и крестьяне монастырскіе не знали, что дѣлать. Архимандритъ Діонисій ободрилъ ихъ и уговорилъ употребить новыя усилія для успокоенія страдальцевъ:. Троицкій монастырь превратился въ больницу и богадѣльню, и въ то же время въ келіи архимандричьей сидѣли писцы, составляли увѣщательныя грамоты и разсылали по городамъ и полкамъ, призывая къ очищенію русской земли отъ враговъ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1611 года увѣщательная троицкая грамота пришла въ Нижній Новгородъ. Когда въ соборной церкви протопопъ прочелъ ее передъ всѣмъ народомъ, тогда земскій староста (по нашему градскій голова), мясной торговецъ Кузьма Мининъ Сухорукій сталъ говорить: «Если помогать Московскому государству, то нечего намъ жалѣть имѣнія, не пожалѣемъ ничего: дома свои продадимъ, женъ и дѣтей заложимъ, и будемъ просить кто бы вступился за православную вѣру и былъ у насъ начальникомъ». Всѣ съ нимъ согласились и положили скликать служилыхъ людей и собирать деньги имъ на жалованье. Но прежде всего нужно было найти воеводу, кто бы повелъ войско къ Москвѣ. Въ это время недалеко, въ суздальской области, жилъ воевода извѣстный, князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, долѣчивавшійся отъ ранъ, полученныхъ имъ въ Москвѣ при защитѣ ея отъ Поляковъ. На просьбу Нижегородцевъ Пожарскій отвѣчалъ: «Радъ я вашему совѣту, готовъ хоть сейчасъ ѣхать, но выберите прежде кого-нибудь изъ своихъ, кому со мною у такого великаго дѣла быть и казну

сбирать». Нижегородцы выбрали Минина. Пожарскій принялъ начальство надъ войскомъ, которое составилось изъ служилыхъ людей, дворянъ, помѣщиковъ; но этимъ дворянамъ нельзя было содержаться отъ разоренныхъ помѣстьевъ, жители городовъ должны были давать деньги на ихъ содержаніе; этими сборными деньгами завѣдывалъ召Мининъ; но оба, Пожарскій и Мининъ, были неразлучны въ совѣтѣ о великомъ дѣлѣ освобожденія земли, и потому имена ихъ остаются неразлучными въ памяти народа русскаго.

Какъ скоро разнеслась вѣсть, что Нижегородцы поднялись и готовы на всякія пожертвованія, то ратные люди стали собираться къ нимъ отовсюду. Пожарскій разослалъ по всѣмъ областямъ грамоты, въ которыхъ говорилось: «Теперь мы, Нижняго Новгорода всякіе люди, идемъ на помощь Московскому государству; къ намъ пріѣхали изъ многихъ городовъ дворяне, и мы приговорили имѣнье свое и домы съ ними раздѣлить, жалованье имъ дать. И вамъ бы, господа, также идти на литовскихъ людей поскорѣе. Отъ казаковъ ничего не опасайтесь: какъ будемъ всѣ въ сборѣ, то станемъ совѣтоваться всею землею и ворамъ ничего дурного сдѣлать не дадимъ. Непремѣнно быть бы вамъ съ нами въ одномъ совѣтѣ и на Поляковъ идти вмѣстѣ, чтобы казаки попрежнему рати не разогнали».

Вѣсть о новомъ ополченіи добрыхъ гражданъ встревожила Поляковъ, осажденныхъ въ Москвѣ, встревожила и казаковъ, которые осаждали ихъ. Поляки послали къ патріарху Гермогену уговаривать его, чтобы написалъ въ нижегородское ополченіе, запретилъ ему идти къ Москвѣ, Гермогенъ отвѣчалъ: «Да будутъ благословенны тѣ, которые идутъ для очищенія Москвы». Скоро послѣ этого Гермогенъ скончался, въ февралѣ 1612 года; причиною смерти было дурное содержаніе. Казаки послали отрядъ, чтобы мѣшать нижегородскому ополченію, но казаки были разбиты, и Пожарскій занялъ Ярославль; казаки подослали сюда злодѣевъ, чтобъ убить Пожарскаго, но это не удалось. Уладивъ всѣ дѣла, Пожарскій выступилъ къ Москвѣ, куда съ

другой стороны шелъ литовскій гетманъ Ходкевичъ на выручку своихъ. Пожарскій предупредилъ его и 18 августа 1612 года подошелъ къ Москвѣ. Здѣсь стояли казаки, съ которыми надобно было улаживаться. Къ счастію, число ихъ уменьшилось: часть ихъ, подъ начальствомъ Заруцкаго, ушла изъ стана; Заруцкій взялъ себѣ Марину, вдову самозванца, съ ея малолѣтнимъ сыномъ, рожденнымъ отъ тушинскаго вора, и пошелъ на юго-востокъ къ степямъ, чтобы тамъ снова завести смуту во имя маленькаго самозванца. Предводителемъ казаковъ подъ Москвою остался одинъ князь Димитрій Тимофеевичъ Трубецкой. Чрезъ два дня послѣ прихода Пожарскаго явился подъ Москвою и гетманъ Ходкевичъ. 22 августа онъ напалъ на Пожарскаго, но былъ отбитъ 24 онъ снова двинулся къ Кремлю; казаки въ рѣшительную минуту отказались биться и ушли въ свой станъ; но троицкій келарь Авраамій Палицынъ успѣлъ уговорить ихъ вступить въ дѣло; тогда общими усиліями дворянъ и казаковъ, и особенно благодаря смѣлому движенію Минина съ отборнымъ отрядомъ Ходкевичъ былъ снова отбитъ и ушелъ къ польскимъ границамъ, не успѣвши снабдить осажденныхъ съѣстными припасами.

Послѣ ухода Ходкевича Пожарскій соединился съ Трубецкимъ и вмѣстѣ управлялъ дѣлами, при чемъ Пожарскій, отличавшійся скромностью, уступилъ первенство Трубецкому, какъ старшему по чину. 22 октября осаждающіе взяли у Поляковъ Китай-городъ приступомъ. Въ Кремлѣ Поляки держались еще мѣсяцъ, терпя страшный голодъ, наконецъ сдались, и 27 ноября ополченіе и народъ съ крестнымъ ходомъ вошли въ очищенный отъ враговъ Кремль. Послѣ этого пришелъ было самъ король Сигизмундъ съ войскомъ; но, увидавъ, что опоздалъ, возвратился, не успѣвъ взять и Волоколамска. Уходъ короля далъ доступъ заняться избраніемъ царя. Разосланы были грамоты по областямъ, чтобы присылали отовсюду въ Москву знатныхъ духовныхъ лицъ и выборныхъ изъ другихъ сословій, лучшихъ разумныхъ людей. Когда выборные съѣхались, назначенъ

былъ трехдневный постъ, послѣ котораго начались соборы. 21 февраля 1613 года былъ послѣдній соборъ: каждое сословіе подало письменное мнѣніе, и всѣ эти мнѣнія найдены сходными, всѣ указывали на одного человѣка, шестнадцатилѣтняго Михаила Ѳеодоровича Романова, сына митрополита Филарета Никитича.

Михаилъ Ѳеодоровичъ жилъ въ это время въ Костромѣ въ Ипатьевскомъ монастырѣ съ матерью, монахинею Марѳою Ивановною. Соборъ, провозгласивши его царемъ, назначилъ нѣсколько знатныхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ ѣхать къ нему и отъ имени всѣхъ чиновъ людей просить, чтобы былъ государемъ и ѣхалъ въ Москву. 13 марта соборные послы пріѣхали въ Кострому, а на другой день 14 числа пошли въ Ипатьевскій монастырь съ крестнымъ ходомъ и со всѣми Костромичами. Услыхавши отъ пословъ просьбу ѣхать въ Москву и царствовать, Михаилъ отказался; Марѳа Ивановна говорила: «Сынъ мой еще очень молодъ, а русскіе люди стали малодушны, троимъ государямъ присягнули и потомъ измѣнили; кромѣ того, государство разорено въ конецъ, прежнихъ сокровищъ царскихъ нѣтъ, земли розданы, служилые люди обѣднѣли: откуда будущему царю давать жалованье служилымъ людямъ, дворъ свой содержать и какъ противъ недруговъ стоять? Наконецъ митрополитъ Филаретъ въ заточеніи у польскаго короля: узнавши, что выбрали въ цари сына, король отомститъ за это на отцѣ». Соборные послы отвѣчали, что избранъ Михаилъ по Божьей волѣ, а три прежніе государя садились на престолъ по своей волѣ, неправо, отъ чего во всѣхъ русскихъ людяхъ и было несогласіе и междоусобіе; теперь же русскіе люди наказались всѣ и пришли въ соединеніе во всѣхъ городахъ. Послы долго упрашивали Михаила и мать его, наконецъ стали грозить, что въ случаѣ отказа государство совершенно разорится и Богъ взыщетъ на Михаилѣ это разореніе: тогда Марѳа Ивановна благословила сына принять престолъ.

Оказалось, что Михаилу дѣйствительно нечего было бо-

яться; соборные послы были правы; русскіе люди наказались и пришли въ соединеніе; страшнымъ опытомъ русскіе люди наказались, научились, къ чему ведутъ смуты, несогласія и междоусобія; у нихъ было столько нравственной силы, что они могли воспользоваться наказаніемъ, встали, соединились, очистили государство, и теперь могли поддерживать новаго государя, несмотря на разореніе земли. Что русскіе люди рѣшились жертвовать всѣмъ, чтобы только сохранить новаго царя и не дать возвратиться прежней смутѣ, доказательствомъ служилъ подвигъ Ивана Сусанина. Большія разбойничьи шайки, составленныя изъ Поляковъ и Русскихъ, скитались по разнымъ мѣстамъ; имъ была очень нерадостна вѣсть, что избранъ царь всею землею, что земля поэтому скоро успокоится и безнаказанно разбойничать, какъ прежде, будетъ нельзя. Одна изъ такихъ шаекъ рѣшилась схватить и умертвить Михаила, но не знала, гдѣ онъ живетъ; ей попался крестьянинъ Иванъ Сусанинъ изъ Костромского уѣзда, села Домнина, принадлежавшаго Романовымъ; разбойники стали пытать Сусанина страшными пытками, чтобы онъ сказалъ, гдѣ живетъ Михаилъ. Сусанинъ зналъ, что онъ въ Костромѣ, но не сказалъ и былъ замученъ до смерти.

2 мая 1613 года Михаилъ пріѣхалъ въ Москву, 11 іюля вѣнчался на царство. Россія получила настоящаго царя; но въ Астрахани засѣлъ Заруцкій съ Мариною и ея сыномъ, котораго величали царемъ Иваномъ Димитріевичемъ, а въ Польшѣ былъ королевичъ Владиславъ, который также назывался русскимъ царемъ; Шведы, владѣвшіе Новгородомъ, тоже хотѣли посадить на русскій престолъ своего королевича Филиппа. Со всѣми этими охотниками до русскаго престола надобно было воевать. Легче всѣхъ было справиться съ Заруцкимъ, потому что время самозванцевъ прошло, имъ уже не вѣрили. Заруцкій, преслѣдуемый царскимъ войскомъ, хотѣлъ было пробраться съ Волги подальше на Яикъ или Уралъ, но былъ настигнутъ и схваченъ: его и сына Марины казнили, а Марину посадили въ тюрь-

му, гдѣ она и умерла. Но разбойниковъ, которыхъ тогда называли казаками, оставалось еще много внутри государства; они опустошали тѣ мѣста, которыхъ прежде еще не успѣли опустошить. Лѣтописецъ говоритъ, что никогда народу такихъ мукъ не бывало, какъ теперь отъ казаковъ, которые, видя, что приходитъ имъ конецъ, еще больше свирѣпствовали; мало того что сами грабили, не давали собирать государственныхъ доходовъ и провозить ихъ въ Москву, такъ что въ казнѣ денегъ не было, а деньги были очень нужны, когда война со всѣхъ сторонъ. Въ 1614 году разбойники собрались въ большое войско и пошли прямо на Москву. Но слѣдомъ за нимъ шло царское войско изъ Ярославля, разбойники испугались, обошли Москву и бросились бѣжать къ югу, но царское войско настигло ихъ и побило на-голову.

Труднѣе было справиться со Шведами и Поляками, потому что эти народы были тогда искуснѣе въ ратномъ дѣлѣ, чѣмъ Русскіе. У Шведовъ тогда былъ молодой король Густавъ-Адольфъ, очень искусный на войнѣ и храбрый; онъ осадилъ Псковъ, но взять его не могъ: въ другой разъ Псковъ остановилъ врага, въ первый разъ остановилъ Баторія польскаго, а теперь Густава-Адольфа шведскаго. Чтобы не вести двухъ войнъ заразъ, съ Поляками и Шведами, со Шведами въ 1617 году заключили миръ въ селѣ Столбовѣ (между Тихвиномъ и Ладогою); Шведы отдали назадъ Новгородъ, но удержали за собою четыре русскихъ города: Иванъ-городъ, Ямы, Копорье и Орѣшекъ, которые и оставались за ними до самого Петра Великаго.

Хорошо сдѣлали, что заключили миръ со Шведами въ 1617 году, потому что въ слѣдующемъ 1618 году польскій королевичъ Владиславъ, называя себя царемъ Русскимъ, подошелъ къ Москвѣ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ созвалъ соборъ изъ духовенства и всякихъ чиновъ людей и объявилъ, что онъ рѣшился остаться въ Москвѣ и биться съ Поляками: всякихъ чиновъ люди отвѣчали: «Мы дали Богу обѣщаніе за православную вѣру и за тебя государь стоять

и съ врагами биться, не щадя головъ своихъ». Обѣщаніе было исполнено. Поляковъ отбили, когда они повели приступъ къ Москвѣ (у Арбатскихъ и Тверскихъ воротъ). Послѣ этого пошли переговоры и заключено было перемиріе въ деревнѣ Деулинѣ (недалеко отъ Троицкаго монастыря); Поляки удержали за собою Смоленскъ и Сѣверную землю, но обязались освободить пословъ—отца государя, митрополита Филарета, Голицына, Томилу Луговскаго. Князь Василій Васильевичъ Голицынъ умеръ на дорогѣ.

Отецъ государя, митрополитъ Филаретъ Никитичъ, по пріѣздѣ въ Москву, былъ поставленъ въ патріархи и оказалъ большую помощь сыну, потому что былъ человѣкъ умный, опытный, твердый, зналъ дѣло и людей. Русская земля стала оправляться отъ страшнаго разоренія смутнаго времени, разоренные города были осмотрѣны и описаны, бѣжавшіе изъ нихъ жители возвращены. Чтобы дать народу сколько-нибудь оправиться, принуждены были мириться съ Поляками и Шведами, отдать имъ русскіе города и земли, а на востокѣ, въ Сибири, въ царствованіе Михаила незамѣтно занято было пространство на 70.000 квадратныхъ миль, и государь велѣлъ смотрѣть уже по рѣкѣ Ленѣ мѣста, удобныя для пашни, и кликнуть кличъ, кто хочетъ заниматься земледѣліемъ.

ЧТЕНІЕ X.

О царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Едва-едва Россія стала оправляться въ царствованіе Михаила Ѳедоровича, какъ этотъ государь скончался въ іюлѣ 1645 года, оставивъ престолъ шестнадцатилѣтнему сыну своему, Алексѣю Михайловичу. Народъ терпѣлъ много отъ бѣдности вслѣдствіе недавняго разоренія, отъ неправаго суда воеводскаго, и такъ какъ знали, что государь, по лѣтамъ своимъ, еще не могъ входить въ дѣла какъ слѣдуетъ

и что большую силу имѣетъ дядька царскій, бояринъ Морозовъ, то въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и другихъ городахъ вспыхивали бунты противъ этого боярина. Морозовъ былъ удаленъ, и царь Алексѣй Михайловичъ въ 1648 году держалъ совѣтъ съ знатными духовными и свѣтскими людьми, какъ бы выписать нужныя постановленія изъ правилъ апостольскихъ и св. отцовъ, изъ законовъ греческихъ, собрать также указы прежнихъ русскихъ государей, справить ихъ съ старыми судебниками, а на какіе случаи прежнихъ указовъ нѣтъ написать вновь, чтобы всякихъ чиновъ людямъ отъ большого и до меньшаго чина судъ и расправа во всякихъ дѣлахъ были всѣмъ равны. За это важное дѣло принялись немедленно: велѣно было также выбрать изъ дворянъ и городскихъ жителей добрыхъ и смышленыхъ людей, которые должны были представить, въ чемъ нуждаются, отъ чего терпятъ, и такимъ образомъ составилось знаменитое Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, которое на долгое время оставалось дѣйствовать въ судахъ.

Но въ то время, какъ царь Алексѣй Михайловичъ занимался внутренними дѣлами, чтобы восточной Россіи дать больше средствъ поправиться послѣ разоренія смутнаго времени, вдругъ поднялась юго-западная Россія противъ Поляковъ и стала просить царя Алексѣя Михайловича, чтобы принялъ ее въ свое подданство. Причина была та же, почему при великомъ князѣ Іоаннѣ III русскіе князья со своими княжествами переходили отъ Литвы къ Москвѣ, причина была гоненіе отъ Поляковъ-католиковъ на православную русскую вѣру. Гоненіе усилилось особенно въ XVI вѣкѣ, когда въ Польшѣ явились особенные монахи католическіе, іезуиты: монахи эти были именно установлены для того, чтобы всѣми средствами уничтожить повсюду всѣ другія христіанскія исповѣданія и обращать всѣхъ въ католичество, подчинять всѣхъ папѣ. Іезуиты были люди ловкіе, ученые, они стали внушать королю Сигизмунду III и панамъ польскимъ, какъ опасно, что въ Польшѣ столько народу, цѣлыя большія области исповѣдуютъ свою особую

вѣру, что надобно заставить Русскихъ подчиниться папѣ, сперва сдѣлать унiю, т.-е. оставить русскимъ ихъ старые богослужебные обряды, языкъ ихъ церковный, только чтобы они признавали папу главою церкви, а потомъ и совсѣмъ окатоличить. Король и паны послушались ихъ. Iезуиты овладѣли школами, гдѣ бранили вѣру православную; то же дѣлали и въ проповѣдяхъ своихъ, писали противъ православiя цѣлыя книги; но этого мало, подучали своихъ школьниковъ нападать на русскiя церкви и дѣлать всякiя неистовства.

Русскимъ надобно было защищаться, а прежде всего надобно было подумать о наукѣ, о книгахъ и училищахъ, потому, что iезуиты брали своею ученостью, которой русскимъ духовнымъ недоставало. Поднялись знатные русскiе люди, изъ которыхъ главнымъ защитникомъ православiя явился на Волыни князь Константинъ Константиновичъ Острожскiй: онъ собиралъ, издавалъ церковныя книги, заводилъ училища и типографiи, разсылалъ по городамъ русскихъ ученыхъ и проповѣдниковъ. Другiе, менѣе знатные и богатые люди, дворяне и городскiе жители, защищали русское дѣло посредствамъ братствъ. На Руси издавна велся обычай, что прихожане по случаю храмового праздника складывались и устраивали общiй пиръ, варили общее пиво и угощались имъ вмѣстѣ, такiя общiя сходки, пиры и назывались братчинами или братствами, откуда и до сихъ поръ говорится: «съ нимъ пива не сваришь», т.-е. это такой человѣкъ, съ которымъ нельзя имѣть никакого общаго дѣла, съ другими не соглашается, не идетъ въ братчину общее пиво варить. Братства на свои сборныя деньги украшали церковь, помогали бѣднымъ. Въ западной Россiи, гдѣ русскiе люди были подъ властью чужого, иновѣрнаго правительства, гдѣ имъ нужно было думать о поддержанiи своей вѣры, братства стали очень важны; они начали превращаться въ постоянные совѣты о дѣлахъ церкви, о положенiи русскихъ людей, о средствахъ какъ помочь бѣдѣ, когда Поляки, возбужденные iезуитами, вооружились

противъ православія. Братства написали правила для себя, одобренныя восточными патріархами: братья должны были сходиться въ опредѣленное время и вносить назначенное число денегъ, выбирать старшинъ, наблюдать другъ за другомъ, чтобы всѣ вели себя хорошо, и объявлять братству, если кто сдѣлаетъ что-нибудь дурное; братья помогали другъ другу въ судѣ, ходили за больными братьями; членъ братства въ нуждѣ получалъ денежную помощь изъ казны братства. Братства основывали школы, больницы, заводили типографіи.

Но въ то время, когда вельможи и простые люди, соединенные въ братствахъ, старались поддержать русскую церковь и русскій народъ, чтобы не дать ему окатоличиться и ополячиться, три архіерея, которымъ тяжело было сносить бѣдствія гонимой церкви, задумали устроить унію, подчиниться папѣ и черезъ это стать наравнѣ съ католическими архіереями; то были митрополитъ кіевскій Михаилъ Рагоза, епископъ луцкій Кириллъ Терлецкій и епископъ владимірскій на Волыни Ипатій Потѣй. Терлецкій и Потѣй отправились въ Римъ и тамъ подчинились папѣ; но князь Острожскій съ другими православными объявилъ, что епископы поступили самовольно и должны быть низвержены. Чтобы рѣшить дѣло, созванъ былъ соборъ въ Брестѣ въ 1596 году, но соборъ кончился тѣмъ что русская церковь раздѣлилась: одни послѣдовали примѣру названныхъ архіереевъ и соединились съ римскою церковью, удержавши богослужебный языкъ и обряды, почему и стали называться уніатами, т.-е. соединенными: но другіе, и большая часть, объявили, что они уніи не хотятъ, остаются при церкви восточной, православной во всей ея чистотѣ. Чрезъ это православные русскіе попали въ новую бѣду: кромѣ католиковъ, имъ надобно было теперь бороться еще съ уніатами. Но православные не уступали, тѣмъ болѣе, что между ними стали распространяться науки. Католики писали противъ нихъ книги и православные писали книги противъ католиковъ и уніатовъ; братства дѣйствовали силь-

но; изъ школъ особенно стала знаменита кіевская братская школа.

Дворянство, горожане отбивались отъ католичества посредствомъ братствъ, посредствомъ школъ; но иначе пытались отбиваться казаки, которые жили по окраинѣ или украйнѣ западной Россіи, какъ такіе же казаки жили по окрайнѣ восточной, московской Россіи, потому что какъ восточная, такъ и западная Россія граничила со степями, откуда надобно было ждать безпрестанно нападенія Татаръ. Мы видѣли, какъ Половцы, а потомъ Татары запустошили старую, днѣпровскую Русь, княжества Кіевское, Черниговское, Переяславское, отняли у нихъ всякую силу, отъ чего эти княжества и принуждены были подчиниться Литвѣ, а съ Литвою и Польшѣ. Такъ какъ и потомъ въ этой странѣ, которая называлась Малою Россіею, Малороссіею, нельзя было жить однимъ мирнымъ земледѣльцамъ, потому что подлѣ въ степяхъ были Татары, то страна получила военное населеніе казаковъ. Казаки эти жили на своихъ земляхъ, податей не платили, но при первой надобности являлись на войну; раздѣлялись они на полки, которые назывались по городамъ, около которыхъ они жили: полкъ Кіевскій, полкъ Переяславскій, полкъ Полтавскій и т. д. Каждый полкъ управлялся полковникомъ, а все казацкое войско управлялось гетманомъ. Кромѣ этихъ казаковъ малороссійскихъ, жили еще въ самой степи казаки запорожскіе, которые назывались такъ потому, что главное мѣсто ихъ, или Сѣчь, лежала за днѣпровскими порогами: эти запорожцы составляли чистое войско, семействъ, женъ и дѣтей при себѣ не имѣли и набирались изъ самыхъ отчаянныхъ удальцовъ. Казаки скоро не поладили съ Поляками, которымъ было опасно, что у русскихъ есть такое большое свое войско. Поляки начали стѣснять казаковъ, ограничивать ихъ число, не позволять имъ имѣть своего гетмана; недовольные казаки начали подниматься противъ Поляковъ, и возстанія эти принимали иногда большіе размѣры, потому что съ казаками поднимались и крестьяне, которымъ при-

ходилось очень тяжко подъ польскимъ владычествомъ; господа или паны имѣли право казнить смертью крестьянъ, жившихъ на ихъ земляхъ, и когда отдавали эти земли Жидамъ въ аренду, то и Жиды-арендаторы получали также право казнить крестьянъ смертью. Русскимъ крестьянамъ было особенно тяжело, когда у нихъ панъ былъ Полякъ, католикъ; такой панъ отдавалъ въ своемъ селѣ русскую православную церковь за деньги Жиду; Жидъ забиралъ себѣ ключи церковные и не иначе отпиралъ церковь, какъ за деньги. Всѣ казацкія возстанія впрочемъ оканчивались неудачно, польское войско брало верхъ, и предводители, поднимавшіе казаковъ, обыкновенно подвергались жестокимъ казнямъ.

Но иначе пошлю дѣло, когда въ 1648 году поднялъ казаковъ сотникъ Богданъ Хмѣльницкій. Жестоко оскорбленный Поляками и не найдя себѣ управы, онъ убѣжалъ къ Запорожцамъ, куда бѣжали къ нему толпы недовольныхъ изъ Малороссіи. Хмѣльницкій съ этими недовольными и съ Татарами крымскими, съ которыми заключилъ союзъ, пошелъ противъ Поляковъ, нѣсколько разъ разбилъ ихъ войско и поднялъ всю Украйну, откуда Поляки, ксендзы ихъ или священники и Жиды принуждены были бѣжать, иначе были истребляемы. Но потомъ дѣла Хмѣльницкаго и казаковъ пошли хуже: Татары были плохіе союзники; они пользовались войною между христіанами для того только, чтобы грабить, а въ рѣшительныя минуты, когда надобно было биться, покидали Хмѣльницкаго, и Поляки начали брать верхъ. Тогда Хмѣльницкій сталъ присылать въ Москву упрашивать царя Алексѣя Михайловича, чтобы взялъ казаковъ и всю Малороссію подъ свою власть и защитилъ отъ Поляковъ. Это дѣло было трудное для царя: такъ, безъ войны Поляки Малороссію не отдали бы, а вести войну было еще тяжело для Россіи: и войско было неискусное, и денегъ мало. Алексѣй Михайловичъ медлилъ, раздумывалъ, послалъ просить польскаго короля Яна Казимира, чтобы пересталъ гнать православную вѣру, уничтожилъ унію и

принялъ Хмѣльницкаго въ подданство на выгодныхъ для казаковъ условіяхъ; но король не согласился. Тогда надобно было принять Хмѣльницкаго въ русское подданство, въ противномъ случаѣ онъ поддался бы турецкому султану, чтобы только не поддаваться опять Полякамъ.

Въ самомъ началѣ 1654 года Богданъ Хмѣльницкій собралъ своихъ казаковъ на совѣтъ или, какъ у нихъ называлось, на раду, въ Переяславль южный и началъ говорить имъ: «Видно нельзя намъ жить больше безъ царя, такъ выбирайте изъ четырехъ—султана турецкаго, хана крымскаго, короля польскаго и царя православнаго Великой Россіи, котораго уже шесть лѣтъ мы безпрестанно умоляемъ быть нашимъ царемъ. Султанъ турецкій бусурманъ: извѣстно; какую бѣду терпятъ отъ него наши братья, православные, крымскій ханъ тоже бусурманъ: подружившись съ нимъ, натерпѣлись мы бѣды; о притѣсненіяхъ отъ польскихъ пановъ нечего и говорить! А православный христіанскій царь восточный одного съ нами благочестія: кромѣ его царской руки мы не найдемъ лучшаго пристанища. Кто не захочетъ насъ послушать, тотъ пусть идетъ куда хочетъ, вольная дорога!» Въ отвѣтъ раздались голоса: «Хотимъ подъ царя восточнаго! лучше намъ умереть въ нашей благочестивой вѣрѣ, нежели доставаться ненавистнику Христову, поганцу!» Послѣ этого гетманъ, войско и народъ присягнули царю Алексѣю Михайловичу.

Весною того же 1654 года царь Алексѣй Михайловичъ самъ повелъ войско къ Смоленску и осенью взялъ этотъ городъ, а на слѣдующій годъ взялъ Вильну, столицу литовскую, Ковно, Гродно. Но эти успѣхи были остановлены смутою въ Малороссіи. Богданъ Хмѣльницкій умеръ въ 1657 году, и выбранный на его мѣсто гетманъ Выговскій измѣнилъ, предался Полякамъ; измѣнникъ не долго продержался на своемъ мѣстѣ; но и другіе гетманы, бывшіе послѣ Выговскаго, тоже измѣнили и тоже не долго оставались гетманами, потому что народъ на восточной сторонѣ Днѣпра не хотѣлъ слышать о Полякахъ; хотѣлъ оставаться

за русскимъ государемъ; только на западной сторонѣ Днѣпра часть казаковъ оставалась за Польшею, и у нихъ былъ особый гетманъ. Смуты въ Малороссіи дали время Полякамъ оправиться; къ тому же крымскіе Татары, боясь, чтобы Россія не взяла большой силы, помогали Полякамъ на нее. Война затянулась, а долгая война была невозможна для тогдашней Россіи: людей и денегъ было мало; съ торговыхъ людей собирали особую подать на войну, а торговля была плохая; и купцамъ было не въ силу платить. Поэтому въ 1667 году заключено было съ Поляками перемиріе въ деревнѣ Андрусовѣ, недалеко отъ Смоленска: за Россіею остался Смоленскъ, Сѣверная страна и Малороссія по восточную сторону Днѣпра, а на западной только Кіевъ.

Въ тотъ же самый годъ, когда кончилась война съ Поляками, царю Алексѣю Михайловичу дали знать, что на Дону собирается много казаковъ, хотятъ идти разбойничать на Волгу. Казаки эти были бѣглые господскіе люди и крестьяне. Начальники старыхъ донскихъ казаковъ, давно жившихъ на Дону, неохотно смотрѣли на этихъ новыхъ пришлыхъ казаковъ, которые назывались голутвенными людьми, т.-е. голью, голяками; прибѣжавши ни съ чѣмъ на Донъ, они хотѣли поскорѣе понажиться, «добыть себѣ зипуна», какъ они сами говорили, т.-е. пограбить чужихъ, а если нельзя чужихъ, то и своихъ. Эти голутвенные нашли себѣ предводителя въ донскомъ казакѣ Степанѣ Разинѣ. Сначала онъ хотѣлъ было поживиться на счетъ турецкаго города Азова, находившагося при устьѣ Дона, но старые казаки не пустили его подъ Азовъ, потому что были въ мирѣ съ Азовцами; тогда Разинъ перекинулся на Волгу, съ Волги на Яикъ или Уралъ, изъ Яика выплылъ въ Каспійское море, грабилъ всѣ суда, шедшія изъ Персіи въ Астрахань, приставалъ къ персидскимъ берегамъ, опустошалъ села, города, разбилъ персидскій флотъ. Лѣтомъ 1669 года онъ приплылъ съ большою добычею въ Астрахань и принесъ повинную государю. Алексѣй Михайловичъ

простилъ его съ условіемъ, чтобы онъ отдалъ всѣхъ плѣнныхъ, пушки, суда и спокойно возвратился на Донъ.

Разинъ отправился изъ Астрахани на Донъ и еще на дорогѣ началъ буйствовать, а когда пришелъ на Донъ, то опять стали собираться къ нему голутвенные; счастливые разбои на Каспійскомъ морѣ сдѣлали имя его славнымъ между ними; онъ прослылъ колдуномъ: шла молва, что его ни ружье, ни сабля не беретъ, и пушки по немъ не стрѣляютъ. Разинъ сталъ предводителемъ особаго большого войска и не хотѣлъ знать атамана Донскихъ казаковъ Корнила Яковлева, который былъ вѣренъ государю и не хотѣлъ пускать казаковъ на бунтъ. Въ 1670 году Разинъ съ своею шайкою опять перекинулся съ Дона на Волгу, захватилъ города: Царицынъ, Камышинъ, Астрахань; оттуда поплылъ вверхъ по Волгѣ, взялъ Саратовъ, Самару; казаки его разсѣялись по нынѣшнимъ губерніямъ: Нижегородской, Тамбовской, Пензенской, всюду поднимали бунтъ, разглашая, что у Разина находится царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ, недавно передъ тѣмъ умершій, лучшихъ людей истребляли. Разинъ осадилъ Симбирскъ, но здѣсь былъ задержанъ цѣлый мѣсяцъ, а между тѣмъ подоспѣло царское войско, Разинъ вступилъ съ нимъ въ битву, но потерпѣлъ пораженіе и бѣжалъ на Донъ. Неудача отняла у Разина всю силу: непобѣдимость страшнаго колдуна исчезла, теперь никто не шелъ къ нему, никто не заступался за него, атаманъ Корнилъ Яковлевъ схватилъ Разина и отослалъ въ Москву, гдѣ его казнили смертію.

Но въ то самое время, какъ одно царское войско укрощало бунтъ Разина на Волгѣ, другое войско осаждало Соловецкій монастырь, гдѣ засѣли бунтовщики-раскольники. Не было человѣка благочестивѣе царя Алексѣя Михайловича, и каково же ему было, когда при немъ открылась въ Россіи смута церковная, расколъ. До половины XVI вѣка книги священныя и богослужебныя были у насъ рукописныя, благочестивый человѣкъ или самъ переписывалъ, или нанималъ писца и оставлялъ переписанную книгу у себя

или жертвовалъ въ церковь. Переписчикъ ошибался, не разбиралъ, или, не разобравши, отъ себя придумывалъ слово, выраженіе, самъ дѣлалъ толкованіе: смотрѣть за этимъ, поправлять каждую рукопись было нельзя. Но вотъ въ 1563 году царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный заводитъ въ Москвѣ первую типографію; какъ же печатать книги? Великая польза отъ типографіи была та, что церковное начальство могло теперь взять изданіе книгъ подъ свой надзоръ, смотрѣть, чтобъ въ нихъ все было правильно; нужно было собрать рукописи, выбрать изъ нихъ лучшую, самую правильную; но и въ хорошей рукописи могутъ быть ошибки, перемѣны, надобно справиться съ другими рукописями, какъ въ нихъ написано это слово, особенно какъ оно написано въ древнѣйшихъ рукописяхъ; если и тутъ недоразумѣніе, и если древнѣйшія рукописи разнятся, надобно обратиться къ подлиннику; такъ какъ наши книги переведены съ греческаго языка, то надобно справиться, какое слово въ греческомъ подлинникѣ и перевесть его ближе, точнѣе. Но какъ было это дѣлать у насъ въ XVI и XVII вѣкахъ, когда не было училищъ, не было ученыхъ людей, которые бы и свой языкъ древній и новый знали хорошо, да и по-гречески бы хорошо знали? Стали исправлять какъ умѣли: иные исправители, по невѣжеству, еще больше испортили; другимъ удалось поправить, выкинуть, напримѣръ, лишнее; а невѣжды кричатъ: зачѣмъ это выкинуто, слово важное! зачѣмъ такую ересь затѣвать, выкидывать слова изъ церковныхъ книгъ! Такъ былъ обвиненъ въ ереси и подвергся гоненію знаменитый Діонисій, архимандритъ Троицкаго Сергіева монастыря. А между тѣмъ Греки, пріѣхавшіе въ Москву, говорили царю и патріарху, что въ русскомъ богослуженіи они замѣчаютъ отступленіе отъ богослуженія восточной церкви. Какъ тутъ быть? своихъ ученыхъ нѣтъ; надобно призвать изъ-за границы ученыхъ, чтобы исправили, какъ слѣдуетъ, книги и уничтожили разницу въ богослуженіи. Но эти заграничные ученые прежде всего, разумѣется, должны быть православные. Такими могли быть Греки и

также малороссійскіе духовные: мы видѣли, что въ Малороссіи уже были училища и потому между малороссійскими духовными были люди ученые. Царь Алексѣй Михайловичъ велѣлъ вызвать изъ Кіева ученыхъ монаховъ да грековъ и далъ имъ исправлять книги. Этимъ обидѣлись прежніе московскіе исправители, которые до сихъ поръ считались людьми знающими, искусными, а теперь на ихъ мѣсто призвали изъ-за границы другихъ исправителей, которые говорятъ, что прежніе исправители дѣлали дѣло не такъ, ошибались по невѣжеству. Чтобы защитить себя, поддержать свое достоинство, старые исправители начали толковать, что новымъ исправителямъ вѣрить нельзя. Греки живутъ подъ турецкимъ игомъ, а Малороссіяне подъ польскимъ, тамъ у нихъ унія. Слышались такія рѣчи отъ людей, которые слыли знатоками дѣла, и вотъ между простыми людьми началось волненіе: какъ это священныя книги перемѣняютъ, пишутъ, печатаютъ самое святое имя по-новому, Іисусъ вмѣсто Исусъ, велятъ креститься не такъ, тремя пальцами вмѣсто двухъ! Раздались вопли: до чего мы дожили, послѣднія времена пришли, вѣру православную перемѣняютъ, антихристъ народился! по старымъ книгамъ святые отцы молились и спаслись; а теперь по этимъ старымъ книгамъ не велятъ молиться, раздаютъ новыя: значитъ, царь, патріархъ и все духовенство, которое приняло новыя книги, измѣнили древнему благочестію, православной вѣрѣ, впали въ ересь; не надобно ихъ слушать, ходить въ ихъ церковь, сообщаться съ ними! Многіе простые люди дѣйствительно повѣрили, что старое благочестіе, православіе гибнетъ отъ исправленныхъ книгъ и рѣшили, что надобно стоять за старыя книги и за старый крестъ во что бы то ни стало. Раскольники засѣли въ Соловецкомъ монастырѣ и выдержали въ немъ долгую осаду; царское войско должно было брать его приступомъ.

Исправленіе книгъ, противъ котораго возстали раскольники, было рѣшено на соборѣ 1654 года. Соборъ этотъ созвалъ патріархъ Никонъ; онъ же привелъ въ исполненіе

рѣшеніе собора и строго поступалъ съ людьми, которые возмущали народъ, крича о гибели древняго благочестія отъ исправленія книгъ. Поэтому раскольники такъ и ненавидятъ Никона, приписывая ему все дѣло, тогда какъ онъ только исполнилъ рѣшеніе собора. Сначала царь Алексѣй Михайловичъ очень любилъ и уважалъ Никона, который былъ человѣкъ умный, дѣятельный, распорядительный, большой начетчикъ въ св. писаніи и, по - тогдашнему, краснорѣчивый. Царь, который былъ очень благочестивъ, поступалъ во всемъ по совѣту патріарха. Никонъ, будучи отъ природы властолюбивъ, воспользовался этимъ расположеніемъ къ себѣ царя и пріобрѣлъ себѣ большую власть и въ свѣтскихъ дѣлахъ, чѣмъ возбудилъ противъ себя вражду вельможъ, которымъ тяжело было ему подчиняться, и тѣмъ болѣе тяжело, что у Никона былъ раздражительный и жесткій характеръ, вовсе несогласный съ званіемъ патріарха; всѣ, имѣвшіе дѣло съ Никономъ, встрѣчали въ немъ не кроткаго пастыря церкви, не отца, а строгаго господина, скораго на гнѣвъ и гнѣвъ неумѣренный. Съ теченіемъ времени и самъ царь Алексѣй Михайловичъ увидалъ, что Никонъ заходитъ слишкомъ далеко, и самому царю сталъ онъ тяжелъ: выходило, что въ Россіи два царя, и часто не знали, котораго изъ нихъ больше слушаться. Царь Алексѣй Михайловичъ по своему мягкому характеру никакъ не могъ прямо объясниться съ Никономъ, твердо сказать ему, чтобы онъ перемѣнилъ свое поведеніе, не забиралъ себѣ лишней власти. Алексѣй Михайловичъ, которому тяжело стало при Никонѣ, началъ отъ него удаляться, избѣгать свиданія. Никонъ, замѣтивъ это удаленіе царя, разсердился и въ Успенскомъ соборѣ, послѣ обѣдни, торжественно при всемъ народѣ объявилъ, что оставляетъ Москву, и уѣхалъ въ Воскресенскій монастырь, который самъ отстраивалъ и назвалъ Новымъ Іерусалимомъ.

Это было въ 1658 году, и послѣ того семь лѣтъ церковь русская оставалась безъ патріарха. Никонъ не отказывался отъ патріаршества и не возвращался въ Москву,

а между тѣмъ своимъ поведеніемъ все больше и больше раздражалъ противъ себя царя и вельможъ и такимъ образомъ дѣлалъ примиреніе невозможнымъ. Царь Алексѣй Михайловичъ, по благочестію своему, никакъ не хотѣлъ рѣшить дѣло самъ и вызвалъ въ Москву двоихъ восточныхъ патріарховъ: александрійскаго и антіохійскаго. Патріархи пріѣхали въ 1666 году и на соборѣ приговорили снять съ Никона архіерейскій санъ и сослать въ монастырь какъ простого монаха за самовольное оставленіе патріаршества, за самовольныя безъ собора низверженія духовныхъ лицъ, проклятія, жестокія наказанія, которымъ онъ подвергалъ подчиненныхъ, и другія недостойныя дѣла. Никона сослали въ Бѣлозерскую Ѳерапонтову пустынь.

Всѣ эти непріятности—долгая и тяжелая война съ Поляками, кончившаяся не такъ, какъ бы хотѣлось, волненія въ Малороссіи, бунтъ Разина, расколъ, Никоново дѣло—разстроили здоровье царя Алексѣя Михайловича, и онъ умеръ на сорокъ седьмомъ году отъ рожденія, въ 1677 году. Послѣ него остались отъ первой жены, Марьи Ильиничны Милославской, двое сыновей, Ѳедоръ и Иванъ, да пять дочерей; отъ второй жены, Натальи Кирилловны Нарышкиной, сынъ Петръ, родившійся 30 мая 1672 года, и двѣ дочери.

ЧТЕНІЕ XI.

О царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ и о первыхъ годахъ царствованія Петра Алексѣевича.

Мы видѣли, что дѣти царя Алексѣя Михайловича были отъ разныхъ матерей. Дѣти отъ первой жены Милославской не любили мачехи, Натальи Кирилловны, не любили всей ея родни, Нарышкиныхъ. Но кромѣ Нарышкиныхъ, отца и братьевъ царицы, близкимъ къ ней человѣкомъ былъ бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Этотъ Матвѣевъ, человѣкъ очень умный, по тогдашнему ученый, на-

читанный, былъ любимцемъ царя Алексѣя Михайловича; Наталья Кирилловна Нарышкина, какъ бѣдная дѣвушка, воспитывалась въ домѣ Матвѣева и послѣ женитьбы на ней царя сила Матвѣева, какъ воспитателя, благодѣтеля молодой царицы, стала еще больше при дворѣ. Но когда умеръ царь Алексѣй Михайловичъ и взошелъ на престолъ царь Θеодоръ Алексѣевичъ, то Матвѣеву нечего было ждать добра; его тотчасъ же сослали безъ суда подъ самыми нелѣпыми предлогами. Царица Наталья съ маленькими дѣтьми должна была жить въ удаленіи отъ двора.

Царь Θеодоръ Алексѣевичъ былъ чрезвычайно болѣзненный молодой человѣкъ и процарствовалъ только шесть лѣтъ. Но и при немъ были сдѣланы два важныя дѣла. Какъ прежнихъ царей, такъ и царя Θеодора Алексѣевича очень безпокоило дурное состояніе русскаго войска, которому особенно вредило м ѣ с т н и ч е с т в о. Въ древней Россіи была очень крѣпка связь между родственниками, даже самыми дальними. Старшіе родственники наблюдали за поведеніемъ младшихъ, имѣли право наказывать ихъ за дурное поведеніе, хотя бы эти младшіе были не молоды и давно на службѣ. Если наказанія не помогали, то старшіе родственники обращались къ государю, что вотъ они употребили съ своей стороны всѣ средства для исправленія младшаго, но ничего съ нимъ сдѣлать нельзя, и потому, какъ государю угодно, только бы на нихъ не гнѣвался, потому что они все сдѣлали, что могли: значитъ, государь взыскивалъ на старшихъ родственникахъ, если младшіе вели себя дурно. Постигала кого-нибудь бѣда, напримѣръ, денежное взысканіе, всѣ родственники обязаны были складываться и платить за него, чтобъ не положить укора на цѣлый родъ. Возвышался на службѣ одинъ изъ родственниковъ, поднимался съ нимъ вмѣстѣ цѣлый родъ; понижался одинъ человѣкъ, понижался съ нимъ вмѣстѣ и цѣлый родъ. Поэтому, когда при каждомъ новомъ походѣ собирали помѣщиковъ, и дѣлались назначенія по службѣ, одного назначали на высшее мѣсто, другого на низшее, тотъ, кого назначали на

низшее мѣсто, справлялся, бывали ли его предки или живые родственники на такихъ мѣстахъ, не былъ ли кто изъ предковъ или родственниковъ человѣка, назначеннаго на высшее мѣсто, ниже или наравнѣ съ кѣмъ-нибудь изъ его предковъ или родственниковъ. Справлялся онъ въ книгахъ, которыя назывались Разрядными и въ которыхъ были записаны всѣ назначенія на службу, кто какое мѣсто получалъ. Если по разряднымъ книгамъ оказывалось, что такой случай бывалъ, то онъ подавалъ просьбу, что ему нельзя занимать назначенное мѣсто, потому что никто изъ его предковъ или родственниковъ не былъ ниже предковъ или родственниковъ того, кто теперь назначенъ на высшее мѣсто. Тутъ никакія приказанія и наказанія не помогали: человѣкъ не шелъ на службу, потому что боялся больше всего своимъ пониженіемъ понизить цѣлый свой родъ, всѣхъ своихъ родственниковъ, отъ которыхъ ему житья бы тогда не было; послѣ, при новыхъ назначеніяхъ на службу родственники того, кому уступлено было высшее мѣсто, стали бы говорить имъ: вы ниже насъ; вашъ родственникъ тогда-то занималъ низшее мѣсто предъ нашимъ родственникомъ. Такой разборъ родствомъ и прежними назначеніями на службу называли мѣстничествомъ. Мѣстничались воеводы по полкамъ, по городамъ, мѣстничались царедворцы въ придворныхъ церемоніяхъ, напримѣръ: приглашаются знатные люди къ государю на обѣдъ; помолились, государь садится за столъ, и вдругъ кто-нибудь изъ приглашенныхъ обращается къ нему съ просьбою, что ему нельзя сидѣть ниже такого-то; другіе говорятъ ему, что можно, государь сердится,—а тотъ стоитъ, не садится за столъ; его начинаютъ сажать насильно, не садится, спустится подъ столъ, а не сядетъ. Женщины мѣстничались за столомъ у царицы. Но понятно, что вреднѣе всего было мѣстничество военной службы: непріятель на границахъ, нужно выступать скорѣе въ походъ, сдѣланы назначенія, кому быть въ какихъ полкахъ воеводами, а тутъ со всѣхъ сторонъ просьбы: «мнѣ нельзя быть вмѣстѣ съ такимъ-то, мнѣ нельзя быть вмѣстѣ

съ такимъ-то». Нужно разбирать, справедливы ли просьбы, и когда окажется, что справедливы, то надобно все перемѣнять, дѣлать новыя назначенія; на способности нельзя было тутъ смотрѣть, лишь бы подобрать воеводъ такъ, чтобы выступили въ походъ безъ отговорокъ.

Разумѣется, давно уже, какъ только начали сравнивать русское войско съ иностраннымъ и замѣтили превосходство послѣдняго, увидали невыгоду мѣстничества; но старый обычай, коренившійся на родствѣ, на родовой чести, нельзя было скоро вывести. Только въ концѣ XVII вѣка начали сильно думать, какъ бы раздѣлаться съ мѣстничествомъ, отъ котораго только однѣ бѣды. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ поручилъ заняться устройствомъ войска князю Василію Васильевичу Голицыну съ выборными людьми изъ военныхъ чиновъ, и между ними было рѣшено, что необходимо уничтожить мѣстничество, чтобы всякій отъ великаго до малаго чина былъ безпрекословно на томъ мѣстѣ, которое ему государь укажетъ. 12 января 1682 года государь созвалъ соборъ изъ знатнаго духовенства и свѣтскихъ вельможъ и спросилъ, отмѣнить ли мѣстничество или оставить его попрежнему. Патріархъ Іоакимъ отвѣчалъ, что мѣстничество есть источникъ всякаго зла; свѣтскіе вельможи объявили, что согласны съ патріархомъ; тогда государь велѣлъ принести разрядныя книги и сжечь ихъ, а вмѣсто разрядныхъ книгъ написать родословныя, куда внести фамиліи, смотря по ихъ знатности.

Другимъ важнымъ рѣшеніемъ при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ было рѣшеніе устроить въ Москвѣ академію. Затрудненія, которыя встрѣтились при исправленіи церковныхъ книгъ, расколъ, который былъ начатъ духовными лицами, показали ясно, какія бѣды могутъ происходить отъ необразованности духовенства. Съ другой стороны, свѣтскіе люди все больше и больше понимали, какъ нужно образованіе. Царь Алексѣй Михайловичъ для воспитанія дѣтей своихъ вызвалъ изъ Бѣлоруссіи ученаго монаха Симеона Полоцкаго: вельможи стали также вызывать къ сво-

имъ дѣтямъ учителей изъ Западной Россіи; но эти учителя были подозрительны, настоящіе ли они православные, не уніяты ли, не лютеране ли, а притворяются только православными; и потомъ какъ было узнать, хорошіе ли они учителя. Все это заставило царя Ѳеодора Алексѣевича основать академію, для которой помѣщеніе было отведено въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Государь написалъ къ патріархамъ восточнымъ, чтобы прислали въ Москву учителей искусныхъ въ латинскомъ и греческомъ языкахъ и въ наукахъ, особенно же твердыхъ въ православіи. Начальникъ академіи и учителя могли быть только Русскіе или Греки, и Греки допускались только такіе, у которыхъ были отъ патріарховъ свидѣтельства въ православіи. Учиться въ академіи могли люди всѣхъ сословій, а держать домашнихъ учителей было запрещено.

Въ апрѣлѣ 1682 года скончался царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ бездѣтнымъ. Слѣдующій за нимъ братъ, царевичъ Іоаннъ Алексѣевичъ, былъ не только слабъ здоровьемъ, но и умственно неспособенъ къ правленію; и потому патріархъ Іоакимъ и вельможи провозгласили царемъ десятилѣтняго Петра Алексѣевича, крѣпкаго тѣломъ и показывавшаго большія способности. Но каково же было теперь царевнамъ, которыя имѣли при братѣ Ѳеодорѣ большую силу, особенно самая способная и живая изъ нихъ, царевна Софья Алексѣевна? Каково было ихъ родственникамъ Милославскимъ и приверженцамъ ихъ? Они воспользовались своею силою, оскорбили мачеху, царицу Наталью Кирилловну, удалили ее отъ двора, сослали ея благодѣтеля Матвѣева; а теперь сынъ мачехи провозглашенъ царемъ, за малолѣтствомъ его мачеха будетъ правительницею; за Матвѣевымъ уже послали возвратить его изъ ссылки въ Москву. Царевнамъ, ихъ роднѣ и приверженцамъ нечего было ждать добра. Тогда царевна Софья стала придумывать, какъ бы избыть бѣды, поправить свое дѣло, и придумала. Братъ ихъ отъ одной матери, царевичъ Іоаннъ, былъ обойденъ, несмотря на то, что былъ старшій: такъ надобно сдѣлать, что-

бы его возвести на престолъ, хотя бы вмѣстѣ съ Петромъ, котораго уже свергнуть нельзя, потому что ему присягнула вся Россія, нужды нѣтъ, что царевичъ Іоаннъ боленъ и неспособенъ, вмѣсто него будетъ управлять царевна Софья, а мачеху, царицу Наталью, нужно удалить отъ правленія, также ея родныхъ Нарышкиныхъ, а главное умнаго Матвѣева. Къ несчастью Софья и ея приверженцы могли исполнить свой планъ: въ это самое время волновались стрѣльцы.

Стрѣльцами называлось постоянное войско, заведенное царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ; но стрѣльцы тѣмъ отличались отъ нынѣшняго обыкновеннаго постояннаго войска, что жили съ семействами въ своихъ домахъ особыми слободами и въ мирное время, отслуживши назначенный срокъ, сходивши на караулъ, все свободное время занимались торговлею и другими промыслами. Пользуясь слабостью новаго правительства при царѣ малолѣтнемъ, стрѣльцы позволяли себѣ волненія, своевольства. Они знали, что эти своевольства не останутся безнаказанными, какъ скоро правительство укрѣпится, какъ скоро пріѣдетъ изъ ссылки бояринъ Матвѣевъ, который своимъ умомъ и опытностью будетъ помогать царицѣ Натальѣ въ правленіи. И вотъ, въ то самое время, когда стрѣльцы боялись наказанія за свое буйство, изъ дворца имъ даютъ знать, что они могутъ не только избѣжать наказанія, но еще получить большія награды, потому что могутъ оказать царскому семейству важную услугу: бояре и родственники царицы Натальи, Нарышкины, незаконно удалили отъ престола старшаго царевича Іоанна Алексѣевича и сдѣлали царемъ младшаго Петра: да мало того, что отняли у царевича Іоанна престолъ, умышляютъ отнять у него и жизнь, если стрѣльцы не вступятся и не истребятъ измѣнниковъ-бояръ, начиная съ Матвѣева и Нарышкиныхъ. Когда стрѣльцы были такимъ образомъ приготовлены, 15 мая 1682 года люди, подосланные царевною Софьею, проскакали по стрѣлецкимъ полкамъ съ вѣстью, что Нарышкины задушили царевича Іоанна. Стрѣльцы взволновались, ударили въ на-

батъ, забили въ барабаны и двинулись въ Кремль, крича, что идутъ выводить измѣнниковъ и губителей царскаго дома. Несмотря на то, что имъ показали царевича Іоанна живого и невредимаго, они умертвили звѣрскимъ образомъ Матвѣева, незадолго предъ тѣмъ пріѣхавшаго въ Москву, Нарышкиныхъ и другихъ указанныхъ имъ бояръ, и не прежде успокоились, какъ вытребовали, чтобы царевичъ Іоаннъ былъ царемъ вмѣстѣ съ Петромъ и чтобы за молодостью братьевъ правительницею была царевна Софья Алексѣевна.

Софья, сестры ея и родные ихъ Милославскіе достигли своей цѣли; но долго ли они будутъ пользоваться своимъ дурнымъ дѣломъ? На время царица Наталья удалена отъ правленія, живетъ она въ горѣ и слезахъ, лишенная отца, Матвѣева; но сынъ ея царь, онъ растетъ; Софья и всѣ ея приверженцы со страхомъ смотрѣли на молодого Петра, слѣдили внимательно, какъ онъ ведетъ себя, что дѣлаетъ. Что же онъ дѣлаетъ, какъ воспитывается? У старшихъ братьевъ его былъ учитель, монахъ Симеонъ Полоцкій, который училъ ихъ иностраннымъ языкамъ и разнымъ наукамъ; но Петръ остался послѣ отца менѣе четырехъ лѣтъ, и ни при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, ни въ правленіе царевны Софьи о воспитаніи Петра не заботились, хорошаго, ученаго наставника ему не пріискивали, а у царицы Натальи, въ ея печальномъ положеніи не было для этого никакихъ средствъ. Петра выучили читать и писать по-русски и этимъ покончили. А между тѣмъ ребенокъ былъ одаренъ способностями необыкновенными и необыкновенною страстью къ познаніямъ; ни одинъ предметъ не ускользалъ отъ его вниманія, онъ хотѣлъ непремѣнно узнать и узнать точно и подробно, что это, для чего употребляется, какъ сдѣлано; но и этого мало, хотѣлъ непремѣнно самъ сдѣлать. И подлѣ такого-то ребенка нѣтъ ни одного человѣка, ни одного наставника, который бы могъ его занять, удовлетворить его любопытству, разсказать, объяснить. Кромѣ силы духовной, силы разума, ребенокъ былъ необыкновенно крѣпокъ и си-

ленъ тѣломъ, не могъ выносить покоя, бездѣйствія, ему непремѣнно нужно было что-нибудь да дѣлать, и дѣлалъ онъ все съ необыкновенною быстротою. И въ лѣтахъ зрѣлыхъ онъ ходилъ такъ скоро, что другимъ казалось, будто онъ не ходитъ, а постоянно бѣгаетъ, такъ что всѣ другіе съ трудомъ могли поспѣвать за нимъ. Такой живой, огненный ребенокъ не могъ сидѣть дома; ему нужны были игры, въ которыхъ было бы много шуму и движенія, въ которыхъ бы участвовало много народа и которыя требовали ловкости и смысла. Поэтому Петръ любилъ играть въ военныя игры, окружилъ себя бойкими, ловкими и смышлеными людьми, изъ придворныхъ конюховъ составилъ себѣ потѣшное войско, изъ котораго потомъ вышло настоящее образцовое войско, первые гвардейскіе полки. Эти полки своими именами, Преображенскій, Семеновскій, указываютъ на тѣ московскія мѣста, бывшія тогда подгородными селами, гдѣ Петръ живалъ и любилъ играть со своими потѣшными въ военныя игры.

Но однѣ игры не могли удовлетворять Петра; ему хотѣлось учиться. Жадно прислушивался онъ къ рѣчамъ человѣка, который разсказывалъ о какомъ-нибудь любопытномъ предметѣ. Однажды онъ услыхалъ объ инструментѣ, который называется астролябіею и употребляется при снятіи плановъ, и захотѣлъ непремѣнно имѣть этотъ инструментъ. Астролябію купили за границей и привезли ему; но что онъ съ нею будетъ дѣлать? не умѣетъ какъ взяться, а спросить не у кого, никто изъ Русскихъ не знаетъ. Не знаетъ ли кто изъ иностранцевъ? Самый близкій человѣкъ изъ иностранцевъ, котораго прежде всего русскіе цари стали выписывать къ себѣ изъ-за границы, это лѣкарь, дохтуръ, какъ тогда говорили. Не знаетъ ли дохтуръ, какъ употреблять астролябію. Дохтуръ говоритъ, что самъ не знаетъ, а сыщетъ человѣка знающаго, и приводитъ Голландца Тиммермана Тиммерманъ показываетъ, какъ употреблять астролябію, четырнадцатилѣтній Петръ выпытываетъ у него, не знаетъ ли что-нибудь еще, нельзя ли у него по-

учиться. Оказывается, что можно выучиться у Голландца геометріи и фортификаціи, и Петръ начинаетъ учиться этимъ наукамъ, Тиммерманъ при немъ безпрестанно. Петръ водитъ его всюду съ собою. Въ селѣ Измайловѣ, въ сараѣ, гдѣ лежали старыя вещи, Петръ находитъ большую лодку особой постройки; сейчасъ съ запросомъ къ Тиммерману, что это за судно? Тиммерманъ отвѣчалъ, что это англійскій ботъ. «Чѣмъ лучше нашихъ судовъ?» спрашиваетъ опять Петръ. «Ходитъ на парусахъ по вѣтру и противъ вѣтра», отвѣчаетъ Тиммерманъ. Противъ вѣтра! быть не можетъ! надобно посмотрѣть: нѣтъ ли человѣка, который бы починилъ ботъ и показалъ его ходъ? Тиммерманъ этого сдѣлать не умѣетъ; но онъ приводитъ своего земляка, Голландца Бранта. Ботъ спущенъ на Яузу; Петръ въ изумленіи и восторгѣ. Но рѣка узка; ботъ перетаскиваютъ въ Измайловскій прудъ, но и тутъ тѣсно. Петръ началъ провѣдывать, гдѣ побольше воды: ему отвѣчали, что ближе нѣтъ Переяславскаго озера, въ 120 верстахъ отъ Москвы. Петръ отправляется въ Переяславль и на его озерѣ заводитъ новую потѣху; ѣдутъ туда голландскіе мастера: начинается постройка судовъ, самъ Петръ первый работникъ.

Въ такихъ занятіяхъ Петръ достигъ семнадцати лѣтъ. Правительница царевна Софья и близкіе къ ней люди начали сильно призадумываться и толковать, какъ быть. Царь Петръ выросъ, онъ здоровъ, силенъ тѣломъ и умомъ, не знаетъ устали въ работѣ; пока онъ занимался потѣхами военными, строеніемъ судовъ, но не нынче, завтра потѣхи прекратятся, и Петръ спроситъ сестру, по какому праву она правительствуетъ, и отниметъ у нея власть незаконную. Особенно пугало Софью и ея приверженцевъ то, что у Петра было свое войско, эти потѣшные все народъ храбрый и ловкій, готовый за Петра въ огонь и воду. Противъ этихъ потѣшныхъ Софья видѣла для себя одну защиту—въ стрѣльцахъ; она ласкала стрѣльцовъ, пугала, что потѣшные замышляютъ недоброе противъ нихъ и противъ царскаго дома. 7 августа 1689 года распущенъ былъ слухъ,

что ночью придутъ потѣшные изъ села Преображенскаго, гдѣ жилъ Петръ, и побьютъ царя Ивана Алексѣевича и всѣхъ его сестеръ; на этомъ основанiи собираютъ въ Кремль стрѣльцовъ съ заряженными ружьями. Это возбуждаетъ подозрѣнiе, что Софья хочетъ поднять опять стрѣлецкiй бунтъ противъ Петра, тѣмъ болѣе, что главные приверженцы ея и прежде проговаривались, что надо истребить царицу Наталью и сына ея. Восемь вѣрныхъ стрѣльцовъ, не ожидая ничего добраго отъ этого ночного сбора товарищей своихъ въ Кремль, рѣшились предупредить Петра, и двое изъ нихъ поскакали въ Преображенское. Петръ уже спалъ, когда прiѣхали стрѣльцы и другiе люди изъ Москвы съ извѣстiемъ, что множество стрѣльцовъ въ Кремлѣ и хотятъ идти бунтомъ въ Преображенское. Петра разбудили и разсказали ему, въ чемъ дѣло. Тогда онъ, не медля ни минуты, поскакалъ въ Троицкiй Сергiевъ монастырь, а вслѣдъ за нимъ отправились туда же его родные, вельможи, потѣшные и стрѣлецкiй Сухаревъ полкъ. Чрезъ нѣсколько дней Петръ прислалъ въ Москву схватить соумышленниковъ Софьи, изъ которыхъ главнымъ былъ начальникъ стрѣльцовъ, Шакловитый. Софья начала уговаривать стрѣльцовъ и народъ заступиться за нее и за близкихъ къ ней людей, не выдавать ихъ Петру; но стрѣльцы и народъ не двинулись въ пользу Софьи, и наконецъ сами стрѣльцы заставили выдать Шакловитаго, который былъ казненъ у Троицы вмѣстѣ съ соумышленниками своими. Чего Софья больше всего боялась, то исполнилось: она перестала быть правительницею и должна была заключиться въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Царь Iоаннъ Алексѣевичъ скоро послѣ того умеръ.

Семнадцатилѣтнiй Петръ продолжалъ свои прежнiя занятiя. Переяславское озеро стало для него тѣсно; онъ съѣздилъ на Кубенское озеро (въ нынѣшней Вологодской губернiи), но нашелъ его мелкимъ и отправился въ Архангельскъ, поплавалъ по Бѣлому морю, полюбовался на иностранные корабли и заложилъ свой русскiй. Мы видѣли,

какъ онъ нашелъ себѣ учителя между иностранцами, какъ между ними же нашелъ корабельныхъ мастеровъ. Иностранцевъ, какъ мы знаемъ, стали вызывать въ Москву еще съ Іоанна III; но особенно много ихъ стало въ ней жить съ царствованія Михаила Ѳеодоровича, потому что неудачныя войны съ Поляками и Шведами показали, какъ неискусно было русское войско, и потому стали нанимать иностранное войско, которое и жило подлѣ Москвы въ особой слободѣ—Нѣмецкой; тутъ же жили и ремесленники-иностранцы. Петръ, ища людей, отъ которыхъ можно было что-нибудь узнать, познакомился съ этими иностранцами, сталъ къ нимъ часто ѣздить въ Нѣмецкую слободу: все это были люди изъ разныхъ странъ Европы, люди бывалые, много странствовавшіе, много видавшіе на своемъ вѣку, много испытавшіе разныхъ приключеній; много любопытнаго могли они разсказать молодому Петру о томъ, какъ что дѣлается въ чужихъ странахъ, въ западной Европѣ, какія тамъ чудеса надѣланы наукою, искусствомъ. Понятно, какъ весело было Петру слушать эти разсказы, изъ которыхъ онъ узнавалъ такъ много новаго. Особенно понравился ему между жителями Нѣмецкой слободы одинъ офицеръ, Лефортъ, родомъ Швейцарецъ изъ Женевы, человѣкъ очень умный, живой, веселый, душа общества. Скоро Лефортъ сдѣлался неразлучнымъ спутникомъ, другомъ Петра.

Но время ученья и время потѣхъ на сухомъ пути и на водѣ подъ Москвою и въ Архангельскѣ проходило. Наступило время заняться настоящимъ дѣломъ. Въ то время, когда Петру было еще только 14 лѣтъ и государствомъ управляла царевна Софья, начата была война съ Турціею въ союзѣ съ Польшею, Австріею и Венеціею. Въ правленіе Софьи русское войско два раза ходило на Крымъ и оба раза неудачно, потому что надобно было идти безводными степями, притомъ же Татары выжигали степь, лошади падали отъ усталости и безкормицы, люди ослабѣвали отъ зноя и копоти, поднимавшейся вслѣдствіе травяного пожара, и послѣ этихъ неудачныхъ походовъ долго не было ника-

кихъ значительныхъ дѣйствій съ русской стороны противъ Турокъ. Въ 1695 году Петръ самъ пошелъ въ походъ подъ турецкую крѣпость Азовъ, находившуюся при устьѣ рѣки Дона. Царь плылъ изъ Москвы рѣкою Москвою, Окою и Волгою до Царицына, отсюда сухимъ путемъ до Дона и Дономъ внизъ къ Азову. Послѣ Петръ считалъ свою военную службу съ этого похода подъ Азовъ, потому что при осадѣ города онъ отправлялъ должность бомбардира, самъ чинилъ гранаты и бомбы, самъ стрѣлялъ. Но Азовъ не былъ взятъ по недостатку флота и опытныхъ мастеровъ. Петръ возвратился въ Москву; но неудачи, которыя приводятъ въ отчаяніе людей слабыхъ, только возбуждаютъ къ большей дѣятельности людей сильныхъ духомъ, людей великихъ. Всю зиму въ Москвѣ, въ Воронежѣ строятъ суда, и къ веснѣ 1699 г. они готовы; Петръ опять плыветъ подъ Азовъ и беретъ его.

«По приказу Божію къ праотцу Адаму, мы въ потѣ лица ѣдимъ хлѣбъ свой», писалъ Петръ изъ Воронежа во время приготовленія ко второму Азовскому походу, и писалъ правду: никто больше его не трудился. Послѣ неудачи Петръ не отчаявался, но увеличивалъ трудъ для того, чтобы какъ можно скорѣе поправиться; послѣ удачи не отдыхалъ, не складывалъ рукъ, но такъ же усиленно работалъ, чтобы воспользоваться плодами успѣха. «Надобно трудиться и все заранѣе изготовлять, потому что пропущеніе благопріятнаго времени смерти невозвратной подобно», говаривалъ онъ. Такъ и послѣ взятія Азова у него идутъ совѣщанія съ боярами: «Нельзя, говорилъ онъ, довольствоваться тѣмъ, что Азовъ взятъ; надобно его укрѣпить, устроить; надобно теперь воевать моремъ, и для этого нуженъ флотъ. Прошу порадѣть отъ всего сердца для защиты единовѣрныхъ и для своей безсмертной памяти. Время благопріятное, счастіе между насъ бѣжитъ, никогда оно такъ близко къ намъ не бывало, блаженъ, кто схватитъ его за волосы». Государство бѣдное, въ казнѣ денегъ очень мало; надобно, чтобы всѣ богатые люди подняли необходимую тягость построенія

флота. Патріархъ, архіереи, монастыри и всѣ землевладѣльцы ставятъ по кораблю съ извѣстнаго числа крестьянскихъ дворовъ; купцы должны поставить 12 кораблей. Кромѣ русскихъ плотниковъ, строители должны содержать на свой счетъ мастеровъ и плотниковъ иностранныхъ, кузнецовъ, лѣкарей и другихъ необходимыхъ людей.

Чѣмъ больше новаго необходимаго дѣла, тѣмъ больше нужды въ иностранцахъ, которыхъ надобно вызывать толпами. Долго ли же такъ будетъ? Долго ли смотрѣть изъ рукъ у иностранцевъ? Русскіе люди способны, понятливы, могутъ всему выучиться. Такъ надобно, чтобы они поскорѣе выучились и какъ можно лучше выучились. Но для этого прежде всего нужны самые лучшіе учителя; а гдѣ ихъ взять? Иностранныя государства ихъ не дадутъ, имъ самимъ они нужны. Надобно слѣдовательно послать русскихъ людей учиться за границу, и 50 человѣкъ отправлены царемъ въ Венецію, Англію, Голландію. Но какъ они тамъ будутъ учиться, у кого? Какъ потомъ узнать, хорошо ли они выучились, всѣмъ ли воспользовались и къ чему особенно способны. Надобно, чтобы кто-нибудь изъ русскихъ прежде ихъ выучился за границею, все узналъ; но кто же будетъ этотъ первый русскій ученикъ? Кто съ малолѣтства строилъ суда на Переяславскомъ озерѣ? Кто проходилъ службу съ нижнихъ чиновъ, кто во флотѣ былъ шкиперомъ, а въ сухопутномъ войскѣ бомбардиромъ? Кто не зналъ устали? Кто подписывался въ письмахъ къ матери: «сынъ твой, въ работѣ пребывающій?» Кто писалъ изъ Воронежа, что по заповѣди Божіей въ потѣ лица ѣстъ хлѣбъ свой, тотъ будетъ и первымъ русскимъ ученикомъ за границею,—все тотъ же царь Петръ.

Въ 1697 году по Европѣ разносятся странныя вѣсти: при разныхъ дворахъ является русское посольство, при которомъ находится удивительный молодой человѣкъ; зовутъ его Петръ Михайловъ; онъ часто ѣздитъ отдѣльно отъ посольства, останавливается въ разныхъ мѣстахъ, учится, работаетъ, особенно занимается морскимъ дѣломъ; но ни-

что не ускользаетъ отъ его вниманія: страсть къ знанію, понятливость, способности необыкновенныя. Остановился онъ въ голландскомъ мѣстечкѣ Сардамѣ и занимается корабельнымъ плотничествомъ; но ему не долго дали поработать въ волю: разнеслась по Сардаму вѣсть, что молодой московскій плотникъ самъ царь Петръ Алексѣевичъ, и толпы любопытныхъ начали окружать его. Изъ Сардама Петръ перешелъ на амстердамскія верфи. И тутъ онъ занимался не однимъ корабельнымъ плотничествомъ: его видѣли повсюду, въ госпиталяхъ, воспитательныхъ домахъ, на фабрикахъ и въ мастерскихъ все ему нужно видѣть, обо всемъ узнать, какъ дѣлается, и самому поработать; слушалъ профессорскія лекціи, которыя иногда читались для него на яхтѣ, во время дороги, потому что онъ дорожилъ каждою минутою. Изъ Амстердама Петръ писалъ въ Москву къ патріарху: «Мы въ городѣ Амстердамѣ трудимся для пріобрѣтенія искусства въ морскомъ дѣлѣ, чтобы побѣдить враговъ имени Іисуса Христа, Турокъ, и освободить христіанъ, живущихъ подъ ихъ игомъ, чего до послѣдняго издыханія желать не перестану».

Въ началѣ 1698 года Петръ уже въ Англіи, оканчиваетъ здѣсь кораблестроительную науку. Проведя три мѣсяца въ Англіи, онъ опять на твердой землѣ и направляетъ путь въ Вѣну, откуда собрался было въ Венецію, въ южное морское государство; но вмѣсто Венеціи долженъ былъ поскорѣе возвратиться въ Россію: пришла вѣсть, что бунтуютъ стрѣльцы.

ЧТЕНІЕ XII.

О дѣлахъ царя Петра Алексѣевича отъ возвращенія его изъ-за границы до Полтавской битвы.

Мы видѣли, при какихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ прожилъ русскій народъ восемь съ половиною вѣковъ. Жилъ онъ на большомъ пространствѣ, но людей по пространству

земли было мало. Жилъ онъ на краю Европы, подлѣ Азіи, подлѣ степей, откуда выходили грубые кочевые народы, умѣвшіе только грабить да опустошать, и видѣли мы, какъ терпѣлъ отъ нихъ русскій народъ, какъ постоянно долженъ былъ отъ нихъ отбиваться; когда народъ занятъ всегда такимъ тяжелымъ дѣломъ, только и думаетъ объ одномъ, какъ бы отбиться отъ врага, то гдѣ жъ ему заниматься науками, промышленностью, торговлею, всѣмъ тѣмъ, что прежде всего требуетъ спокойствія, безопасности. Когда русскій народъ, собравшись около Москвы, немножко отдохнулъ отъ Татаръ, сталъ ихъ одолѣвать, сейчасъ же обратился къ западу, гдѣ народы, находясь въ болѣе счастливомъ положеніи, опередили его въ наукахъ, искусствахъ, силѣ и богатствѣ. Захотѣли и русскіе люди пріобрѣсть эти науки и искусства, силу и богатства, захотѣли сблизиться для этого съ образованными народами, овладѣть старыми своими приморскими прибалтійскими областями; а тутъ Польша и Швеція загородили дорогу, оттолкнули отъ моря; потомъ пошла смута, отъ которой надобно было долго отдыхать; а между тѣмъ русскіе люди все яснѣе и яснѣе видѣли, что необходимо пріобрѣсть науку, необходимо бѣдному государству, поразбогатѣть, усилиться; стыдно было, что на нашъ народъ не обращаютъ никакого вниманія, считаютъ его наравнѣ съ азіатскими варварскими народами. Въ это-то время Богъ послалъ русскому народу великаго царя, Петра. Какъ началъ себя помнить, Петръ слышалъ отъ добрыхъ и умныхъ людей, въ какомъ печальномъ положеніи находилась Россія, какъ она была бѣдна и слаба въ сравненіи съ другими государствами, не было у нея ни войска настоящаго, ни флота, ни торговли, ни промысловъ; русскій человѣкъ не умѣлъ ни за что приняться, какъ слѣдуетъ, потому что не было въ Россіи науки, училищъ. Петръ, чуя въ себѣ великую силу, рѣшилъ помочь бѣдѣ, дать какъ можно скорѣе своему народу то, что ему недоставало. Просвѣтить русскій народъ наукою, дать ему средства пользоваться тѣмъ, чѣмъ Богъ

надѣлилъ его землю, обогатить народъ промысломъ, торговлею, для распространенія которой овладѣть моремъ, улучшить дороги, завести войско и флотъ—вотъ что рѣшился сдѣлать Петръ. Но легко ли было это сдѣлать? Петръ обрекъ себя труду постоянному, неутомимому: того же самаго онъ требовалъ и отъ всего народа, потребовалъ, чтобы всѣ на время отказались отъ покойной и удобной жизни, подняли великую тягость, чтобъ вывести родную страну на новую дорогу, сдѣлать русское имя честнымъ и славнымъ на землѣ. Петръ отличался необыкновенною способностью выбирать людей: какъ взглянетъ пристально въ лицо человѣку, даже ребенку, тотчасъ угадаетъ, что изъ него выйдетъ прокъ; такимъ образомъ онъ окружилъ себя добрыми помощниками, набирая ихъ отовсюду изъ вельможъ и самыхъ простыхъ людей; какъ только увидитъ способнаго человѣка, немедленно воспользуется его способностями и подниметъ его высоко. Но если онъ умѣлъ награждать, возвышать трудъ, дарованіе, то не могъ терпѣть людей лѣнивыхъ, тунеядцевъ, которые хотѣли жить на чужой счетъ, сами ничего не дѣлая, не хотѣли помогать другимъ въ трудной работѣ, къ которой призывалъ Петръ всѣхъ.

Стрѣльцы не только не хотѣли помогать Петру въ этой трудной работѣ, но прямо пошли противъ военнаго преобразованія, потому что оно было имъ не выгодно, лишало ихъ спокойной, привольной жизни и осуждало на тяжелую жизнь солдатскую. Имъ очень не понравилось, когда они должны были разстаться съ своими домами и лавочками въ Москвѣ и идти въ азовскій походъ, а оттуда идти къ литовской границѣ по случаю волненій въ Польшѣ. Стрѣльцы сильно роптали на службу: «Какая наша служба, говорили они, скитаемся третій годъ!» Нѣкоторые изъ нихъ убѣжали въ Москву и, возвратясь оттуда, показали товарищамъ письмо царевны Софьи изъ Новодѣвичьяго монастыря: «Теперь намъ худо, писала Софья стрѣльцамъ, а послѣ будетъ еще хуже, ступайте къ Москвѣ; про государя ничего не

слышно». Стрѣльцы взбунтовались и пошли къ Москвѣ, но были поражены царскимъ войскомъ у Воскресенскаго монастыря (Новый Іерусалимъ). Это было въ іюнѣ мѣсяцѣ 1698 года, а въ августѣ возвратился Петръ въ Москву. Бунтовавшіе стрѣльцы были переказнены. Открылась вина царевны Софьи и другой сестры ея, царевны Маѳы Алексѣевны: обѣ были пострижены въ монахини. Стрѣлецкое войско было мало-по-малу уничтожено, и все русское войско явилось въ томъ видѣ, въ какомъ находится и теперь: вмѣсто того, чтобы всякій разъ при началѣ войны собирать помѣщиковъ, которые приводили своихъ людей, начали дѣлать рекрутскіе наборы, рекрутъ учили, приготовляли къ войнѣ; помѣщики также должны были постоянно служить, начиная съ солдата, и получали высшіе чины въ войскѣ по заслугамъ своимъ, искусству и храбрости. Войско принимало другой видъ, европейскій, тогда какъ прежде мало разнилось отъ татарскаго войска; и всѣ служащіе русскіе люди должны были принять другой видъ, отказаться отъ длинныхъ бородъ и одѣться въ европейское короткое платье, удобное для движенія и работы, вмѣсто прежняго широкаго азіатскаго. Еще царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ издалъ указъ, чтобы всѣ служащіе перемѣняли прежнее длинное платье на короткое, а теперь Петръ рѣшительно велитъ перемѣнить прежній азіатскій покрой платья на европейскій и не носить бородъ. Въ 1699 году Петръ учредилъ первый русскій орденъ—апостола Андрея Первозваннаго, потому что апостолъ Андрей проповѣдывалъ христіанство въ тѣхъ странахъ, гдѣ теперь Россія. Первымъ кавалеромъ Андреевскимъ былъ ближній бояринъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ, который завѣдывалъ иностранными дѣлами. Царь очень уважалъ и любилъ Головина, какъ человѣка умнаго, искуснаго, поставилъ его на первое мѣсто между вельможами; но больше всѣхъ любилъ онъ Александра Даниловича Меншикова, человѣка низкаго происхожденія, но съ необыкновенными способностями.

1700-й годъ, по приказанію Петра, начался съ 1-го ген-

варя, тогда какъ прежде новый годъ начинался съ 1-го сентября. Петръ велѣлъ также вести лѣтосчисленіе, какъ велось оно во всей христіанской Европѣ, съ Рождества Христова, тогда какъ до сихъ поръ въ Россіи велось оно отъ сотворенія міра. Этотъ 1700-й годъ былъ знаменитъ тѣмъ, что въ немъ началась шведская война, или, какъ ее обыкновенно называютъ, великая сѣверная война. Шведы были тогда самый сильный народъ въ сѣверо-восточной Европѣ, изъ-за котораго Россіи было не видать. Пользуясь смутнымъ временемъ, Шведы захватили ближайшіе къ Балтійскому морю русскіе города. У Польши отняли Ливонію, Данію также обобрали. Всѣ эти государства, обиженныя, обобранныя Шведами, искали случая какъ бы соединиться и возвратить отъ Швеціи то, что она у нихъ отняла. Поляки выбрали тогда себѣ въ короли саксонскаго князя (курфирста) Августа II. Когда Петръ возвращался изъ-за границы въ Россію, то онъ видѣлся съ Августомъ, и тотъ предложилъ ему воевать со Шведами втроемъ, т.-е. вмѣстѣ съ Даніею. Петръ согласился тѣмъ больше, что самое пламенное его желаніе, какъ и желаніе его предшественниковъ, было получить хотя одну гавань на Балтійскомъ морѣ. Но Петръ объявилъ, что не начнетъ новой войны прежде окончанія старой, турецкой. Турки, потерпѣвшіе большія потери во время войны, согласились на миръ. Петръ отправилъ своего посланника въ Константинополь на русскомъ военномъ кораблѣ, что удивило и напугало Турокъ; въ первый разъ русскій корабль переплылъ Черное море и явился передъ Константинополемъ. Но удивились, испугались не одни Турки. До сихъ поръ, боясь турецкой силы, европейскія государства уговаривали русскихъ царей къ войнѣ съ Турками, представляли, что Россія должна освободить своихъ единовѣрцевъ, Грековъ и Славянъ, отъ магометанскаго ига; а теперь, когда Турція ослабѣла, а Россія завела флотъ, то европейскія государства заговорили другое, что Россія сильнѣе Турціи, и потому надобно поддержать Турцію противъ Россіи, не допускать Русскихъ разрушать Турец-

кую имперію, а что нужно освободить христіанъ отъ магометанскаго ига, объ этомъ забыли. Русскій посланникъ писалъ Петру: «Отъ пословъ христіанскихъ державъ помощи мнѣ никакой нѣтъ, и больше хотятъ всякаго добра Туркамъ, чѣмъ тебѣ, великому государю; завидуютъ, ненавидятъ то, что у тебя завелось корабельное строеніе и морское плаваніе». Несмотря однако на это, Турки не могли больше продолжать войны и заключили миръ, уступили Россіи Азовъ и другіе городки подлѣ Азовскаго моря; также было выговорено, что Россія больше не будетъ посылать подарковъ крымскому хану, потому что до тѣхъ поръ задаривали Татаръ, чтобы они не нападали на русскія границы. Такимъ образомъ только теперь русское государство перестало откупаться отъ степныхъ разбойниковъ.

Тотчасъ по заключеніи мира съ Турками началась война со Шведами въ союзѣ съ польскимъ и датскимъ королями. Петръ въ этой войнѣ вовсе не искалъ ни военной славы, ни распространенія своихъ владѣній. Онъ считалъ эту войну необходимою, во-первыхъ, для того, чтобы добиться до Балтійскаго моря, отъ котораго оттолкнули Русскихъ Нѣмцы, Поляки и Шведы, и потомъ онъ видѣлъ въ этой европейской войнѣ хорошую школу для русскаго войска. Онъ зналъ, что новособранное русское войско, какъ бы его ни учили во время мира, не помѣрившись съ другимъ европейскимъ искуснымъ войскомъ, не получитъ искусства военнаго, не выйдутъ изъ него свои хорошіе офицеры и генералы, все будетъ нужда въ иностранцахъ. Петръ заранѣе зналъ, что школа будетъ тяжелая, что сначала будутъ неудачи, что русскому неопытному войску съ перваго раза не осилить шведскаго войска, знаменитаго тогда своимъ искусствомъ и давно привыкшаго къ побѣдамъ. Петръ зналъ, что постоянная удача балуетъ, портитъ человѣка и самый народъ, а неудача учитъ и укрѣпляетъ силы. Начало войны было неудачно: молодой шведскій король Карлъ XII не испугался тройного союза противъ себя, началъ дѣйствовать съ необыкновенною силою и быстротою

сначала напалъ на Данію и принудилъ ее къ миру, потомъ переправился на восточный берегъ Балтійскаго моря. Русское войско въ это время осаждало Нарву, Карлъ XII внезапно напалъ на него и страшно поразилъ; Русскіе потеряли много людей, всѣ пушки. Но у нихъ оставался царь Петръ, котораго никакая бѣда сломить не могла. Петръ не потерялъ духа и сейчасъ же воспользовался тѣмъ, что Карлъ XII пошелъ въ Польшу противъ тамошняго короля Августа II. Какъ послѣ перваго неудачнаго азовскаго похода, такъ и теперь закипѣла изумительная дѣятельность. Черезъ годъ уже были готовы новыя пушки взамѣнъ тѣхъ, которыя потеряли подъ Нарвою. Въ этомъ дѣлѣ много помогалъ Петру старикъ Виніусъ изъ давно поселившихся въ Москвѣ обрусѣлыхъ иноземцевъ. Виніусъ замѣчателенъ тѣмъ, что указалъ на богатство Сибири относительно рудъ: «Такое множество нашелъ я здѣсь рудъ, писалъ онъ царю изъ Сибири, что думаю, до конца міра не выкопать; особенно болитъ сердце, что иноземцы, продавши высокою цѣною шведское желѣзо и побравъ русскія деньги, за границу поѣхали, а наше сибирское желѣзо гораздо лучше шведскаго». Петръ очень любилъ такихъ людей, у которыхъ болѣло сердце, что Русскіе о своемъ не знаютъ и покупаютъ чужое дорогою цѣною. Лили пушки; но прежде всего надобно было приготовить людей, искусныхъ на войнѣ; набрано было въ школы 250 мальчиковъ, изъ которыхъ должны были выйти инженеры, артиллеристы и всякіе мастера.

Въ то время, когда спѣшили отливать пушки и заводить необходимыя школы, русское войско, подъ начальствомъ Бориса Петровича Шереметева, вступило въ Лифляндію и уже стало съ успѣхомъ проходить свою школу. Въ концѣ 1701 года Шереметевъ разбилъ шведскаго генерала Шлиппенбаха при селеніи Эрестферъ. Эта побѣда сильно обрадовала, потому что была первою послѣ нарвскаго пораженія; Шереметевъ былъ сдѣланъ фельдмаршаломъ. Лѣтомъ слѣдующаго года онъ одержалъ надъ тѣмъ же Шлиппенбахомъ другую побѣду при мызѣ Гуммельсгофѣ. Петръ смотрѣлъ

на Ливонскіе походы, какъ на школу для своихъ войскъ и какъ на средство ослабить непріятеля; утверждаться въ Ливоніи сначала онъ еще не думалъ; онъ хотѣлъ прежде всего утвердиться у Финскаго залива, гдѣ море всего ближе подходитъ къ русскимъ землямъ, гдѣ впала въ море широкая рѣка Нева, гдѣ Александръ Невскій побѣдилъ Шведовъ, но потомъ Шведы отняли всю эту страну, овладѣли и русскою крѣпостью Орѣшкомъ, которая находится при истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера, такъ что вся Нева, вся прямая, кратчайшая дорога изъ русской земли въ море была въ ихъ рукахъ. Петръ самъ взялъ этотъ Орѣшекъ жестокимъ приступомъ и писалъ къ Виніусу: «Жестокъ былъ этотъ орѣхъ; однако, слава Богу, счастливо разгрызенъ». Взятый городъ былъ названъ Ключомъ-городомъ (Шлиссельбургъ). Легко было догадаться, что хотѣлъ Петръ отпереть этимъ ключомъ. Въ апрѣлѣ 1703 года онъ добрался до устьевъ Невы, 5 мая появились здѣсь два шведскихъ корабля: Петръ, посадивъ своихъ Преображенцевъ и Семеновцевъ на 30 лодокъ, окружилъ шведскіе корабли и взялъ ихъ: это былъ первый успѣхъ на морѣ. До моря дошли; но надобно было укрѣпиться на немъ, и 16 мая 1703 года на одномъ изъ островововъ Невскаго устья срубили деревянную крѣпость: то былъ Петербургъ. Добыли новый морской берегъ, надобно было строить новый флотъ, и въ Лодейномъ полѣ начали строить морскія суда; въ глубокую осень, когда по Невѣ уже плавалъ ледъ, Петръ около Котлина острова мѣряетъ глубину: здѣсь будутъ укрѣпленія, здѣсь будетъ Кронштадтъ, оборона Петербургу, куда уже пришелъ первый иностранный купеческій корабль. Но Петръ не покидаетъ и стараго, азовскаго флота; изъ Петербурга спѣшитъ въ Воронежъ смотрѣть, какъ тамъ идетъ дѣло, какъ тамъ строятся корабли. Весною 1704 года Петръ уже опять на западѣ: здѣсь беретъ Дерптъ, старый русскій Юрьевъ, и пишетъ своимъ: «Сей славный отечественный градъ паки полученъ». Еще радостнѣе писалъ Петръ о взятіи крѣпкой Нарвы: «Гдѣ четыре года тому назадъ Господь оскорбилъ, тутъ

нынѣ веселыми побѣдителями учинилъ, ибо сію преславную крѣпость шпагою въ три четверти часа получили».

Такъ Петръ умѣлъ воспользоваться уходомъ Карла XII съ главными силами въ Польшу. Чтобъ легче справиться потомъ съ Россіею, не оставить у себя позади врага въ польскомъ королѣ, Карлъ хотѣлъ непремѣнно свергнуть Августа II съ престола и возвести на его мѣсто такого короля, который былъ бы его союзникомъ въ войнѣ противъ Россіи. Дѣйствительно, Карлъ заставилъ Поляковъ объявить Августа лишеннымъ польской короны и возвести на его мѣсто одного изъ польскихъ вельможъ, Станислава Лещинскаго. Петръ не оставилъ Августа: съ помощью русскаго войска Августъ отнялъ опять у Шведовъ Варшаву; русскія войска заняли Курляндію и Литву; Меншиковъ шелъ дальше и одержалъ надъ Шведами побѣду при Калишѣ, какой еще не было до сихъ поръ. Но когда Карлъ вступилъ въ наслѣдственную землю Августа, въ Саксонію, тотъ, чтобы спасти ее отъ разоренія, помирился съ шведскимъ королемъ и отказался отъ польской короны. Такимъ образомъ Петръ остался одинъ безъ союзниковъ и долженъ былъ взять на себя всю тягость войны, долженъ былъ принять врага на своей землѣ. И эта страшная тягость, тягость войны со шведскимъ королемъ, знаменитымъ своею храбростью и искусствомъ, и эта тягость была не одна, къ войнѣ внѣшней присоединилась внутренняя: въ тотъ самый 1703 годъ, когда Карлъ XII былъ уже въ русскихъ границахъ, поднялся башкирскій бунтъ и заволновались донскіе казаки.

Татары, Башкирцы и другіе инородцы, входившіе въ составъ прежняго Казанскаго царства, вмѣстѣ съ Казанью подчинились Россіи, но неохотно, и начинали волноваться при первомъ удобномъ случаѣ; особенно были опасны тѣ изъ нихъ, которые были магометанами, потому что у нихъ были сношенія съ Крымомъ и Турціею по единовѣрію; между ними являлись такіе люди, которые внушали имъ, что магометанамъ не годится быть подъ властью христіанскаго

царя и что верховный повелитель магометанъ—это султанъ турецкій, онъ освободитъ всѣхъ ихъ изъ-подъ христіанскаго подданства. Такъ и теперь явился Башкирецъ, который выдавалъ себя за святого, ѣздилъ въ Крымъ и Константинополь и успѣлъ взбунтовать Башкирцевъ и Татаръ; 300 селъ и деревень и слишкомъ 12.000 людей погибли отъ этого бунта. Но дикари умѣли только жечь деревни и бить беззащитныхъ, и не могли стоять противъ даже маленькихъ отрядовъ русскаго войска. Башкирскій бунтъ былъ потушенъ; но труднѣе было тушить бунтъ на Дону. Мы знаемъ, что и прежде сюда собирались люди, которые бѣжали отъ труда, которымъ хотѣлось пожить по своей волѣ и пожить на чужой счетъ: мы видѣли, когда при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ этихъ голутвенныхъ людей набралось много на Дону, какой бунтъ они подняли подъ предводительствомъ Стеньки Разина. Теперь они начали также тамъ собираться, но Петръ не хотѣлъ этого терпѣть; онъ самъ работалъ безъ-устали и хотѣлъ, чтобы и всѣ другіе работали, не терпѣлъ тунеядства; особенно сердило его то, что работники, нанятые на казенныя работы, заберутъ впередъ деньги, да и убѣгутъ въ казачьи городки. Царь требовалъ выдачи бѣглыхъ, но указы его не исполнялись; тогда онъ въ 1707 году для сыску бѣглыхъ послалъ отрядъ войска; но казаки нечаянно ночью напали на этотъ отрядъ и истребили его. Предводителемъ казаковъ въ этомъ дѣлѣ оказался бахмутскій атаманъ Кондратій Булавинъ, который разослалъ призывныя грамоты: «Пріѣзжайте всѣ, кто хочетъ съ атаманомъ Булавинымъ погулять, сладко попить да поѣсть, всѣ дорожные охотники, воры и разбойники!» Въ то время, какъ Петръ призывалъ русскихъ людей къ честному труду, чтобы овладѣть наукою, искусствомъ, возвысить родную страну, Булавинъ призывалъ тѣхъ, которые хотѣли погулять, попить и поѣсть на чужой счетъ, воровъ и разбойниковъ! Охотники погулять нашлись; около Булавина, какъ около Разина, собралось большое войско; онъ пошелъ въ главный городъ донскихъ казаковъ,

Черкаскъ, истребилъ донского атамана и старшихъ казаковъ, самъ сталъ атаманомъ, пошелъ было на Азовъ, но потерпѣлъ неудачу и возвратился въ Черкаскъ; эта неудача и приближенiе царскаго войска ободрили противныхъ ему казаковъ; они собрались и осадили Булавина въ его домѣ; Булавинъ, видя, что отбиться нельзя, застрѣлился. Но съ товарищами его царское войско должно было долго управляться, и въ то самое время, когда надобно было управляться и со Шведами, и съ другою измѣной.

Гетманомъ малороссiйскимъ былъ въ это время Иванъ Мазепа, котораго царь Петръ очень любилъ и которому вполнѣ довѣрялъ: Мазепа былъ старикъ умный, ловкiй, начитанный, прiятный говорунъ и умѣлъ выставиться человѣкомъ преданнымъ, а самъ думалъ только о своихъ выгодахъ. Карлъ XII сначала пошелъ изъ Польши въ Бѣлоруссiю, чтобы оттуда идти къ Москвѣ; но когда ему насказали, что въ Малороссiи много недовольныхъ царемъ, то ему захотѣлось прежде войти сюда, поднять недовольныхъ, снестись поблизости съ Турками, заключить съ ними союзъ и тогда уже идти на Москву, и здѣсь заставить Петра мириться. Но Петръ не думалъ пропускать Карла къ Москвѣ: узнавъ, что шведскiй король повернулъ въ Малороссiю, а съ сѣвера спѣшитъ къ нему генералъ Левенгауптъ со свѣжимъ войскомъ и большими боевыми запасами, Петръ пошелъ наперерѣзъ Левенгаупту, 28 сентября 1708 года нагналъ его у деревни Лѣсной (недалеко отъ города Пропойска), разбилъ Шведовъ, истребилъ у нихъ 10.000 человѣкъ, взялъ всѣ пушки, всѣ запасы. Карлъ XII много потерялъ, допустивши Петра разбить Левенгаупта, и ничего не выигралъ, вступивши въ Малороссiю. Мазепа, узнавши о приближенiи Карла XII съ одной стороны, а Петра съ другой, растерялся, не зналъ что дѣлать. Честному человѣку и вѣрному русскому подданному легко было найтись въ такихъ обстоятельствахъ: соединиться съ царскимъ войскомъ и биться со Шведами. Но Мазепа сталъ раздумывать, кто сильнѣе, Петръ или Карлъ, и нашелъ, что Карлъ силь-

нѣе, а если Карлъ побѣдитъ, то что станется съ нимъ, Мазепою? Пропадетъ. И вотъ Мазепа съ небольшимъ отрядомъ переходитъ на сторону Карла. Онъ думалъ, что вся Малороссія послѣдуетъ его примѣру; но только одни Запорожцы взбунтовались, а всѣ другіе Малороссіяне остались вѣрны царю Петру и выбрали себѣ на мѣсто Мазепы другого гетмана, Скоропадскаго.

Запорожцы не помогли Карлу XII; весною 1709 года Сѣчь ихъ была взята и разорена царскимъ войскомъ. Турки также не заключили союза съ Карломъ: они положили ждать, чѣмъ кончится дѣло у Шведовъ съ Русскими. Дѣло кончилось 27 іюня 1709 года битвою при Полтавѣ, гдѣ Петръ рѣшился дать битву Шведамъ, чтобъ освободить Полтаву отъ осады; въ четыре часа утра начался бой и въ одиннадцать Шведы потерпѣли совершенное пораженіе; Карлъ XII едва спасся бѣгствомъ въ Турцію съ Мазепою и маленькимъ отрядомъ Шведовъ, все же остальное его войско или было истреблено, или взято въ плѣнъ. Полтавская побѣда называлась при Петрѣ «превеликою, преславною викторіею, русскимъ воскресеньемъ»; 27 іюня установлено праздновать навсегда, и справедливо, потому что съ этихъ поръ произошла въ мірѣ великая перемѣна въ пользу Россіи: Швеція, которая до того времени была главнымъ государствомъ сѣверо-восточной Европы, послѣ Полтавской битвы должна была уступить свое мѣсто Россіи; до сихъ поръ Россіи въ Европѣ не знали и знать не хотѣли, считали ее государствомъ азіатскимъ, наравнѣ съ Японіею, Персіею, но послѣ Полтавской битвы ее узнали, стали обращаться къ ней съ уваженіемъ; ни одно важное дѣло въ Европѣ безъ нея рѣшиться не могло.

Въ началѣ царствованія Петра по Европѣ ходили слухи, что въ Россіи происходятъ какія-то перемѣны, самъ царь ѣздитъ по чужимъ землямъ, посылаетъ своихъ подданныхъ учиться за границу; сначала этимъ были удивлены и даже нѣкоторые встревожены; но когда Карлъ XII разбилъ русское войско подъ Нарвою, то въ Европѣ стали смѣяться

надъ Петромъ и его преобразованіями, надъ его флотомъ и войскомъ. Когда же прогремѣла Полтавская битва, когда шведскій король, считавшійся непобѣдимымъ, потерпѣлъ такое страшное пораженіе, то заговорили другое, увидали, что имѣютъ дѣло съ царемъ и народомъ, которые въ такое короткое время могли выучиться побѣждать непобѣдимыя европейскія войска. Военная школа была пройдена отлично: русское войско выучилось побѣждать. Но одною военною школою Петръ ограничиться не могъ. Войну нельзя вести, войско нельзя содержать безъ денегъ, а Петръ получилъ въ наслѣдство государство бѣдное; надобно было потому прежде всего обогатить государство, обогатить народъ распространеніемъ торговли, промысловъ, а для этого прежде всего нужно, чтобы торговые и промышленные люди были обезпечены, чтобы ихъ никто не притѣснялъ и чтобы судъ былъ правый и скорый, для всѣхъ равный. До Петра бѣдное государство не могло давать жалованья служащимъ, вмѣсто денежнаго жалованья давали ратному человѣку землю, помѣстье; но у иного помѣщика дѣтей было много, дохода съ помѣстья недоставало, и онъ просилъ у государя покормиться, т.-е. назначить его правителемъ, воеводою и вмѣстѣ судьею въ какой-нибудь городъ. Воевода также жалованья не получалъ, а городъ обязанъ былъ его кормить; староста, или по-нынѣшнему градскій голова, носилъ ему съѣстные припасы и все нужное для хозяйства, также и деньги, дарилъ въ праздники самого воеводу, жену, дѣтей, родныхъ, дворню. Часто воеводы требовали себѣ большого кормленія, не подъ силу горожанамъ; иногда цѣлые уѣзды пустѣли, народъ разбѣгался отъ воеводы, который хотѣлъ кормиться ужъ черезчуръ сытно. Какая же тутъ будетъ торговля, какіе промыслы? Чтобы поднять торговлю и промыслы, надобно было прежде всего освободить торговлю и промышленныхъ людей отъ тѣхъ, которые въ отправленіи своей должности правителя и судьи видѣли только средство кормиться. Поэтому Петръ еще въ 1699 году велѣлъ промышленнымъ людямъ въ городахъ вѣдать-

ся во всѣхъ своихъ дѣлахъ и тяжбахъ, также и доходы для правительства собирать самимъ, для чего выбирать изъ себя людей смышленыхъ и честныхъ, которые назывались земскими бурмистрами.

Всю Россію Петръ раздѣлилъ на 8 большихъ губерній, которыя управлялись губернаторами; губерніи раздѣлялись на области, которыя управлялись воеводами. Губернаторы были подчинены Правительствующему Сенату, учрежденному въ 1711 году: Сенатъ долженъ былъ смотрѣть, чтобы судъ былъ правый, наказывать несправедливыхъ людей и ябедниковъ, стараться объ умноженіи государственныхъ доходовъ и объ уменьшеніи расходовъ, заботиться, чтобы не было недостатка въ людяхъ для службы, стараться объ усиленіи торговли. Но чтобы усилить торговлю, промыслы, чтобы умѣть пользоваться богатствами, которыя даетъ природа, надобно знаніе, умѣнье, приготовленіе въ школѣ. Петръ говорилъ въ манифестѣ 1702 года: «Мы побуждены были въ самомъ правленіи сдѣлать нѣкоторыя нужныя перемѣны, дабы наши подданные могли тѣмъ болѣе и удобнѣе научиться понынѣ имъ неизвѣстнымъ познаніямъ и тѣмъ искуснѣе становиться въ торговыхъ дѣлахъ». Въ Москвѣ учреждены были школы—математическая, навигаторская Русскихъ учителей не было, надобно было сначала взять иностранцевъ и взяли троихъ Англичанъ. Но какъ на войнѣ, такъ и вездѣ, и въ школьномъ дѣлѣ старались искать способныхъ русскихъ людей и какъ можно скорѣе замѣнять ими иностранцевъ. Очень скоро подлѣ Англичанъ мы уже видимъ русскаго учителя Магницкаго, который въ 1703 году издалъ руководство къ ариѳметикѣ, которое очень долго потомъ употреблялось. Такіе учебники на русскомъ языкѣ по разнымъ наукамъ были всего нужнѣе и для дѣтей, и для взрослыхъ. Ученье только начиналось, еще очень мало было людей, которые бы могли составлять учебники; надобно было переводить эти учебники съ иностранныхъ языковъ на русскій, но переводить было чрезвычайно трудно; такъ какъ въ Россіи науки еще не было, то на

русскомъ языкѣ и не было словъ для выраженія того, что говорилось въ наукѣ. Составить новыя слова,—но они, по своей новости, также будутъ непонятны, какъ иностранныя. Вотъ почему всякій народъ, когда начинаетъ учиться, перенимать науку у другихъ народовъ, любитъ употреблять иностранныя слова, любитъ говорить и писать на иностранныхъ языкахъ, потому что это легче; на своемъ языкѣ еще нѣтъ словъ и цѣлыхъ выраженій, которыя есть уже на языкѣ народа образованнаго, привычнаго къ наукѣ. Наши сосѣди Нѣмцы, Поляки долго писали на такомъ странномъ языкѣ, что одна строка или половина строки нѣмецкая или польская, а другая латинская. Петръ очень хорошо зналъ, какое трудное дѣло перевесть ученую книгу на русскій языкъ, и такъ какъ онъ во всякомъ трудномъ дѣлѣ былъ помощникъ своему народу, то занялся усердно и переводами нужныхъ книгъ: къ нему присылали эти переводы, и онъ, при множествѣ другихъ занятій, на войнѣ исправлялъ переводы и посылалъ переводчикамъ наставленія, какъ переводить. Книгопечатаніе усилилось, и прежнее церковно-славянское начертаніе буквъ было найдено неудобнымъ, было очень пестро, кудряво, потому для свѣтскихъ книгъ изобрѣтено было новое начертаніе, простѣйшее, такъ называемое гражданское, а прежнее осталось для церковныхъ книгъ. Новыми буквами начали печатать книги съ 1708 года, и первою книгою, такимъ образомъ напечатанною, была геометрія.

ЧТЕНІЕ XIII.

О дѣлахъ царя Петра Алексѣевича отъ Полтавской побѣды до окончанія Шведской войны.

Извѣстное дѣло, какъ теменъ, необразованъ бываетъ человѣкъ, который весь свой вѣкъ живетъ въ какомъ-нибудь захолустьѣ, въ деревнѣ; другое дѣло человѣкъ, который живетъ въ большомъ городѣ, гдѣ ежедневно встрѣчается съ

новыми вещами, съ разными людьми, отъ которыхъ можетъ многое узнать: еще лучше, когда человѣку самому пришлось попутешествовать, насмотрѣться разныхъ странъ и народовъ. У народовъ образованныхъ наука, книги замѣняютъ путешествіе, изъ нихъ человѣкъ узнаетъ о самыхъ отдаленныхъ странахъ, какъ тамъ люди живутъ теперь и что дѣлалось прежде за много вѣковъ. Но у народовъ образованныхъ есть также средство узнать очень скоро, что новаго произошло въ разныхъ странахъ, даже самыхъ далекихъ: это средство вѣдомости, газеты; не оставляя мѣста своего жительства, человѣкъ, благодаря печатному листу бумаги, знаетъ все, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ; любопытно ему знать, что дѣлается въ далекихъ странахъ, важно, необходимо знать, что дѣлается въ родной странѣ. До Петра вѣдомостей у насъ не было; переводили иностранныя вѣдомости для государя, но не печатали, а хранили въ тайнѣ; Петръ велѣлъ съ 1703 года издавать въ Москвѣ вѣдомости обо всѣхъ дѣлахъ, достойныхъ знанія и памяти, происходящихъ какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ странахъ, и изъ перваго же листа вѣдомостей русскіе люди узнали, что въ школахъ учатся и прилежно учатся болѣе 300 человѣкъ. Наука была нужна для сохраненія жизни, здоровья людей. Учрежденъ былъ госпиталь, при которомъ иностранные лѣкаря обучали своему искусству молодыхъ русскихъ людей. Учреждены были аптеки, сначала въ Москвѣ.

Кромѣ школы и книги, важнымъ средствомъ для образованія служитъ театръ, разумѣется, театръ хорошій, гдѣ человѣкъ изучаетъ душу человѣка, которую выказываетъ передъ нимъ искусный актеръ, или гдѣ выставляются насмѣхъ такія дѣла, такіе недостатки, слабости, которые желательно искоренить въ обществѣ и которые скорѣе всего искореняются насмѣшкою, представленіемъ ихъ въ смѣшномъ видѣ. Петръ завелъ въ Москвѣ первый театръ, куда доступъ былъ открытъ всѣмъ. И школа, и книги, и вѣдомости, и театръ, давая благородное, высокое занятіе человѣку, должны были служить для смягченія нравовъ. Разу-

мѣется, это смягченіе могло произойти не вдругъ, очень медленно, потому что средства къ нему были еще только въ зародышѣ, а грубость нравовъ затвердѣла; пьянство было сильное, въ пьянствѣ брань, драка, рѣзались ножами до смерти. Петръ запретилъ носить ножи. Но было еще средство заставить мужчинъ вести себя приличнѣе, не буйствовать. До тѣхъ поръ люди позначительнѣе и позажиточнѣе держали своихъ женъ и дочерей взаперти; мужчины и женщины не бывали вмѣстѣ; при вступленіи въ бракъ женихъ не имѣлъ понятія о своей невѣстѣ, невѣста о женихѣ, все дѣло улаживали родные. Жаловались и до Петра на это, указывали, что такіе браки вредятъ семейному благополучію, но не знали, какъ исправить зло. Петръ прекратилъ затворничество женщинъ, приказалъ приглашать ихъ въ общественныя собранія; велѣлъ прежде свадьбы быть обрученію за шесть недѣль, чтобы дать время жениху и невѣстѣ познакомиться, и если они въ это время не понравятся другъ другу, то могли отказаться отъ брака.

Но всѣ средства, распространяющія образованіе, людскость тогда только могутъ дѣйствовать благодѣтельно, когда народъ преданъ вѣрѣ, когда духовенство, по своему образованію, способно учить народъ, поддерживать и укрѣплять вѣру. Мы видѣли, что русское духовенство до Петра оказывалось неспособнымъ къ этому, по недостатку образованія· когда нужно было исправить книги церковныя, оно не умѣло этого сдѣлать, и надобно было призывать ученыхъ Грековъ и Малороссіянъ, не умѣло и удержать людей отъ раскола. Опасности были большія для русской церкви: съ одной стороны мутили ее раскольники, а съ другой— русскіе люди сблизились изъ иностранцами иновѣрными, католиками, лютеранами; надобно было русскимъ людямъ быть твердыми въ своей вѣрѣ православной, чтобы не прельститься чужими ученіями, и кто могъ утвердить ихъ въ православной вѣрѣ, если духовенство, по своей неучености, само не было въ ней твердо? Мы видѣли, что когда въ западной Россіи надобно было защищать православную

вѣру отъ католиковъ, іезуитовъ, то первымъ дѣломъ было завести училища, имѣть священниковъ ученыхъ, которые бы могли оспаривать ученыхъ іезуитовъ, писать противъ нихъ книги и этимъ утверждать свой народъ въ православной вѣрѣ: теперь то же самое нужно было сдѣлать и въ восточной Россіи.

Петръ говорилъ патріарху Адріану: «Священники ставятся неграмотными; надобно ихъ прежде учить, а потомъ уже ставить въ священники; надобно позаботиться, чтобъ и православные христіане, и иновѣрцы познали Бога и законъ его; послать бы для этого хотя нѣсколько десятковъ человѣкъ въ Кіевскую школу. И здѣсь въ Москвѣ есть школа, можно бы и здѣсь было объ этомъ позаботиться; но мало учатся, потому что никто не смотритъ за школою какъ надобно. Многіе желаютъ дѣтей своихъ учить и отдаютъ ихъ здѣсь иноземцамъ; другіе въ домахъ своихъ держатъ учителей иностранныхъ, которые малыхъ дѣтей ересямъ своимъ учатъ, тогда какъ въ нашей школѣ, при искусномъ обученіи, всякому доброму учились бы». Патріархъ Адріанъ не могъ исполнить царскаго желанія, потому что, по необразованности своей, не могъ смотрѣть за школою; другихъ великороссійскихъ образованныхъ архіереевъ также не было, и потому, когда въ 1700 году патріархъ Адріанъ умеръ, другого патріарха не поставили, а управленіе церковными дѣлами Петръ поручилъ Рязанскому митрополиту Стефану Яворскому. Стефанъ Яворскій былъ человѣкъ ученый и славился своими проповѣдями, потому что былъ Малороссіянинъ, учился въ Кіевѣ и за границею. Кромѣ него, Петръ вызвалъ много другихъ ученыхъ монаховъ изъ Малороссіи, которые посвящены были въ архіереи на разныя епархіи и старались объ устройствѣ школъ и образованіи духовенства; больше другихъ знаменитъ былъ не ученостью только, но и святостью жизни Димитрій, митрополитъ Ростовскій. Когда къ св. Димитрію приходили священническіе сыновья ставиться на отцовскія мѣста и онъ ихъ спрашивалъ, давно ли причащались, то получалъ въ

отвѣтъ, что и не помнятъ когда причащались. Причину такого печальнаго состоянія духовенства св. Димитрій находилъ въ невѣжествѣ: «Что человѣка вразумляетъ, какъ не ученіе?» писалъ онъ. Св. Димитрій завелъ школу при своемъ домѣ, но самъ долженъ былъ исправлять должность учителя, ибо сначала гдѣ было взять учителей? Расколъ, пользуясь невѣжествомъ духовенства, распространялся сильно: «Съ трудомъ, говорилъ св. Димитрій, можно было найти истиннаго сына церкви; почти въ каждомъ городѣ изобрѣтается особая вѣра, простые мужики и бабы учатъ о вѣрѣ». Чтобы успѣшно бороться съ расколомъ, надобно было знать, что такое расколъ, надобно было знать эти особыя вѣры, которыя изобрѣтались въ каждомъ городѣ, и св. Димитрій описалъ раскольничьи толки въ книгѣ своей: «Розыскъ о раскольничьей вѣрѣ». Кромѣ этой книги, послѣ него осталось много сочиненій: кто изъ Русскихъ не знаетъ его «Четьи Минеи»?

Церковь причла Димитрія Ростовскаго къ лику святыхъ. Но въ ликѣ святыхъ Димитрій не одинъ изъ архіереевъ, жившихъ при Петрѣ. Церковь прославила также епископа воронежскаго Митрофана, знаменитаго святостью жизни и усерднымъ радѣніемъ объ отечествѣ. Митрофанъ прославлялъ намѣреніе Петра завести флотъ и убѣждалъ народъ всѣми силами помогать царю въ великомъ дѣлѣ. Но одними словами онъ не ограничился: онъ привезъ Петру послѣдніе оставшіеся въ архіерейской казнѣ 6000 рублей на войну противъ невѣрныхъ, Турокъ, и постоянно потомъ отсылалъ накоплявшіяся у него деньги къ государю съ надписью: «на ратныхъ». Петръ сильно тужилъ о кончинѣ святого старца.

Много было сдѣлано, но много еще оставалось сдѣлать; много было только начато, надобно было окончить, закрѣпить. Война, тяжелая, долгая война мѣшала Петру заняться внутренними дѣлами. Онъ и сотрудники его надѣялись, что послѣ Полтавской битвы Швеція заключитъ миръ; чтобы заставить ее мириться какъ можно скорѣе и чтобы миръ

былъ какъ можно выгоднѣе для Россіи, Петръ не складывалъ рукъ, а продолжалъ дѣйствовать: онъ прогналъ изъ Польши короля, посаженнаго Карломъ XII, Станислава Лещинскаго, и возвратилъ польскій престолъ старому союзнику своему Августу II-му; Данію уговорилъ опять пристать къ союзу противъ Швеціи. Въ іюнѣ 1710 года взятъ былъ у Шведовъ Выборгъ въ Финляндіи; этотъ городъ Петръ назвалъ «крѣпкою подушкой Петербургу»; въ іюлѣ мѣсяцѣ сдалась Рига, въ сентябрѣ Ревель. Но между тѣмъ враги, не могши бороться съ Россіею прямо, открыто, дѣйствовали другимъ образомъ: Карлъ XII, бѣжавшій послѣ Полтавы въ Турцію, употреблялъ всѣ старанія, чтобы султанъ объявилъ войну Россіи: если Турція, говорили Шведы, позволитъ теперь русскому царю воспользоваться несчастіемъ Швеціи, то онъ получитъ страшную силу, и первая отъ этого потерпитъ Турція, потому что царь, какъ только помирится со Швеціею, такъ сейчасъ нападетъ на Турцію вмѣстѣ съ польскимъ королемъ, своимъ союзникомъ. Кромѣ Шведовъ, то же самое говорили въ Константинополѣ Французы, а на Французовъ Турки смотрѣли какъ на своихъ друзей, которые дурного имъ не посовѣтуютъ. Франція совѣтовала Туркамъ помочь Швеціи и не дать Россіи черезъ мѣру усилиться, потому что считала Россію естественнымъ врагомъ Турціи, заступницею за православныхъ христіанъ, Славянъ и Грековъ, жившихъ подъ турецкимъ игомъ, а Турція была нужна Франціи, потому что Франція всегда ссорилась съ Австріею и держалась за Турцію, которая также была врагомъ Австріи.

Султанъ послушался Шведовъ и Французовъ и объявилъ Россіи войну въ 1711 году. Легко себѣ представить, какъ это огорчило Петра: онъ спѣшилъ кончить шведскую войну на сѣверѣ, чтобы дать отдохнуть народу и заняться на-досугѣ внутренними дѣлами, а тутъ новая война, совсѣмъ въ другой сторонѣ, на югѣ; надобно оставить сѣверъ, растянуть силы; вмѣсто покоя, котораго ждалъ народъ, на него должны пасть новыя тягости, вмѣсто одной двѣ войны! Въ

мрачномъ расположенiи духа, съ печальными предчувствiями, больной отправился Петръ въ турецкiй походъ. Большого войска собрать онъ не могъ; Поляки не помогали; пришли извѣстiя, что наши православные соплеменники, Черногорцы, поднялись въ пользу Россiи, что и другiе христiанскiе народы только ждутъ русскаго войска, чтобы дѣйствовать съ нимъ заодно, что Молдавiя уже объявила себя за Русскихъ. По этимъ вѣстямъ Петръ вступилъ въ турецкiя владѣнiя и 9 iюля у рѣки Прута окруженъ былъ турецкимъ войскомъ: у Турокъ было 200,000 войска, у Русскихъ около 40,000. Турки, надѣясь на свою многочисленность, вздумали было напасть на Русскихъ, но были отбиты и потеряли много народу. Но все же положенiе русскаго войска было отчаянное: оно было истомлено битвою и зноемъ, съѣстныхъ припасовъ осталось очень немного, помощи ниоткуда. На другой день захваченные въ плѣнъ Турки объявили, что турецкiй главнокомандующiй, великiй визирь, помирится, если ему будутъ предложены выгодныя условiя, потому что войско требуетъ мира, не хотятъ опять нападать на русскихъ, боясь потерпѣть такой же уронъ, какъ и наканунѣ. Тогда Петръ послалъ къ визирю съ мирными предложенiями, и миръ былъ заключенъ на тѣхъ условiяхъ, что Туркамъ возвращается Азовъ, а Таганрогъ и другiя построенныя Петромъ крѣпости будутъ разорены.

Опять неудача и неудача тѣмъ болѣе тяжелая, что случилась послѣ необыкновеннаго успѣха; Петръ сильно горевалъ, какъ человѣкъ, но, какъ великiй человѣкъ, не позволялъ горю овладѣть собою и спѣшилъ опять на сѣверъ, чтобы продолжать шведскую войну. Союзники только мѣшали, боясь могущества Россiи, подозрѣвая Петра во властолюбивыхъ замыслахъ, какихъ у него вовсе не было. Петръ успѣшно дѣйствовалъ и безъ союзниковъ. Почти вся Финляндiя была уже въ его рукахъ; Карлъ XII, возвратясь изъ Турцiи, нашелъ, что съ Россiею нельзя больше воевать, и началъ мирные переговоры; но переговоры эти были прерваны его смертiю. Сестра его, Ульрика Элеонора, став-

ши королевою шведскою, понадѣялась на обѣщаніе англійскаго короля и рѣшилась продолжать войну съ Россіею. Англійскій флотъ дѣйствительно явился въ Балтійскомъ морѣ, чтобы испугать Петра и принудить его къ миру, не очень тягостному для Швеціи; но Петра испугать было нельзя, въ глазахъ Англичанъ Русскіе высаживались на шведскіе берега и опустошали ихъ. Шведы наконецъ поняли, что никто не подастъ имъ помощи противъ Петра, начали опять мирные переговоры, и 30 августа 1721 года въ Финляндскомъ городѣ Ништадтѣ заключенъ былъ миръ, по которому Швеція уступила Россіи Лифляндію, Эстляндію, Ингрію (нынѣшнюю Петербургскую губернію), а изъ Финляндіи Выборгъ.

Царь получилъ извѣстіе о мирѣ на дорогѣ изъ Петербурга въ Выборгъ. Онъ возвратился немедленно въ Петербургъ и прямо въ Троицкій соборъ къ молебну. Народъ наполняетъ площадь около собора, послѣ молебна царь выходитъ къ нему и говоритъ: «Здравствуйте и благодарите Бога, православные, что такую долгую войну, которая велась 21 годъ, всесильный Богъ прекратилъ и даровалъ намъ со Швеціею счастливый миръ!» Тутъ Петръ беретъ ковшъ съ виномъ и пьетъ за здоровье народа, который плачетъ и кричитъ: «Да здравствуетъ государь!» Радость была общая, неописанная, потому что война, тянувшаяся слишкомъ двадцать лѣтъ, была очень тяжела; радость о прекращеніи этой тяжести удвоилась тѣмъ, что тягости неслись не понапрасну, что война окончилась такимъ миромъ, какого въ началѣ никто и вообразить не могъ. Сравнивали то положеніе Россіи, въ какомъ она была двадцать лѣтъ тому назадъ, когда она считалась азіатскимъ государствомъ, когда на нее обращали гораздо меньше вниманія, чѣмъ на Турцію, сравнивали это унизительное положеніе съ настоящимъ, когда европейскіе народы должны были разступиться передъ Россіею и дать ей среди себя почетное мѣсто; представляли себѣ русскіе люди, что они были двадцать лѣтъ тому назадъ, когда они ничего не знали, что вокругъ нихъ

дѣлается, и какъ много теперь узнали новаго, какое искусство пріобрѣли въ разныхъ дѣлахъ, о которыхъ прежде и не думали, стали какъ будто новыми людьми. И все это въ какія-нибудь двадцать лѣтъ! 22 октября Сенатъ поднесъ Петру титулъ отца отечества, Великаго, императора всероссійскаго за то, что «его неусыпными трудами и руководствомъ Русскіе изъ тьмы невѣжества вознесены на театръ славы всего свѣта и, такъ сказать, изъ небытія въ бытіе приведены и въ общество образованныхъ народовъ причислены». Петръ отвѣчалъ простыми словами, но заключающими въ себѣ великій смыслъ и поучительность: «Желаю русскому народу познать милость Божію къ намъ въ прошедшей войнѣ и при заключеніи настоящаго мира; должно всѣми силами благодарить Бога; но, надѣясь на миръ, не ослабѣвать въ военномъ дѣлѣ, чтобъ съ Россіею не случилось того же, что съ греческою имперіею; надобно стараться о пользѣ общей, отъ чего народъ получитъ облегченіе».

Великая сѣверная война кончилась; вслѣдствіе ея вмѣсто неизвѣстной Московіи, какъ до сихъ поръ называли въ Европѣ нашу страну, явилась могущественная всероссійская имперія, безъ которой ни одно важное дѣло въ Европѣ теперь дѣлаться не могло. Но великій императоръ, который такъ славно кончилъ сѣверную войну, уговаривалъ свой народъ не думать, что все кончено, не складывать рукъ; только то государство сильно, гдѣ всѣ стараются о пользѣ общей. Къ этой общей пользѣ направлены были всѣ внутреннія распоряженія Петра, ее заставлялъ онъ имѣть въ виду своихъ сотрудниковъ. Мы видѣли, что въ началѣ самымъ виднымъ изъ этихъ сотрудниковъ былъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ, который завѣдывалъ иностранными дѣлами. Петръ лишился Головина еще въ 1706 году и сильно горевалъ о потерѣ «друга», какъ называлъ Головина. Обыкновенно бываетъ, что когда разныя дѣла только что начинаются, занятій по нимъ немного, то одинъ человѣкъ можетъ заниматься нѣсколькими дѣлами; такъ Головинъ

былъ и адмиралъ, и министръ иностранныхъ дѣлъ, и школами новоучрежденными завѣдывалъ; но съ теченіемъ времени каждое вѣдомство все больше и больше растетъ, работы становится больше, и на каждое вѣдомство нуженъ уже особый человѣкъ, а между тѣмъ и люди способные приготовляются. Такъ, по смерти Головина адмираломъ сталъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, а завѣдываніе иностранными дѣлами получилъ Гаврила Ивановичъ Головкинъ, который первый началъ носить названіе канцлера; помощникомъ его или вице-канцлеромъ былъ Шафировъ. Но, кромѣ этихъ двухъ главныхъ дѣльцовъ, при новомъ положеніи Россіи надобилось много способныхъ людей, чтобы быть въ послахъ у иностранныхъ дворовъ, оберегать выгоды Россіи, своимъ умомъ, искусствомъ съ честію представлять ее, внушать иностранцамъ уваженіе къ русскимъ людямъ; и такіе нашлись, благодаря умѣнью Петра выбирать людей: то были двое князей Долгорукихъ, Григорій Ѳедоровичъ и Яковъ Лукичъ, князь Куракинъ, Матвѣевъ, сынъ воспитателя царицы Натальи, Петръ Андреевичъ Толстой, Ягужинскій; послѣдній былъ человѣкъ очень незначительнаго происхожденія, но чрезвычайно способный въ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Изъ иностранцевъ, вступившихъ въ русскую службу, Петръ съ перваго же раза отличилъ человѣка необыкновенно искуснаго, образованнаго и неутомимаго, то былъ Остерманъ; ему Петръ поручилъ вести переговоры, слѣдствіемъ которыхъ былъ Ништадтскій миръ. Въ военномъ дѣлѣ, кромѣ фельдмаршаловъ Шереметева и Меншикова, были знамениты имена князей Михаила Михайловича Голицына, Репина, Василія Владиміровича Долгорукаго. У хорошихъ мастеровъ бываютъ и хорошіе ученики, и подлѣ названныхъ сотрудниковъ Петра Великаго подрастали молодые дѣятели, братья Бестужевы-Рюмины, Татищевъ, Неплюевъ и другіе, которые начали свою службу при Петрѣ, а продолжали ее съ пользою и славою послѣ, вплоть до Екатерины II. Самъ Петръ умѣлъ находить способныхъ людей, и сотрудники его, чтобы уго-

дить государю, старались также отыскивать способныхъ людей, учили какъ они должны поступать, чтобы заслужить милость царя, внушали имъ: «Будь исправенъ, будь проворенъ и говори правду, сохрани тебя Боже солгать, хотя бы что и худо было; государь больше разсердится, если солжешь».

Приготовленные, образованные люди были нужны для новыхъ учрежденій. До Петра Великаго для управленія и суда существовали приказы. Государь приказывалъ извѣстному лицу завѣдывать однимъ какимъ-нибудь дѣломъ или нѣсколькими дѣлами, иногда сходными, иногда совершенно разными, придавалъ ему въ помощь другого или двоихъ, для письмоводства назначались такъ называемые дьяки со своими помощниками или подьячими; въ отличіе отъ служилыхъ и военныхъ людей всѣ находившіеся въ гражданской службѣ назывались приказными людьми. Какъ откроется нужда въ какомъ-нибудь новомъ дѣлѣ, такъ и являлся особый приказъ. Къ концу XVII вѣка ихъ было больше 40; порядка въ распредѣленіи дѣлъ по приказамъ не было; въ иныхъ приказахъ вѣдались самыя различныя дѣла; также вмѣстѣ съ большими приказами, завѣдывавшими важными дѣлами, существовали приказы, завѣдывавшіе какимъ-нибудь самымъ ничтожнымъ дѣломъ. Вмѣсто этихъ приказовъ Петръ въ 1720 году учредилъ коллегіи, изъ которыхъ каждая завѣдывала какимъ-нибудь однимъ, опредѣленнымъ дѣломъ, напримѣръ, коллегія иностранныхъ дѣлъ завѣдывала сношеніями съ иностранными государствами, коллегія военная, коллегія морская, или адмиралтейская, коллегія юстиціи для судныхъ дѣлъ, коллегія для торговыхъ дѣлъ или коммерцъ-коллегія и т. д. Коллегіи состояли изъ нѣсколькихъ членовъ, старшій изъ которыхъ назывался предсѣдателемъ, или президентомъ, и всѣ дѣла обсуждались и рѣшались сообща; для наблюденія, чтобы дѣла шли правильно, въ каждой коллегіи находился прокуроръ, и всѣ эти прокуроры были подчинены генералъ-прокурору, находившемуся при Сенатѣ.

Петръ хотѣлъ улучшить управленіе и судъ въ областяхъ, сдѣлать такъ, чтобы правитель не былъ вмѣстѣ судьею, но встрѣтилъ неодолимое препятствіе въ недостаткѣ людей и денегъ, и его добрыя намѣренія остались указаніями для будущихъ временъ, когда можно было исполнить ихъ. Петръ завелъ перечисленія народа, или ревизіи, которыя должны были повторяться чрезъ извѣстное число лѣтъ, заведены были и метрическія книги. По первой ревизіи 1712 года въ Россіи оказалось податного состоянія только около 6 милліоновъ человѣкъ. Несмотря на такое малолюдство доходы сильно увеличились: въ 1710 году ихъ было 3 милліона, а въ 1725—десять милліоновъ. Перемѣненъ былъ порядокъ въ сборѣ податей: прежде собирали съ дворовъ, но при переписи дворовъ бывали большія злоупотребленія: изъ нѣсколькихъ дворовъ жители переходили въ одинъ, сламывали отдѣльныя ворота; поэтому при Петрѣ введена была подушная подать, которая вся шла на войско; войска было до 210.000; во флотѣ было 48 линейныхъ кораблей и до 1000 другихъ судовъ. Другіе расходы должны были покрываться другими доходами, которые увеличивались отъ усиленія торговли и промышленности. Торговля усиливалась отъ пріобрѣтенія морскихъ береговъ; въ 1724 году къ Петербургу уже пришло 240 иностранныхъ кораблей съ товарами; русскіе корабли стали плавать въ иностранныя гавани; первыми русскими кораблехозяевами были Бажениновы и Барсуковъ. Большою помѣхою для торговли были плохія дороги, которыя трудно было поправлять при такомъ малолюдствѣ обширной страны; осенью изъ Москвы въ Петербургъ ѣздили по пяти недѣль по причинѣ грязи и поломанныхъ мостовъ. При этомъ особенно важенъ былъ путь водою, по большимъ рѣкамъ, но надобно было, чтобы этотъ путь не прерывался, и Петръ велѣлъ проводить каналы: такъ соединено было Каспійское море съ Балтійскимъ каналомъ между рѣками Цною и Тверцою; прорытъ былъ Ладожскій каналъ.

Уже говорено было о томъ, какъ Петръ старался, чтобы,

по его словамъ, «Божіе благословеніе подъ землею втунѣ не пропадало»; вслѣдствіе этого старанія большіе металлическіе заводы явились въ разныхъ мѣстахъ, особенно въ странахъ пріуральскихъ. Большія услуги оказали этой про мышленности три человѣка: Виніусъ, Геннинъ и Татищевъ, котораго Петръ приготовилъ посылкою за границу для изученія горнаго дѣла. Сѣверная Россія была покрыта лѣсами, а въ южной былъ ихъ недостатокъ; Петръ принялъ мѣры для сохраненія старыхъ лѣсовъ и для разведенія новыхъ; онъ же первый указалъ и на каменный уголь, который долженъ былъ замѣнять дрова. Иностранцы и прежде вывозили изъ Россіи ленъ и пеньку; Петръ старался усилить льняной и пеньковый промыселъ «для всенародной пользы», для прибыли крестьянъ; много вывозилось изъ Россіи и кожъ, но выдѣлка ихъ была плохая, отчего и цѣна была малая: Петръ велѣлъ кожевеннымъ промышленникамъ, по нѣскольку человѣкъ отъ каждаго города, ѣхать въ Москву на два года учиться, какъ лучше выдѣлывать кожи, а въ отдаленныя губерніи отправлены были иностранные мастера учить этому искусству. Заведено было постоянное войско; надобно было его одѣть, а гдѣ взять сукна? покупать у иностранныхъ купцовъ, потому что въ Россіи суконныхъ фабрикъ не было. Петръ завелъ суконныя фабрики и съ восторгомъ писалъ, что дѣло идетъ хорошо и что сшилъ себѣ къ празднику кафтанъ изъ русскаго сукна. Но для выдѣлки хорошихъ суконъ нужна была хорошая шерсть, и Петръ выписалъ изъ-за границы овчаровъ, разослалъ по областямъ правила, какъ содержать овецъ. Для флота требовались парусныя фабрики, и онѣ были заведены. До Петра вся употреблявшаяся въ Россіи писчая бумага привозилась изъ-за границы: Петръ завелъ свои фабрики, и въ 1723 году во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ употреблялась бумага русскаго издѣлія. Къ концу царствованія Петра число фабрикъ и заводовъ въ Россіи простиралось до 233, и между фабрикантами видимъ почти все русскія имена. Трудно было начинать новыя производ-

ства, заводить фабрики: нѣтъ умѣнья и нѣтъ денегъ. Какъ мастеръ самъ начнетъ и потомъ дастъ ученику продолжать, такъ и Петръ учреждаетъ казенные фабрики и заводы, но не съ тѣмъ, чтобы оставить ихъ въ казнѣ. Сенатъ долженъ былъ заботиться о томъ, чтобы казенные фабрики и заводы переходили въ частныя руки, въ руки отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ компаній, и этой передачѣ обязаны были своимъ началомъ нѣкоторыя громадныя состоянія. Москва стала при Петрѣ главнымъ фабричнымъ городомъ въ Россіи, какъ Петербургъ сталъ главнымъ торговымъ городомъ.

ЧТЕНІЕ XIV.

О послѣднихъ дѣлахъ Петра Великаго. О томъ, что случилось послѣ его смерти до вступленія на престолъ дочери его Елисаветы Петровны и о дѣлахъ императрицы Елисаветы.

Петромъ Великимъ сдѣлано было все, чтобы бѣдному, малонаселенному государству дать возможность богатѣть, дать возможность казнѣ имѣть больше доходовъ, больше денегъ, и на эти деньги содержать войско, флотъ, которые даютъ безопасность и почетъ народу у другихъ народовъ. Но не одно богатство, не однѣ силы военныя составляютъ крѣпость народа; отъ богатства и роскоши, отъ надежды на одну силу военную народы терпятъ большія бѣды и погибаютъ. Чтобы народъ былъ крѣпокъ, не боялся никого и ничего, для этого надобно, чтобы у него была крѣпка религія и нравственность да просвѣщеніе, которое бы не мѣшало крѣпости вѣры и нравственности, а помогало бы ей. Петръ Великій до конца жизни, и все съ большимъ и большимъ усердіемъ, не переставалъ заботиться объ устройствѣ церкви, которая хранитъ вѣру и нравственность въ народѣ. Препятствія къ избранію достойнаго патріарха были прежнія: не было архіерея ученаго и вмѣстѣ пользовавшагося полнымъ уваженіемъ и

довѣріемъ царя и народа; притомъ Петръ зналъ изъ исторіи, какія бываютъ неудобства, когда церковь управляется однимъ человѣкомъ. Въ 1721 году Петръ объявилъ, что для исправленія чина духовнаго не видитъ лучшаго способа, кромѣ соборнаго правительства, вслѣдствіе чего и учреждалась духовная коллегія (Синодъ). Синодъ долженъ былъ имѣть въ виду: устройство духовенства, преимущественн~ чернаго, принятіе мѣръ противъ раскола и разныхъ суевѣрій, распространеніе религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ народѣ, изданіе необходимыхъ для этого книгъ. Многіе монастыри владѣли обширными имѣніями, и большіе доходы привлекали въ нихъ людей, которые шли въ монахи вовсе не для того, чтобы спасаться и служить для мірянъ примѣромъ нравственной чистоты, а для того, чтобы вести покойную и праздную жизнь, тогда какъ и безъ того было мало людей для службы и работы. Поэтому ограничено было число монаховъ и запрещено было постригать молодыхъ людей; часть монаховъ должна была посвятить себя занятію науками, чтобы было изъ кого брать образованныхъ архіереевъ; такъ какъ государство было еще не въ состояніи давать пенсіи престарѣлымъ и раненымъ воинамъ, то ихъ начали отсылать въ монастыри, которые обязаны были ихъ содержать; монахини въ нѣкоторыхъ монастыряхъ должны были заниматься воспитаніемъ сиротъ, въ другихъ рукодѣліемъ. Въ распоряженіяхъ относительно духовенства особенно помогалъ Петру псковскій архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, человѣкъ чрезвычайно способный, ученый и отличный проповѣдникъ.

Если надобно было заботиться, чтобы монастыри употребляли излишки своихъ доходовъ на доброе дѣло, то у бѣлаго духовенства такихъ излишковъ не было, оно было крайне бѣдно и въ заботахъ о прокормленіи своихъ семействъ не могло какъ слѣдуетъ исполнять своихъ обязанностей; здѣсь, наоборотъ, надобно было подумать, какъ бы сдѣлать бѣлое духовенство побогаче. Первою причиною

бѣдности бѣлаго духовенства была его многочисленность; священниковъ и дьяконовъ было больше, чѣмъ сколько было нужно, и назначались они безпорядочно, безъ спросу съ прихожанами; количество церквей въ городахъ увеличивалось также не по мѣрѣ потребности; каждый сколько-нибудь достаточный человѣкъ хотѣлъ имѣть свою церковь, не думая о томъ, можетъ ли онъ прилично содержать при ней священника съ причтомъ; онъ зналъ, что по обилію священниковъ онъ можетъ нанимать ихъ на площадяхъ (или крестцахъ), что составляло соблазнительное зрѣлище, а между тѣмъ приходское духовенство было бѣдно, не получая дохода отъ самыхъ значительныхъ домовъ, потому что въ нихъ были свои церкви. Поэтому, чтобы увеличить доходы духовенства, запрещено было имѣть домовыя церкви, а кто хочетъ имѣть ихъ долженъ содержать священника, да кромѣ того давать равное содержаніе и приходскому духовенству; запрещено было строить новыя церкви безъ позволенія, посвящать священниковъ и дьяконовъ лишнихъ; если кто станетъ просить посвященія или поставленія на извѣстное мѣсто, то велѣно допрашивать прихожанъ, хотятъ ли они имѣть просителя своимъ священникомъ или дьякономъ; наконецъ для облегченія бѣлаго духовенства снята съ него обязанность покупать себѣ домы: домы для него должны были покупать старосты церковные на сборныя церковныя деньги. Но главная забота Петра Великаго состояла въ томъ, чтобы духовенство было образовано, прежде посвященія прошло школу, знало; чему и какъ учить народъ. Разумѣется, этого вдругъ сдѣлать было нельзя, положено было только начало.

Петръ Великій не забылъ и тѣхъ русскихъ православныхъ людей, которые жили тогда подъ польскою державою и терпѣли сильное гоненіе отъ католиковъ. Польша отъ внутреннихъ безпорядковъ становилась все слабѣе и слабѣе; но чѣмъ слабѣе становилась Польша и чѣмъ сильнѣе становилась Россія, тѣмъ больше Поляки боялись Россіи,

особенно зная, сколько въ ихъ государствѣ русскихъ православныхъ людей, которые будутъ всегда желать добра своимъ. Поэтому Поляки употребляли всѣ старанія, чтобы какъ можно скорѣе ополячить Русскихъ, а для этого лучшее средство было сдѣлать ихъ католиками или сначала уніатами. Добровольно русскіе люди, какъ прежде, такъ и теперь, ни въ унію, ни въ католичество не шли, и потому принуждали ихъ къ этому всевозможными притѣсненіями. Этими притѣсненіями Поляки уничтожили всѣ православныя епархіи, кромѣ бѣлорусской или могилевской, но и той приходилось очень дурно. Могилевскій епископъ Сильвестръ пріѣхалъ въ Москву съ жалобами къ Петру на Поляковъ, которые палками обращаютъ православныхъ священниковъ въ унію; Петръ зналъ хорошо, что перепискою съ королемъ, который не имѣлъ никакой власти въ Польшѣ, ничего сдѣлать нельзя, и потому послалъ своего русскаго комиссара защищать православныхъ Русскихъ отъ обидъ, возвратить имъ отнятые монастыри и церкви. Поляки начали страшно кричать: «лучше бы намъ,—говорили они,—отдать церкви Туркамъ или Шведамъ, чѣмъ Русскимъ». Но Петръ не обращалъ никакого вниманія на эти крики, комиссаръ его остался въ Польшѣ, и гоненія утихли. Много было православныхъ Славянъ и въ другихъ чужихъ государствахъ, въ Австріи, Турціи. Какъ только Россія, единственное славянское и православное государство, усилилась при Петрѣ, занявъ важное, почетное мѣсто въ Европѣ, такъ одноплеменные и единовѣрные народы и стали обращаться къ ней со своими нуждами. Пріѣхалъ къ Петру сербскій архіепископъ съ просьбою прислать двоихъ учителей и книгъ церковныхъ: «Просвѣти и насъ,—писали Сербы,—какъ просвѣтилъ своихъ людей». Въ самой Россіи просвѣщеніе только начиналось, въ учителяхъ былъ большой недостатокъ, денегъ едва доставало на необходимыя нужды; но Петръ подѣлился послѣднимъ со своими, послалъ двухъ учителей съ большимъ жалованіемъ, послалъ и книги на 20 церквей.

Петръ употребилъ всѣ старанія, чтобы просвѣтить своихъ людей, и положилъ твердое начало этому просвѣщенію, сблизивши Русскихъ съ просвѣщенными народами, доказавши необходимость просвѣщенія для поддержанія силы и чести народа. До него только духовенство да люди, занимавшіеся письмоводствомъ, обязаны были знать грамотѣ; знатный человѣкъ, занимавшій важную должность, могъ не умѣть писать. Петръ потребовалъ отъ всѣхъ дворянъ, отъ всѣхъ людей, поступавшихъ на государственную службу, военную и гражданскую, образованія; дворянинъ неграмотный и незнавшій ариѳметики и геометріи объявлялся несовершеннолѣтнимъ, не имѣлъ права жениться. Недостатокъ людей полагалъ сильныя препятствія и просвѣщенію, ибо гдѣ было взять учителей? Посылали за границу молодыхъ людей; Петръ самъ экзаменовалъ ихъ по возвращеніи; высшія правительственныя мѣста набирали молодыхъ людей и учили ихъ, приготовляя для отправленія дѣлъ у себя; но этотъ наборъ былъ труденъ, некого было брать. Въ 1722 году многія мѣста въ управленіи оставались незанятыми, а нельзя было много пускать въ гражданскую службу, иначе армія и флотъ истощились бы. Петръ учредилъ въ Петербургѣ Академію, выписалъ для нея изъ-за границы отличныхъ ученыхъ; но при этомъ объявилъ, что въ Россіи нельзя слѣдовать тому, что принято въ другихъ государствахъ; тамъ ученыхъ много; одни составляютъ общество, которое занимается науками, старается дѣлать въ нихъ новыя открытія, и такое общество называется Академіею; другіе ученые преподаютъ высшія науки, и эта высшая школа называется университетомъ; третьи приготовляютъ молодыхъ людей къ высшимъ наукамъ, къ университету, и эти приготовительныя школы называются гимназіями. Но у насъ, говорилъ Петръ, одну академію нельзя учредить, потому что она не можетъ скоро распространить знанія въ народѣ; университеты также не для чего заводить, когда нѣтъ еще гимназій и семинарій; надобно, слѣдовательно, основать такое учрежденіе, ко-

торое бы изъ лучшихъ ученыхъ людей состояло, но эти ученые люди должны также обучать молодыхъ людей наукамъ публично (т.-е. читать лекціи, какъ въ университетѣ) и потомъ нѣкоторыхъ людей должны при себѣ обучать, чтобы они потомъ могли, въ свою очередь, обучать первымъ основаніямъ всѣхъ наукъ. Такимъ образомъ основанная Петромъ Великимъ академія была и академіею, и университетомъ, и школою для приготовленія учителей, или, какъ мы теперь называемъ, учительскимъ институтомъ. Такъ и должно было быть вначалѣ, когда, по недостатку людей, одни и тѣ же люди должны нѣсколько дѣлъ дѣлать; и въ учрежденіяхъ нѣсколько учрежденій соединяются; потомъ, съ теченіемъ времени, людей становится больше и дѣла больше, люди раздѣляютъ по себѣ занятія, каждый беретъ себѣ только одну какую-нибудь часть и ею занимается; изъ учрежденій выдѣляются также особыя части и составляютъ отдѣльныя учрежденія; такъ, изъ учрежденной Петромъ Великимъ академіи выдѣлились потомъ и университетъ, и гимназія, и учительскій институтъ. Это называется развитіемъ. Приведемъ примѣръ. Въ небольшомъ мѣстечкѣ одна только лавка, и все въ ней продается: и сахаръ съ чаемъ, и ситецъ, и лапти, и баранки. Станетъ мѣстечко увеличиваться, станутъ его жители богатѣть, появятся другія лавки, и въ каждой продается отдѣльный товаръ, уже нѣтъ такого смѣшенія какъ прежде; превратится мѣстечко въ большой и богатый городъ, еще больше станетъ раздѣленіе товаровъ между лавками; въ однѣхъ станутъ продавать только шелковыя матеріи, въ другихъ одно полотно и т. д. И купцы получаютъ выгоду, потому что на каждый товаръ покупателей много; а если бы купцы наѣхали въ маленькое мѣстечко и каждый завелъ лавку съ отдѣльнымъ товаромъ, непремѣнно обанкротились бы, потому что этотъ товаръ прежде бы сгнилъ, чѣмъ его раскупили. Развитіе идетъ всегда по одному закону, и мудрость состоитъ въ томъ, чтобы ему не мѣшать, а съ другой стороны не слишкомъ

его подгонять, не заводить ненужныхъ учрежденій, не навозить товара, когда покупателей нѣтъ. Мудрыя слова говорилъ Петръ Великій: «зачѣмъ намъ университеты заводить, когда у насъ гимназій и семинарій еще нѣтъ».

Много было мудрыхъ словъ сказано, много великихъ дѣлъ сдѣлано Петромъ. Такихъ трудовъ, какіе онъ совершилъ, отъ вѣка не было слыхано. Мы видимъ издали великія дѣла, мы имъ удивляемся, любуемся ими, а если посмотрѣть вблизи, чего все это стоило, какія огорченія, страданія долженъ былъ претерпѣть Петръ, прежде чѣмъ добиться чего хотѣлъ! «На душу Петру Алексѣевичу,—разсказываютъ современники,—по временамъ находила такая черная туча, что онъ запирался и никого не допускалъ къ себѣ». Много способныхъ людей вывелъ Петръ Великій и заставилъ ихъ работать съ большою пользою; но между этими людьми было много такихъ, которые не понимали главнаго, чего хотѣлъ Петръ, а именно, чтобы служить, имѣя въ виду общую пользу, а не частныя выгоды; было много такихъ, которые смотрѣли на службу, какъ на средство сытно кормиться, смотрѣли на подчиненныхъ и подсудимыхъ, какъ на людей, обязанныхъ ихъ кормить, смотрѣли на казенныя деньги, какъ на свои. Призывая народъ къ труду, къ бережливости, къ пожертвованіямъ, чтобы вывести Россію на новую, лучшую дорогу, сберегая каждую копейку, Петръ слышалъ громкія жалобы, что деньги, сбираемыя съ народа, идутъ не на общую пользу, а по частнымъ карманамъ, что народу недостаетъ суда справедливаго и скораго. Петръ твердилъ: «Презрѣніе законовъ равно измѣнѣ и еще хуже ея, ибо, заслышавъ объ измѣнѣ, всякъ остережется, а этого зла никто вскорѣ не почувствуетъ, но мало-по-малу все разорится. Всуе законы писать, когда ихъ не хранить, или ими играть какъ въ карты прибирая масть къ масти, чего нигдѣ въ свѣтѣ такъ нѣтъ, какъ у насъ было, и отчасти и еще есть и зѣло тщатся всякія мины чинить подъ фортеціею правды» (стараются всякіе подкопы дѣлать подъ крѣпость прав-

ды). Этихъ-то людей, которые вели подкопы подъ крѣпость правды, Петръ преслѣдовалъ неутомимо и переносилъ большое горе, потому что ему приходилось преслѣдовать людей близкихъ, любимыхъ.

Но, разумѣется, самое большое горе перенесъ Петръ, когда долженъ былъ преслѣдовать родного сына. Петра женили въ ранней молодости на Евдокіи Ѳеодоровнѣ Лопухиной, и онъ испыталъ на себѣ ту невыгоду стараго обычая, отъ котораго хотѣлъ потомъ освободить своихъ подданныхъ, назначивши время для знакомства между женихомъ и невѣстою. Между Петромъ и Евдокіею пошли несогласія, и Евдокія была пострижена въ монахини, а Петръ потомъ женился въ другой разъ на Екатеринѣ Алексѣевнѣ Скавронской или Сковородской, родомъ изъ западной Россіи или Литвы; она была взята по бѣдности на воспитаніе однимъ лифляндскимъ пасторомъ и вмѣстѣ съ нимъ попалась въ плѣнъ къ Русскимъ. Екатерина отличалась умомъ, ровностію характера, присутствіемъ духа, неутомимостью, совершенно пришлась по мужу, не отставала отъ него ни на войнѣ, ни въ мирѣ, ѣздила за нимъ въ его далекихъ и трудныхъ странствованіяхъ. Но отъ перваго брака остался сынъ и наслѣдникъ, цесаревичъ Алексѣй. Сынъ вышелъ не въ отца, былъ тяжелъ на подъемъ, неспособенъ къ постоянному, сильному труду, любилъ сидѣть дома съ людьми, къ которымъ привыкъ. Отецъ работалъ безъ устали, видѣлъ, какъ уже зрѣли плоды трудовъ его, но чувствовалъ приближеніе старости и слышалъ страшные голоса: «Умретъ и все погибнетъ съ нимъ. Россія возвратится въ прежнее ничтожество, потому что сынъ не только не пойдетъ по дорогѣ отцовской, но и станетъ разрушать сдѣланное отцомъ». Петръ, разумѣется, не требовалъ отъ сына такихъ же способностей, какія имѣлъ самъ, онъ требовалъ только охоты. Въ тѣхъ занятіяхъ, которыя были необходимы для продолженія начатаго дѣла, необыкновенныхъ способностей было не нужно, потому что самое трудное дѣло было сдѣлано,

начало было положено. Но въ сынѣ не было охоты къ отцовской дѣятельности, было отвращеніе отъ нея. Отецъ требуетъ отъ сына, чего послѣ Ништадтскаго мира требовалъ отъ всѣхъ русскихъ людей, чтобы, видя успѣхъ, не складывали рукъ, не успокаивались, потому что отъ такого успокоенія государства падаютъ; сынъ считаетъ мученіемъ этотъ призывъ отцовскій къ труду, онъ только тогда и былъ доволенъ, когда находился вдали отъ отца. Алексѣй былъ женатъ на брауншвейгской принцессѣ Софіи, но жилъ не согласно съ женою, и она скоро умерла, оставивъ двоихъ дѣтей, сына и дочь. Алексѣй продолжалъ вести себя попрежнему. Тогда Петръ счелъ своею обязанностію спасти будущность Россіи, пожертвовавъ сыномъ. Онъ писалъ ему: «Я за свое отечество и за людей жизни не жалѣлъ и не жалѣю, то какъ могу тебя негоднаго пожалѣть?» Петръ потребовалъ отъ сына, чтобы тотъ или перемѣнилъ свое поведеніе, или отрекся отъ престола и постригся въ монахи, иначе на отреченіе нельзя было полагаться. Алексѣй обѣщалъ исправиться, но вмѣсто того убѣжалъ за границу, отдался подъ покровительство нѣмецкаго императора, призвалъ чужого государя въ судьи между собою и отцомъ. Алексѣя возвратили и, по его показаніямъ, вскрылся обширный злой умыселъ, въ которомъ участвовала и мать Алексѣя, бывшая царица Евдокія, которая уже сняла съ себя монашеское платье и мечтала опять быть царицею, понадѣявшись на лживыя предсказанія, и сестра Петра, царевна Марья Алексѣевна, очень значительные духовные и свѣтскіе люди. Царевичъ умеръ въ Петербургской крѣпости: это случилось въ 1718 г.

Послѣ Ништадтскаго мира Петръ долженъ былъ вести новую войну совсѣмъ на другомъ концѣ. Желая обогатить Россію торговлею, онъ внимательно слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлается на Востокѣ, въ Азіи, съ которою у Россіи велась торговля, и торговля эта должна была, по мысли Петра, все больше и больше усиливаться. Но вотъ онъ получаетъ вѣсти, что Персія, съ которою русскіе купцы вели боль-

шую торговлю, готова разрушиться отъ внутренней слабости, что сосѣди уже дѣлятъ добычу и что самая большая доля добычи должна достаться Турціи. Петръ никакъ не могъ позволить, чтобы Турки усилились и утвердились на Каспійскомъ морѣ, и потому самъ предпринялъ походъ на берега этого моря. Война кончилась, когда русскія войска заняли западный берегъ Каспійскаго моря и Персіяне уступили его Россіи въ 1723 году.

Это былъ послѣдній военный подвигъ Петра Великаго. Уже давно страдалъ отъ тяжкою болѣзнію. 6 января 1725 года, при обрядѣ водоосвященія, онъ простудился и 28 числа скончался.

Иностранцы говорили, что дѣло Петра Великаго кончится вмѣстѣ съ нимъ, что онъ насильно заставилъ свой народъ учиться, что по смерти его Русскіе, сами по себѣ неспособные къ образованности, все бросятъ, все позабудутъ, станутъ жить попрежнему, какъ жили до Петра Великаго, когда они не знали Европы и Европа ихъ не знала. Но русскій народъ доказалъ, что онъ способенъ къ образованности, къ европейской жизни, что дѣла Петра Великаго пошли ему въ прокъ и онъ отъ нихъ не откажется и не ослабѣетъ при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Обстоятельства дѣйствительно были неблагопріятны по смерти Петра Великаго. Послѣ него царствовала супруга его, Екатерина I-я Алексѣевна, но царствовала только два года, скончалась въ маѣ 1727 года въ Петербургѣ, гдѣ постоянно жила. Послѣ нея вступилъ на престолъ Петръ II-й Алексѣевичъ, внукъ Петра Великаго, сынъ несчастнаго царевича Алексѣя, но и Петръ II-й трехъ лѣтъ не процарствовалъ, скончался въ январѣ 1730 года въ Москвѣ, куда пріѣхалъ на коронацію и гдѣ хотѣлъ навсегда остаться. Во время болѣзни Екатерины I-й и при Петрѣ II, который самъ не могъ управлять по несовершеннолѣтію, образовались партіи; знатные люди спорили другъ съ другомъ, кому быть главнымъ, кому управлять, свергали другъ друга, ссылали въ ссылку. Такъ свергнутъ былъ и сосланъ

въ Сибирь знаменитый любимецъ Петра Великаго, князь Александръ Даниловичъ Меньшиковъ, который забралъ себѣ большую силу въ концѣ царствованія Екатерины и въ началѣ царствованія Петра II, держалъ молодого императора въ своемъ домѣ и обручилъ его съ своею дочерью; и самъ Меньшиковъ, когда былъ въ силѣ, сослалъ въ ссылку графа Петра Толстого и нѣкоторыхъ другихъ сотрудниковъ Петра Великаго. По смерти Петра II изъ царской фамиліи остались: дочь Петра Великаго, цесаревна Елисавета Петровна, внукъ Петра Великаго отъ старшей дочери его, Анны Петровны, бывшей замужемъ за герцогомъ Голштинскимъ, да три племянницы Петра Великаго, дочери царя Іоанна Алексѣевича. Вельможи обошли дочь и внука Петра Великаго и призвали на престолъ старшую дочь царя Іоанна, Анну, вдовствующую герцогиню Курляндскую, которая, короновавшись въ Москвѣ, переѣхала въ Петербургъ и оставалась тамъ до самой кончины своей. Царствованіе Анны Іоанновны было несчастливо. Самымъ довѣреннымъ у нея человѣкомъ былъ Нѣмецъ Биронъ, котораго она привезла изъ Курляндіи. Этотъ Биронъ о Россіи не заботился, заботился только о самомъ себѣ. Знаменитыхъ русскихъ вельможъ, сотрудниковъ Петра Великаго, оставалось уже немного; были двѣ самыя знатныя фамиліи князей Голицыныхъ и князей Долгорукихъ. Самый главный изъ Голицыныхъ князь Дмитрій Михайловичъ, былъ посаженъ въ крѣпость, и главные изъ Долгорукихъ были переказнены или сосланы, казненъ былъ сотрудникъ Петра Великаго, очень способный человѣкъ Волынскій; дворяне и крестьяне страдали отъ строгаго взыскиванія недоимокъ во время неурожая; была война съ Турками, которая взяла много народу и денегъ, и хотя ведена была со славою фельдмаршаломъ Минихомъ, однако кончилась безъ пользы для Россіи. Отъ этого царствованія Анны Іоанновны время Бирона, Бироновщина, оставило по себѣ печальную память; было бы еще хуже, если бы не умный, искусный министръ Остерманъ, принятый, какъ и Минихъ, на службу Петромъ Великимъ.

У Анны Іоанновны не было дѣтей, была одна племянница отъ сестры Екатерины Іоанновны, герцогини Мекленбургской, Анна Леопольдовна. Анну Леопольдовну выдали замужъ за принца Антона Брауншвейгскаго; отъ этого брака родился Іоаннъ Антоновичъ въ 1740 году, и въ томъ же году умерла императрица Анна, назначивъ новорожденнаго Іоанна Антоновича своимъ преемникомъ, а за его малолѣтствомъ Бирона правителемъ или регентомъ. Тутъ наступили большія смуты: Бирона свергнулъ Минихъ и объявилъ правительницею Анну Леопольдовну; Анна Леопольдовна удалила Миниха, но сама управлять не умѣла, разссорилась съ мужемъ и съ Остерманомъ. Дѣла пришли въ страшное разстройство; этимъ хотѣли воспользоваться Шведы и объявили войну Россіи. Отъ такихъ бѣдъ Россія была избавлена дочерью Петра Великаго, цесаревною, которая приняла сама начальство надъ войскомъ и 25 ноября 1741 года провозгласила себя императрицею. Анна Леопольдовна съ мужемъ и дѣтьми отправлена была въ ссылку. Императрица Елисавета вызвала изъ Голштиніи племянника своего, Петра Ѳедоровича, и объявила его наслѣдникомъ русскаго престола.

До Елисаветы, несмотря на смуты и частыя перемѣны правительственныхъ лицъ, сдѣланное Петромъ Великимъ удержалось съ нѣкоторыми очень незначительными перемѣнами. Со вступленіемъ на престолъ его дочери все было возстановлено такъ, какъ было при немъ. Елисавета умѣла окружать себя способными русскими людьми; тутъ были немногіе оставшіеся отъ Петровскаго времени старики, хранившіе преданія великаго императора; тутъ было и новое поколѣніе, которое воспитывалось въ этихъ преданіяхъ и старалось все больше и больше увеличивать силу Россіи средствами, указанными Петромъ Великимъ, т.-е. просвѣщеніемъ. При Елисаветѣ воспитался и хорошо воспитался на военной и гражданской службѣ цѣлый рядъ людей, которые были знамениты и при ней, и послѣ нея.

При Елисаветѣ 30 сентября 1744 года изданъ былъ

указъ—не казнить никого смертію; указъ остается въ силѣ до сихъ поръ, кромѣ случаевъ государственныхъ преступленій и военнаго суда. Въ 1754 году всѣ были обрадованы избавленіемъ отъ страшной тяжести, отъ внутреннихъ таможенъ, которыя мѣшали торговлѣ и разрывали русскую землю на множество отдѣльныхъ земель; продавцы необходимыхъ и дешевыхъ товаровъ при провозѣ ихъ должны были безпрестанно останавливаться и платить; вмѣстѣ съ внутренними таможнями уничтожено 17 мелкихъ сборовъ. Денегъ еще мало было въ народѣ; если бы помѣщикъ захотѣлъ сдѣлать какое-нибудь улучшеніе въ хозяйствѣ, а своихъ денегъ у него не было, то занять было негдѣ; а если бы кто-нибудь и далъ, то за большіе проценты, за 15, за 20 процентовъ, что отнимало всякую охоту заниматься хозяйственными улучшеніями; купецъ, который еще чаще имѣетъ нужду занимать деньги для своихъ оборотовъ, также долженъ былъ платить большіе проценты. Чтобы облегчить помѣщиковъ и купцовъ, заведены были отъ казны два банка, дворянскій и купеческій; изъ одного дворяне, изъ другого купцы могли брать взаймы деньги только за шесть процентовъ. Большія непріятности были отъ того, что земли были плохо размежеваны; отсюда споры и сильныя, иногда кровопролитныя драки на межахъ; чтобы прекратить это, положено было начало генеральному межеванію. Для облегченія народа при рекрутскихъ наборахъ вся Россія была раздѣлена на пять частей, такъ что очередь поставки рекрутъ доходила до каждаго общества и селенія черезъ пять лѣтъ. Народа было мало сравнительно съ землею, пустыхъ мѣстъ много; нынѣшнія Новороссійскія губерніи Екатеринославская и Херсонская—представляли тогда пустую степь; здѣсь на границѣ съ Малороссіей позволили поселиться православнымъ сербамъ изъ Австріи; потомъ тутъ же позволено селиться и выходцамъ изъ Турціи, но только людямъ православнаго исповѣданія. Поселенія эти были военныя, что было и нужно на границѣ.

ЧТЕНІЕ XV

О томъ, что было сдѣлано при императрицѣ Елисаветѣ для просвѣщенія.—О томъ, какія войны были при императрицѣ Елисаветѣ. — Объ императорѣ Петрѣ III.—О царствованіи императрицы Екатерины II.

Въ распоряженіяхъ, о которыхъ говорилось въ прошломъ чтеніи, главное участіе принималъ сенаторъ графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ; родственникъ его, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, отличался своею образованностью и заботами о распространеніи просвѣщенія въ Россіи. По его старанію въ 1755 году основанъ былъ первый русскій университетъ въ Москвѣ и при немъ двѣ гимназіи. Въ Москвѣ университетъ учреждался потому, что городъ этотъ находился въ серединѣ государства и потому, что въ Москвѣ было жить дешево. Московскій университетъ представилъ о необходимости учредить академію художествъ въ Петербургѣ и гимназію въ самомъ значительномъ городѣ на востокѣ, въ Казани. Къ царствованію Елисаветы относятся и первые успѣхи русской словесности. При Петрѣ Великомъ, когда образованіе только что начиналось и прежде всего нужны были учебныя книги, мы видѣли, какъ трудно было составлять ихъ на русскомъ языкѣ или переводить съ иностранныхъ языковъ на русскій, потому что науки въ Россіи прежде не было и на русскомъ языкѣ ученыхъ книгъ не писалось,—онъ не былъ для этого обработанъ, приготовленъ. Мы видѣли, какъ Петръ Великій заботился о томъ, чтобъ переводы были хороши, понятны; и послѣ него объ этомъ заботились; но чтобы создать хорошій языкъ, на которомъ можно было бы обо всемъ хорошо, понятно писать, для этого нужны особенно даровитые писатели и ученые, мастера, художники словесные. Въ тридцатыхъ годахъ въ Московскомъ Заиконоспасскомъ училищѣ, въ низшихъ классахъ, на одной скамьѣ съ маленькими мальчиками, сидѣлъ молодой человѣкъ лѣтъ двад-

цати. Маленькіе товарищи смѣялись надъ нимъ, кричали: «Смотри, какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ по-латыни учиться». Молодой человѣкъ не обращаетъ вниманія на насмѣшки и учится, претерпѣвая сильную нужду, получая по три копейки въ день жалованья: на денежку покупалъ хлѣба, на денежку квасу и этимъ питался, остальныя деньги шли на бумагу, платье и обувь. Отъ чего же онъ такъ поздно поступилъ въ училище? Онъ родился на крайнемъ сѣверѣ, на берегахъ Бѣлаго моря, былъ крестьянскій сынъ; случайно досталъ кое-какія книги, пристрастился къ наукѣ, захотѣлъ во что бы то ни стало быть ученымъ и тайкомъ изъ отцовскаго дома убѣжалъ въ Москву, въ училище, и сѣлъ за латинскую грамматику вмѣстѣ съ маленькими мальчиками. То былъ сынъ холмогорскаго рыбака, Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ.

Тяжело досталось ученье холмогорскому крестьянину; но прежде него уже прошелъ по Россіи Петръ Великій, проповѣдуя, что Россіи нужна наука, нужны ученые люди. Уже была академія наукъ, которая собирала по училищамъ способныхъ, прилежно занимавшихся учениковъ и отправляла ихъ за границу оканчивать тамъ ученье. Ломоносовъ попалъ въ это число, поѣхалъ за границу изучать горное дѣло. И науками онъ занимался отлично, и когда узналъ въ 1739 году, что русское войско взяло турецкую крѣпость Хотинъ, то написалъ по этому случаю стихи, оду, и прислалъ въ Петербургъ. Никто до сихъ поръ не писалъ такихъ хорошихъ стиховъ. Ломоносовъ возвратился изъ-за границы и былъ опредѣленъ профессоромъ химіи при академіи наукъ. Но Ломоносовъ не ограничился одною химіею, онъ занимался и другими естественными науками и съ такимъ успѣхомъ, что знаменитые иностранные ученые дивились рѣдкому уму русскаго ученаго. Но и этого мало: Ломоносовъ написалъ русскую грамматику, реторику и, что всего важнѣе, въ своихъ стихотвореніяхъ, рѣчахъ, которыя онъ говорилъ въ торжественныхъ случаяхъ въ академіи, въ ученыхъ разсужденіяхъ и руководствахъ,

онъ представилъ образцы русскаго языка, создалъ русскій языкъ для науки и литературы.

Послѣ Ломоносова въ царствованіе Елисаветы былъ знаменитъ другой русскій писатель, Сумароковъ, который преимущественно прославился своими трагедіями и комедіями; за комедіи его называли «бичомъ пороковъ». Мы видѣли, что Петръ Великій учредилъ въ Москвѣ общенародный театръ; но театръ этотъ не могъ долго держаться: русскихъ піесъ не было и русскій языкъ не былъ еще обработанъ для перевода иностранныхъ трагедій и комедій; но теперь, когда явились русскія піесы и языкъ образовался, то опять явился и утвердился уже и общенародный русскій театръ. Ярославскій купецъ Волковъ, набравши охотниковъ, сталъ играть русскія піесы въ своемъ городѣ и съ большимъ успѣхомъ. Когда узнали объ этомъ при дворѣ, то Волкова съ товарищами вызвали въ Петербургъ, и здѣсь въ 1756 году учрежденъ былъ публичный русскій театръ, а потомъ Волковъ былъ отправленъ въ Москву для учрежденія и тамъ театра. При Петрѣ Великомъ начали издаваться первыя русскія газеты, а при Елисаветѣ Петровнѣ явились первые русскіе литературные журналы, собранія разныхъ статей для пользы и удовольствія читателямъ. Первымъ такимъ журналомъ были: «Ежемѣсячныя сочиненія», которыя издавались при Академіи Наукъ.

При Елисаветѣ Петровнѣ были двѣ войны, въ началѣ царствованія и въ концѣ. Мы видѣли, что еще до вступленія Елисаветы на престолъ Шведы, желая воспользоваться смутами въ Россіи, объявили ей войну. Война продолжалась и по вступленіи на престолъ Елисаветы и съ большимъ успѣхомъ для Русскихъ, которые брали городъ за городомъ въ Финляндіи. Шведы, начиная войну, надѣялись отобрать у Россіи завоеванія Петра Великаго, а вмѣсто того принуждены были въ 1743 году заключить въ Абовѣ миръ и уступить еще Россіи часть Финляндіи по рѣчку Кюмень. Другая война была съ Пруссіею. Въ Пруссіи въ

это время былъ королемъ Фридрихъ II, который хотѣлъ во что бы то ни стало увеличить свое государство и сдѣлать его однимъ изъ главныхъ въ Европѣ, и для достиженія этой цѣли не разбиралъ средствъ; онъ напалъ на государыню австрійскихъ земель Марію-Терезію безо всякой причины и отнялъ у нея одну изъ самыхъ важныхъ и богатыхъ ея областей, Силезію. Другія государства Европы увидали, что надобно остановить Фридриха II-го, иначе никто не будетъ отъ него безопасенъ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ необыкновенно искусный полководецъ. Россія видѣла въ Фридрихѣ II такъ же очень опаснаго сосѣда, которому нельзя было давать усилиться на счетъ слабыхъ государствъ, и потому сблизилась съ Австріею. Когда въ 1756 году Фридрихъ II-й, чтобы удобнѣе воевать съ Австріею, напалъ нечаянно на Саксонію и овладѣлъ ею, императрица Елисавета, исполняя союзный договоръ съ Австріею, двинула свое войско въ Пруссію и такимъ образомъ приняла участіе въ сильной войнѣ, которая называется Семилѣтнею. Самое замѣчательное дѣло русскаго войска въ этой войнѣ было 1-го августа 1759 года между Франкфуртомъ на Одерѣ и Кунерсдорфомъ, гдѣ подъ начальствомъ графа Петра Семеновича Салтыкова оно страшно поразило самого Фридриха II; въ слѣдующемъ 1760 году русское войско заняло Берлинъ, столицу прусскаго государства. Когда Фридрихъ II, особенно вслѣдствіе участія Россіи въ войнѣ, доведенъ былъ до самаго печальнаго положенія, императрица Елисавета скончалась 25 декабря 1761 года, на 53 году отъ рожденія.

Преемникъ Елисаветы, Петръ III Ѳедоровичъ, очень любилъ и уважалъ Фридриха II-го и потому не только заключилъ съ нимъ миръ, но и союзъ, не потребовавши за это никакого вознагражденія. Петръ Ѳедоровичъ царствовалъ только полгода; онъ отказался отъ престола въ пользу супруги своей, Екатерины Алексѣевны (урожденной принцессы Ангальтъ-Цербстской), вскорѣ послѣ чего постигла его смерть, 6 іюля 1762 года.

Екатерина II взошла на престолъ при счастливыхъ обстоятельствахъ; самый умный, искусный и честолюбивый государь въ Европѣ, прусскій король Фридрихъ II, былъ страшно истощенъ семилѣтнею войною, особенно благодаря участію въ ней Россіи; поэтому онъ не былъ больше опасенъ и старался дѣйствовать согласно съ Россіею; другія сильныя государства, Австрія, Франція, были также истощены семилѣтнею войною и не были опасны; притомъ во время семилѣтней войны образовались отличные русскіе генералы—Румянцевъ, Суворовъ и другіе. Къ счастію для Россіи, Екатерина II умѣла пользоваться благопріятными обстоятельствами, возвысила Россію на степень первой державы въ Европѣ и пріобрѣла для Россіи чрезвычайно важныя и полезныя земли. По восшествіи своемъ на престолъ Екатерина отказалась отъ всякой войны, чтобъ заняться внутренними важными дѣлами. Сама государыня и лучшіе русскіе люди въ это время думали, что самымъ важнымъ дѣломъ было народное воспитаніе. «Самое надежное средство сдѣлать людей лучшими—это усовершенствовать воспитаніе», говорила Екатерина. Ко времени Екатерины русскіе люди, благодаря распространенію просвѣщенія, привычкѣ думать, наблюдать и читать, что другіе народы надумали, пришли къ такому убѣжденію, что мало человѣка выучить разнымъ наукамъ, надобно его воспитать, сдѣлать хорошимъ человѣкомъ, чтобы онъ свое знаніе не употребилъ во зло, а употребилъ въ пользу себѣ и другимъ. «Корень всему злу и добру—воспитаніе, говорили они: одинъ украшенный науками разумъ не дѣлаетъ еще добраго и прямого гражданина, но во многихъ случаяхъ даже вреденъ бываетъ, если кто отъ самаго дѣтства не воспитанъ въ добродѣтеляхъ, твердо онѣ на сердцѣ его не вкоренены». Признавши необходимость хорошаго воспитанія, признали необходимымъ, чтобъ воспитатели были русскіе, потому что воспитатели должны замѣнять родителей, а дѣти не могутъ признавать иностранцевъ своими родителями, иностранцы не могутъ сходиться съ воспитанниками своими въ

религіи и обычаяхъ народныхъ. Съ цѣлью лучшаго воспитанія были учреждены въ Петербургѣ и Москвѣ женскіе институты и обширные воспитательные дома. Больше другихъ занимался воспитательными домами Иванъ Ивановичъ Бецкій.

Петръ Великій указалъ на необходимость устроить иначе содержаніе монастырей; послѣ него все больше и больше убѣждались, что не монашеское дѣло управлять деревнями и крестьянами, когда видѣли большіе безпорядки въ этомъ управленіи, волненія крестьянъ монастырскихъ, необходимость усмирять ихъ оружіемъ, жестоко наказывать. Екатерина въ первые же годы своего царствованія покончила дѣло. Въ это время крестьянъ, принадлежащихъ монастырямъ и архіерейскимъ домамъ, было слишкомъ 910.000; одна Троицкая лавра владѣла больше чѣмъ 120.000 крестьянъ. Всѣ эти имѣнія были взяты у монастырей и архіерейскихъ домовъ; доходы съ нихъ раздѣлены на двѣ части: одна пошла на содержаніе монастырей и архіерейскихъ домовъ, на денежное жалованье архіереямъ, монахамъ и служащимъ въ церковномъ управленіи, другая назначена на содержаніе духовныхъ училищъ и благотворительныхъ заведеній, госпиталей, инвалидныхъ домовъ.

Для населенія пустынныхъ окраинъ вызваны были иностранные колонисты; для сохраненія жизни и здоровья народа увеличено число лѣкарей и аптекарей. Самою губительною болѣзнью была оспа; изобрѣтено было средство противъ нея—оспопрививаніе; но, несмотря на очевидную дѣйствительность этого средства, въ другихъ европейскихъ государствахъ оказывалось ему сильное сопротивленіе, духовенство, самые медики противились его введенію. Императрица Екатерина приказала ввести оспопрививаніе въ Россіи и, чтобы подать примѣръ другимъ, привила оспу себѣ и четырнадцатилѣтнему единственному сыну своему, наслѣднику престола Павлу Петровичу; оспопрививаніе распространилось по всей Россіи безпрепятственно.

Чтобы лучше познакомиться съ обширною Россіею, импе-

ратрица Екатерина предпринимала далекія путешествія на востокъ до Казани. Для ознакомленія со своимъ народомъ, съ его понятіями, образомъ мыслей она придумала другое средство. Давно уже слышались сильныя жалобы на неудовлетворительность русскихъ законовъ; начиная съ Петра Великаго, въ каждое царствованіе принимались разныя мѣры какъ бы помочь дѣлу, составить полное уложеніе, но дѣло было очен' трудное и не шло впередъ. Екатерина, отличаясь необыкновенною любознательностью, читала всѣ лучшія книги и переписывалась съ ихъ сочинителями; она знала все, что было написано о законахъ, о томъ, какіе они должны быть, сама написала наказъ, общія правила, какимъ должно было слѣдовать при составленіи уложенія; напримѣръ, императрица требовала, чтобы наказанія за преступленія не были жестоки, потому что въ человѣкѣ есть стыдъ, который дѣйствуетъ сильнѣе бича, безчестіе, соединенное съ наказаніемъ, должно считаться хуже всякаго наказанія, а чтобы это дѣйствительно такъ было, надобно утвердить въ народѣ хорошее воспитаніе и распространить въ немъ просвѣщеніе. Должно отмѣнить всѣ наказанія, которыми можно изуродовать тѣло человѣческое; должно отмѣнить пытку по ея безсмысленности: невинный, но слабый сложеніемъ человѣкъ не стерпитъ пытки и признается въ томъ, въ чемъ вовсе не виноватъ, а крѣпкій, здоровый злодѣй вытерпитъ боль, не признается и избѣгнетъ наказанія.

Чтобы познакомить народъ со своимъ наказомъ, внушить ему свои правила и въ то же время чтобы познакомиться съ понятіями и взглядами народа, которые въ такомъ обширномъ государствѣ были чрезвычайно различны, Екатерина въ 1767 году собрала въ Москвѣ депутатовъ или выборныхъ отъ сената, синода, коллегій и другихъ присутственныхъ мѣстъ, отъ дворянъ каждаго уѣзда, отъ жителей каждаго города, отъ военныхъ, отъ крестьянъ, отъ инородцевъ, крещеныхъ и некрещеныхъ, какихъ много на окраинахъ Россіи; каждый депутатъ получалъ отъ своихъ

избирателей письменное наставленіе, чего просить, въ чемъ ихъ общество нуждалось. Собраніе этихъ депутатовъ называлось комиссіею для сочиненія плана новаго уложенія.

Турецкая война помѣшала работамъ комиссіи: депутаты, между которыми было много военныхъ, поѣхали въ армію. Несмотря на то, императрица была довольна комиссіею: «Комиссія, говорила Екатерина, подала мнѣ свѣдѣнія о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣю и о комъ пещись должно; узнавши наказъ, стали знать волю законодателя и по ней поступать».

Война, какъ обыкновенно бываетъ, помѣшала внутреннимъ дѣламъ. Началась война съ турками, но поводъ къ ней подала Польша. Здѣсь умеръ король Августъ III, а такъ какъ правленіе въ Польшѣ было избирательное, то и начались выборы новаго короля; начались ссоры между вельможами, одни хотѣли одного, другіе другого; вмѣшались чужія государства, потому что имъ также хотѣлось однимъ одного, другимъ другого; наконецъ выбрали въ короли своего же польскаго вельможу, Станислава Понятовскаго, котораго поддерживала Россія. Казалось бы, что будетъ миръ и союзъ съ такимъ королемъ, котораго хотѣла Россія и который былъ ей обязанъ престоломъ; но вышло иначе. Мы видѣли, что Поляки хотѣли, во что бы то ни стало ополячить всѣхъ русскихъ въ Бѣлоруссіи, Литвѣ, въ Подоліи, на Волыни, въ Галиціи, ополячить, сдѣлавши ихъ католиками. Петръ Великій помѣшалъ было этому, отправивъ въ Польшу своего комиссара для защиты православныхъ; но послѣ него такой силы у Россіи не было, комиссаръ былъ выведенъ, и русскіе государи подавали только польскому правительству жалобы чрезъ своихъ посланниковъ; но на эти жалобы не обращалось никакого вниманія, и гоненіе на православныхъ русскихъ продолжалось. Екатерина II, любившая подражать Петру Великому и умѣвшая это дѣлать, хотѣла и въ Польшѣ въ защиту русскихъ людей возобновить его образъ дѣй-

ствій. Когда въ 1763 году православный епископъ Бѣлорусскій Георгій Конисскій подалъ императрицѣ жалобу на жестокія притѣсненія православныхъ отъ католиковъ, то она потребовала отъ польскаго правительства, чтобы гоненія прекратились и чтобы православные имѣли одинакія права съ католиками; Пруссія пристала къ Россіи и потребовала, чтобы и протестанты получили также одинакія права; такъ какъ иновѣрцы въ Польшѣ, и православные и протестанты, назывались латинскимъ словомъ диссиденты, то все это дѣло и называется въ исторіи диссидентскимъ дѣломъ, диссидентскимъ вопросомъ. Правительство польское, хотя и неохотно, однако уступило требованію Россіи и Пруссіи; но нѣсколько частныхъ людей собрали вооруженныя толпы, чтобы уничтожить рѣшеніе правительства, объявляя, что Россія притѣсняетъ въ Польшѣ вѣру и свободу. Такія вооруженныя сборища въ Польшѣ назывались конфедераціями и члены ихъ конфедератами. Императрица, по просьбѣ самого польскаго правительства, велѣла своему войску усмирить этихъ конфедератовъ. Конфедераты одни, разумѣется, не могли и думать успѣшно биться съ русскими войсками и потому искали помощи у иностранныхъ дворовъ; имъ удалось уговорить Турцію объявить Россіи войну, которая началась въ 1768 году тѣмъ, что крымскіе татары опустошили Новую Сербію, пограничную область, населенную при императрицѣ Елисаветѣ сербскими выходцами.

Россія никакъ не ожидала этой войны, не была къ ней готова и, несмотря на то, въ слѣдующемъ же 1769 году Русскіе взяли крѣпость Хотинъ. Въ 1770 году генералъ Петръ Александровичъ Румянцевъ поразилъ стотысячное войско крымскаго хана на берегу рѣчки Ларги, а потомъ 21 іюля одержалъ блистательную побѣду и надъ турецкимъ войскомъ при Кагулѣ: у Румянцева при этомъ было не больше 17.000 человѣкъ, а у турокъ 150.000. Въ то же время русскій флотъ изъ Балтійскаго моря переплылъ въ Средиземное море и Архипелагъ подъ начальствомъ графа

Алексѣя Григорьевича Орлова. 24 іюня произошелъ страшный бой въ Хіосскомъ заливѣ; турецкій флотъ скрылся въ Чесменскую гавань, но русскій флотъ напалъ на него здѣсь и сжегъ. Въ 1771 году оба берега Дуная были заняты русскими войсками; съ другой стороны, князь Василій Михайловичъ Долгорукій въ двѣ недѣли занялъ весь Крымъ, это разбойничье гнѣздо, откуда въ продолженіе столькихъ вѣковъ татары нападали на Россію, жгли наши города и села, самую Москву, выводили множество плѣнныхъ. Большая была разница между старою и новою Россіею: бывало въ старину гонецъ за гонцомъ скакалъ въ Москву съ извѣстіями о приближеніи страшныхъ крымскихъ татаръ къ Москвѣ; а теперь гонецъ за гонцомъ являлся въ Петербургъ къ императрицѣ съ донесеніями о необыкновенныхъ успѣхахъ Долгорукаго; на разсвѣтѣ пріѣдетъ одинъ, въ полдень другой, предъ закатомъ солнца третій.

Успѣхи русскихъ въ войнѣ съ турками отозвались въ Польшѣ. Сначала Поляки и самъ король Станиславъ, въ надеждѣ на турокъ, отказались исполнить послѣднее постановленіе о равенствѣ православныхъ съ католиками и принуждены были дорого поплатиться за это, должны были уступить Россіи Бѣлоруссію да Пруссіи и Австріи отдать нѣсколько областей. Это было въ 1773 году; а въ слѣдующемъ 1774 году кончилась и турецкая война миромъ въ Кучукъ-Кайнарджи: Россія получила Азовъ, двѣ важныя крѣпости при выходѣ изъ Азовскаго моря въ Черное— Керчь и Еникале, да третью Кинбурнъ при выходѣ въ Черное море изъ залива, который при днѣпровскомъ устьѣ; всѣ эти мѣста были теперь важны потому, что по мирному договору русскіе купеческіе корабли могли свободно плавать изъ Чернаго моря въ Средиземное; разумѣется, мѣшалъ этому Крымъ, но въ мирномъ договорѣ было также постановлено, что Крымъ будетъ совершенно независимъ отъ Турціи, а безъ турецкаго покровительства Крымъ былъ очень слабъ передъ Россіею, мѣшать ничему не могъ. Румянцевъ за свои побѣды, за то, что проложилъ дорогу рус-

скому войску за Дунай, получилъ славное прозванiе Задунайскаго, Долгорукiй — Крымскаго, Орловъ — Чесменскаго.

Въ то время, когда русскiя войска были еще заняты въ областяхъ турецкихъ, на восточной степной границѣ, на рѣкѣ Яикѣ, или Уралѣ, въ 1773 году казакъ Емельянъ Пугачевъ поднялъ бунтъ, выдавая себя за императора Петра III. Дѣло было не новое въ казацкихъ степяхъ, откуда въ смутное время вышла цѣлая толпа самозванцевъ, гдѣ буйствовалъ Разинъ въ XVII вѣкѣ, Булавинъ при Петрѣ Великомъ; только теперь главное мѣсто бунта было перенесено подальше, вмѣсто Дона казаки волновались за Волгою, на Уралѣ. Они воспользовались тѣмъ, что въ этихъ мѣстахъ не было войска, воспользовались турецкою войною и сначала имѣли успѣхъ. Пугачевъ побралъ маленькiя крѣпости, взялъ изъ нихъ пушки, и войско его отъ 300 человѣкъ увеличилось до 25.000; кромѣ яицкихъ казаковъ, Татары, Башкирцы, Калмыки, бѣглые крестьяне, каторжники и всякiй сбродъ составляли этой войско. Отъ главнаго войска отдѣлялись шайки и ходили въ разныя стороны, истребляя помѣщиковъ, поднимая противъ нихъ крестьянъ. Но какъ ни были велики нестройныя толпы Пугачева, все же онѣ не могли устоять, когда императрица отправила противъ нихъ распорядительныхъ начальниковъ, сперва Александра Ильича Бибикова, а по смерти его Петра Ивановича Панина, когда явилось и войско съ хорошими предводителями, между которыми особенно отличился Михельсонъ; но бѣда была въ томъ, что надобно было вести войну на обширныхъ, мало населенныхъ пространствахъ, очень трудно было угоняться за Пугачевымъ, особенно зимою; разобьютъ его здѣсь, а онъ явится въ другой сторонѣ опять съ большимъ войскомъ. Въ 1774 году Михельсонъ четыре раза разбилъ его, а онъ ушелъ за рѣку Каму, подошелъ къ Казани и сжегъ ее; Михельсонъ нагналъ его тутъ, поразилъ опять, а онъ ушелъ на эту сторону Волги, взялъ Пензу, Саратовъ и пошелъ внизъ по Волгѣ.

Михельсонъ нагналъ его и нанесъ окончательное пораженіе; но Пугачевъ все же ушелъ. Въ это время пріѣхалъ къ войску Суворовъ и пустился въ степь искать Пугачева. Самозванецъ былъ теперь отовсюду окруженъ войсками правительства; сообщники отчаялись и выдали его; Пугачева привезли въ Москву и казнили.

Когда война прекратилась, опять стало можно императрицѣ заниматься внутренними дѣлами. Устроена была судьба дворянскаго сословія. Мы видѣли, что прежде дворяне, получая помѣстье отъ государя, обязаны были служить, пока были въ силахъ. Такъ какъ войско не было постоянно въ сборѣ для ученья, то дворяне въ мирное время жили по деревнямъ своимъ. Когда при Петрѣ Великомъ войско было преобразовано, стало всегда находиться подъ ружьемъ, въ ученьи, то дворяне должны были постоянно находиться при войскѣ; и тѣ, которые поступали въ гражданскую службу, также были на ней постоянно, отставокъ имъ не давали, развѣ за старостью и болѣзнями. При императрицѣ Аннѣ срокъ службы дворянской былъ сокращенъ, именно 25 лѣтъ, а по распоряженію императора Петра III дворяне получили свободу служить и не служить вовсе. Но люди были надобны на службу военную и гражданскую; Екатерина II не хотѣла принуждать дворянъ къ службѣ, но хотѣла привлечь ихъ къ тому другими побужденіями. Она дала имъ грамоту, гдѣ вычислены ихъ права; они могли служить и не служить, но неслужащіе дворяне въ каждой губерніи и уѣздѣ составляли собранія, которыя выбирали изъ себя членовъ въ разныя почетныя должности и разсуждали о дѣлахъ своего сословія; присутствовать въ собраніи могъ каждый дворянинъ, но участвовать въ выборахъ могъ только тотъ, кто въ государственной службѣ дослужился до офицерскаго чина: это и должно было заставить дворянина служить.

Въ одно время съ дворянскою грамотой издано было Городовое положеніе, которое для городскихъ жителей,

купцовъ и мѣщанъ дополняло устройство, данное имъ Петромъ Великимъ. Екатерина II исполняла намѣренія Петра Великаго и относительно управленія областями, и относительно устройства судовъ. Петръ Великій, какъ мы видѣли, раздѣлилъ Россію на губерніи; но этихъ губерній было немного и были онѣ очень велики; Екатерина II раздѣлила Россію на 50 губерній, при чемъ главное вниманіе обращалось на число жителей: каждая губернія заключала въ себѣ отъ 300 до 400.000 жителей и раздѣлялась на уѣзды въ 20 и 30.000 душъ. Петръ Великій не хотѣлъ, чтобы одинъ человѣкъ управлялъ и судилъ; но тогда людей было очень мало, и онъ не могъ исполнить свое желаніе. Теперь людей стало больше, и Екатерина II отдѣлила въ губерніяхъ управленіе отъ суда; судебныя мѣста были отдѣлены отъ губернскихъ правленій и мѣстъ, которыя завѣдывали доходами и расходами; кромѣ того, судъ гражданскій отдѣленъ отъ уголовнаго, явились особыя мѣста: казенная палата, палата гражданскаго суда, уголовная палата. Для устройства школъ, богадѣленъ и сиротскихъ домовъ учреждены по губерніямъ приказы общественнаго призрѣнія.

ЧТЕНІЕ XVI.

Объ училищахъ и писателяхъ русскихъ при Екатеринѣ II.—О второй Турецкой, Шведской и двухъ Польскихъ войнахъ при ней.—О царствованіи императора Павла Петровича.

До временъ Екатерины II по городамъ, кромѣ столицъ, не было училищъ для всѣхъ, за очень немногими исключеніями; Екатерина положила основать въ большихъ городахъ главныя народныя училища, а въ уѣздныхъ малыя; для этихъ училищъ были составлены очень хорошіе по тому времени учебники; впрочемъ, главныя народныя учи-

лища или, по нашему, гимназіи успѣли открыть въ немногихъ городахъ; а если еще не было достаточнаго числа училищъ, которыя бы приготовляли хорошихъ студентовъ, то не нужно было и много университетовъ; потому при Екатеринѣ II не было учреждено новыхъ университетовъ, оставался одинъ старый Московскій. Между тѣмъ для охотниковъ читать увеличилось число русскихъ книгъ, увеличилось число русскихъ писателей, къ которымъ принадлежала и сама императрица. Желая хорошо воспитывать свой народъ, смягчить его нравы, уменьшить число преступленій и наказаній, Екатерина II сочиняла для дѣтей нравоучительныя сказки, для взрослыхъ историческія представленія, гдѣ выводила знаменитыхъ людей древняго времени и заставляла ихъ своими дѣйствіями и словами учить добру; если она замѣчала вредныхъ людей, то сочиняла комедіи, гдѣ выставляла этихъ людей въ смѣшномъ видѣ; она знала, что если разъ надъ чѣмъ-нибудь посмѣялись, то этому подражать уже не будутъ. И другіе писатели Екатерининскаго времени твердили въ своихъ сочиненіяхъ, что мало выучить человѣка разнымъ наукамъ, надобно, главное, хорошо его воспитать, сдѣлать честнымъ человѣкомъ. Изъ прежнихъ писателей Ломоносовъ не долго жилъ при Екатеринѣ II-й: онъ умеръ въ 1765 году; но Сумароковъ пережилъ его двѣнадцатью годами и десять лѣтъ не переставалъ писать съ прежнимъ успѣхомъ между современниками; но между потомками больше знаменитъ другой писатель Екатерининскаго времени, фонъ-Визинъ. Въ своихъ комедіяхъ фонъ-Визинъ осмѣиваетъ съ одной стороны пороки и грубость нравовъ, оставшіеся отъ старины, а съ другой стороны выставляетъ на позоръ людей, которые не исполняли желанія Петра Великаго и вмѣсто того, чтобы перенимать у иностранцевъ одно полезное, знанія, искусства, вмѣсто того, чтобы становиться лучшими отъ образованности, не переставая быть русскими людьми, уважая и любя больше всего свое и своихъ,—вмѣсто этого стали перенимать у иностранцевъ только наружное, упо-

треблять кстати и некстати чужой языкъ и презирать свой народъ и все свое, не разбирая, что хорошо, что дурно. Противъ старинной грубости нравовъ и невѣжества фонъ-Визинъ написалъ свою знаменитую комедію «Недоросль»; а противъ пороковъ новаго времени, противъ безсмысленнаго перениманія чужого написалъ комедію: «Бригадиръ». Изъ стихотворцевъ Екатерининскаго времени первое мѣсто занимаетъ Державинъ, который въ великолѣпныхъ одахъ прославлялъ знаменитыя событія своего времени.

Императрица Екатерина оставила по себѣ не одни только тѣ сочиненія, о которыхъ мы говорили; она оставила сочиненія и по русской исторіи, которою занималась очень усердно, любила читать старинныя лѣтописи, и поэтому мудро поступала, зная, какъ что произошло, зная, что свое и что чужое, что надобно сохранить или пріобрѣсти, и что можно уступить. Довольно было сдѣлано при ней и другими для русской исторіи. Мы уже упоминали, что при Петрѣ Великомъ трудами своими по горному дѣлу отличался Татищевъ, Василій Никитичъ; этотъ Татищевъ былъ обязанъ своимъ образованіемъ Петру Великому, который посылалъ его за границу учиться; по возвращеніи изъ-за границы онъ при Петрѣ и послѣ Петра служилъ по горному вѣдомству, потомъ управлялъ оренбургскимъ краемъ, наконецъ былъ астраханскимъ губернаторомъ; но при этихъ занятіяхъ Татищевъ успѣвалъ заниматься и русскою исторіею; онъ составилъ сводъ лѣтописей и написалъ къ нимъ примѣчанія. Этотъ важный трудъ не былъ напечатанъ при его жизни, не умѣли его оцѣнить какъ слѣдуетъ; но при Екатеринѣ II оцѣнили и напечатали. Кромѣ того, князь Щербатовъ написалъ подробную древнюю русскую исторію; такъ какъ иностранные писатели отзывались очень дурно о нашей исторіи, то нашелся русскій человѣкъ съ большимъ дарованіемъ, который сталъ защищать ее: то былъ генералъ Болтинъ. Сначала, разумѣется, занимались древнею русскою исторіею, о ней толковали и спорили; но въ царствованіе Екатерины II собрано было мно-

жество извѣстій о дѣлахъ Петра Великаго: это сдѣлалъ одинъ трудолюбивый человѣкъ Голиковъ и издалъ подъ названіемъ: «Дѣянія Петра Великаго». Изданіемъ историческихъ бумагъ, журналовъ и книгъ былъ знаменитъ также Новиковъ.

Середина царствованія Екатерины II, отъ 1775 до 1787 года, прошла спокойно, и Екатерина воспользовалась этимъ спокойствіемъ, много сдѣлала полезнаго, какъ мы видѣли. Съ 1787 года опять начинается война съ Турціею. Причиною былъ Крымъ, который по Кучукъ-Кайнарджійскому миру былъ объявленъ независимымъ. Но Татары не умѣли быть независимы. Турки не хотѣли отказываться отъ своего прежняго господства въ Крыму, и имъ было легко имѣть тамъ вліяніе, потому что они съ Татарами были одной магометанской вѣры и султанъ турецкій считался главою всего магометанства; Россія, разумѣется, не могла спокойно смотрѣть на то, что независимость Крыма была только мнимая; нашлись и изъ Татаръ люди, которые не хотѣли подчиняться турецкому вліянію, хотѣли разныхъ полезныхъ перемѣнъ, хотѣли выйти изъ прежняго грубаго состоянія и потому хотѣли сближенія съ Россіею. Такимъ образомъ составились здѣсь двѣ партіи—турецкая и русская, и начали бороться другъ съ другомъ; ханы возводились на престолъ и свергались, смотря по тому, какая партія возьметъ верхъ; Россія должна была поддерживать хановъ, ей преданныхъ, Турція поддерживала своихъ. Императрица нашла невозможнымъ кончить эту неурядицу иначе, какъ присоединеніемъ Крыма къ Россіи, что и было сдѣлано въ апрѣлѣ 1783 года совершенно спокойно, потому что послѣдній ханъ самъ отказался отъ престола. Такимъ образомъ покончилось послѣднее татарское царство. Вспомнимъ, какъ началось русское государство и что оно должно было вытерпѣть отъ кочевыхъ, хищныхъ народовъ, которые занимали всю юго-восточную часть нынѣшней Россіи: земледѣльцу нельзя было выѣхать въ поле работать: откуда ни возьмется Половчинъ,

убьетъ его, плѣнитъ семью; купцамъ нельзя было проѣхать Днѣпромъ изъ Греціи въ Кіевъ; сами князья съ войскомъ должны были встрѣчать и провожать ихъ, чтобы Половцы ихъ не пограбили. И отъ Половцевъ житья не было, а тутъ пришли Татары и запустошили Россію, особенно южную, наконецъ наложили на нее дань, заставили русскихъ князей ѣздить къ себѣ въ орду и кланяться своимъ ханамъ. Мало-по-малу Россія собралась около Москвы, освободилась отъ Татаръ и взяла ихъ царства, Казанское, Астраханское, Сибирское; но самое злое татарское царство Крымское оставалось, и не было отъ него покоя; сама Москва не разъ видѣла крымскихъ Татаръ подъ своими стѣнами, горѣла отъ нихъ, а что доставалось отъ нихъ пограничнымъ городамъ и селеніямъ? Сколько русскаго народа было выведено ими въ плѣнъ, продано на азіатскихъ рынкахъ и погибло безъ вѣсти! Только при Петрѣ Великомъ перестали посылать изъ Москвы въ Крымъ ежегодную дань въ видѣ подарковъ; но пока Крымъ существовалъ, широкая пустыня должна была находиться между нимъ и Россіею, потому что никто не смѣлъ селиться здѣсь, боясь хищныхъ Татаръ. Наконецъ Крымъ былъ взятъ, господство хищныхъ степняковъ въ Европѣ кончилось, и гдѣ прежде не видно было жилья человѣческаго, тамъ вдругъ явились большіе, богатые города; гдѣ жили прежде одни только дикіе звѣри, тамъ процвѣтало земледѣліе, и пустыня стала житницею для чужихъ странъ, явилась новая Россія, три губерніи—Екатеринославская, Херсонская и Таврическая (потому что Крымъ назывался въ старину Тавридою). Главнымъ помощникомъ императрицы Екатерины въ этомъ великомъ дѣлѣ присоединенія Крыма и созданія Новой Россіи былъ Григорій Александровичъ Потемкинъ, который за то и получилъ названіе князя Таврическаго; Потемкинъ завелъ и черноморскій или севастопольскій флотъ.

Турція на первыхъ порахъ признала присоединеніе Крыма къ Россіи; но, разумѣется, не могла оставаться спо-

койною, особенно когда съ разныхъ сторонъ начали толковать ей, какъ опасно для нея усиленіе Россіи, какъ необходимо положить ему предѣлъ, и въ 1787 году Турція, надумавшись и собравшись съ силами, вдругъ объявила войну Россіи. Россія была застигнута врасплохъ; бѣда пошла за бѣдой; неурожай, дороговизна, болѣзни въ войскѣ; страшная буря разбила новорожденный севастопольскій флотъ. Чтобы успѣшнѣе дѣйствовать противъ Турціи, не имѣть помѣхъ въ Австріи, императрица Екатерина заключила съ нею союзъ; за это разсердились Пруссія и Англія и стали вредить Россіи. Императрица предложила союзъ Польшѣ; но Польша отвергла предложеніе и передалась на сторону враговъ Россіи, заключила союзъ съ Пруссіею; наконецъ шведскій король Густавъ III безо всякой причины объявилъ войну Россіи: онъ хотѣлъ воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Россіи, напасть на Петербургъ, около котораго не было войска, и заставить Екатерину II-ю уступить Швеціи завоеванія Петра Великаго. Положеніе Россіи было крайне тяжелое; но императрица Екатерина не упала духомъ и писала Потемкину: «Прошу ободриться и подумать, что бодрый духъ и неудачу поправить можетъ». Она приказала вести противъ Турокъ наступательную войну; Потемкинъ осадилъ Очаковъ, который и былъ взятъ 6 декабря 1788 года. Въ слѣдующемъ году Суворовъ одержалъ побѣду при Фокшанахъ и особенно блистательную побѣду при рѣкѣ Рымникѣ, за что и получилъ прозваніе Рымникскаго. На сѣверѣ опасность отъ Шведовъ произвела сильное одушевленіе въ народѣ: дворяне, города, села добровольно выставляли рекрутовъ; Густавъ III увидалъ, что не можетъ имѣть никакого успѣха въ войнѣ, и въ августѣ 1790 года заключилъ миръ, ни пріобрѣтя ни одной сажени земли отъ Россіи; миръ этотъ называется Верельскимъ, потому что заключенъ въ Верельской долинѣ, на берегахъ рѣки Кюмени. Осталась одна турецкая война; въ 1790 году Суворовъ взялъ приступомъ сильную крѣпость Измаилъ

недалеко отъ Дуная и въ слѣдующемъ году Турки должны были согласиться на миръ, который и былъ заключенъ въ Яссахъ: Крымъ былъ утвержденъ за Россіею и сѣверный берегъ Чернаго моря былъ закрѣпленъ за нею пріобрѣтеніемъ Очакова и лежащей около страны.

Оставалось покончить съ Польшею, которая сильно обнаружила свою вражду къ Россіи въ послѣднее время, воспользовавшись ея затруднительнымъ положеніемъ. Теперь обстоятельства были благопріятны для Россіи: въ Польшѣ боролись двѣ партіи вельможъ, изъ которыхъ одна сама обратилась къ императрицѣ Екатеринѣ съ просьбою о помощи; Пруссія, которая сначала обѣщала Полякамъ защиту и этимъ ободрила ихъ дѣйствовать враждебно противъ Россіи, теперь обратилась противъ нихъ же; русскому войску не стоило большого труда пройти до Варшавы и занять ее; война кончилась въ 1793 году тѣмъ, что Россія получила еще старыя русскія земли, нынѣшнія губерніи Минскую, Волынскую и Подольскую; Пруссія взяла также значительныя польскія земли. Поляки не хотѣли равнодушно переносить этихъ потерь и въ 1794 г. напали врасплохъ на русскій отрядъ, оставшійся въ Варшавѣ, и истребили изъ него больше 2.000 человѣкъ. Они объявили войну и Россіи, и Пруссіи, и сначала Русскіе съ Пруссаками дѣйствовали вмѣстѣ; прусскимъ войскомъ командовалъ самъ король Фридрихъ Вильгельмъ II, а русскимъ генералъ Ферзенъ; но прусскій король скоро ушелъ, узнавши, что сзади его вспыхнуло возстаніе въ польскихъ областяхъ, принадлежавшихъ Пруссіи. Тогда Русскимъ однимъ надобно было оканчивать дѣло. Въ Польшѣ явился Суворовъ, которому должно было соединиться съ Ферзеномъ и итти прямо къ Варшавѣ; польскій главнокомандующій Косцюшко хотѣлъ помѣшать этому соединенію и поспѣшилъ напасть на Ферзена при мѣстечкѣ Мацѣевицахъ, въ 12 миляхъ отъ Варшавы, 30 сентября 1764 года; здѣсь Поляки потерпѣли страшное пораженіе: Косцюшко, бросивъ свою саблю, сказалъ: «Конецъ Польшѣ!» и былъ

взятъ въ плѣнъ. Послѣ этого Суворовъ соединился съ Ферзеномъ, пошелъ къ Варшавѣ и взялъ ея предмѣстіе, Прагу. Этимъ война кончилась; у Польши не оставалось больше никакихъ силъ: король Станиславъ Августъ отказался отъ престола и переѣхалъ въ Петербургъ; Россія получила Литву и Курляндію, а польскія земли разобрали Пруссія и Австрія.

Такъ императрица Екатерина II покончила свое славное дѣло, дѣло присоединенія Западной Россіи. При великомъ князѣ Іоаннѣ Даниловичѣ Калитѣ начала собираться русская земля около Москвы; но собиралась только Россія Восточная, а Западная была охвачена Литвою и Поляками; съ великаго князя Іоанна III Васильевича начала понемногу и Западная Россія присоединяться къ Восточной; потомъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ присоединялась значительная ея часть, и царь Алексѣй уже принялъ титулъ «Всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца»; но это былъ только титулъ, а Екатерина II-я дѣйствительно стала государынею Всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи. Важно было не то, что Россія распространилась, пріобрѣла обширныя земли, важно было то, что эти земли были старинныя Русскія, населенныя русскимъ православнымъ народомъ, который избавился отъ католическихъ гоненій, избавился отъ бѣды перестать быть Русскимъ, ополячиться. Екатерина II любила давать славныя прозванія своимъ полководцамъ, но самой ей принадлежитъ славное прозваніе Собирательницы Русскихъ земель. Мало того, что Екатерина собрала старыя русскія земли, стала дѣйствительно государынею и Малыя и Бѣлыя Россіи, она создала еще Новую Россію; изъ обширной пустыни, гдѣ съ незапамятныхъ поръ не было никакой безопасности для мирнаго человѣка, сдѣлала богатую житницу, гдѣ въ короткое время могъ вырасти такой богатый и многолюдный городъ, какъ Одесса. Петръ Великій далъ Россіи Балтійское море, а Екатерина II—Черное, которое въ старину называлось Русскимъ.

Знаменитая пріобрѣтательница Русскихъ земель и русскаго моря кончила свою славную жизнь 6 ноября 1796 года. Вступившій послѣ нея на престолъ сынъ ея, императоръ Павелъ Петровичъ, сначала хотѣлъ было царствовать мирно; но тогдашнія обстоятельства въ Европѣ не могли ему этого позволить. Еще съ 1789 года во Франціи начались смуты, дошедшія до того, что король былъ свергнутъ и умерщвленъ, братья его и множество знатныхъ людей принуждены были бѣжать; Французы учредили у себя республику. Австрія, Пруссія, Испанія, хотѣвшія было остановить ихъ, были побѣждены; сосѣднія страны—Нидерланды, Швейцарія, Италія—были завоеваны, и по всему было видно, что республика во Франціи долго не продержится, что власть перейдетъ въ руки самаго побѣдоноснаго изъ генераловъ, а такимъ былъ Наполеонъ Бонапартъ. Бонапартъ, прославившись побѣдами своими надъ Австріею, отправился моремъ на завоеваніе Египта; Египетъ принадлежалъ Турціи, Турція стала просить Россію о защитѣ, и Русскій флотъ пошелъ къ ней на помощь, а къ началу 1799 года составился союзъ изъ Россіи, Австріи, Англіи и Турціи, чтобы остановить успѣхи Французовъ, принудить Францію войти въ прежнія границы и этимъ возстановить въ Европѣ прочный миръ.

Чтобы выгнать Французовъ изъ Италіи, пошло туда русское войско подъ начальствомъ графа Александра Васильевича Суворова-Рымникскаго. Это былъ самый знаменитый изъ генераловъ, оставшихся отъ Екатерининскаго царствованія. Мы видѣли, что, начавши службу при императрицѣ Елисаветѣ, Суворовъ особенно прославился при Екатеринѣ въ войнахъ съ Турками и Поляками. Онъ отличался тѣмъ, что умѣлъ вѣрно разсчитать, гдѣ надобно нанести ударъ, какъ появиться внезапно передъ непріятелемъ, напасть на него смѣло и рѣшительно; правила свои онъ выражалъ тремя словами: глазомѣръ, быстрота, натискъ. Суворовъ умѣлъ также пріобрѣсти любовь солдатъ въ высшей степени: этому помогали необыкно-

венная его простота и умѣренность въ жизни, простота въ обращеніи, шутки и прибаутки, чудачество, при чемъ однако Суворовъ умѣлъ быть строгимъ, когда требовалъ исполненія служебныхъ обязанностей.

Весною 1799 года Суворовъ пріѣхалъ къ арміи въ сѣверную Италію и началъ дѣло тѣмъ, что разбилъ Французовъ въ трехдневномъ бою на берегахъ рѣки Адды, послѣ чего занялъ два главные города сѣверной Италіи, Миланъ и Туринъ, и въ полтора мѣсяца почти вся эта страна была уже очищена отъ Французовъ. На помощь своимъ пошелъ изъ южной Италіи французскій генералъ Макдональдъ; Суворовъ напалъ на него на рѣкѣ Треббіи. Было начало іюня, жаръ страшный, итальянскій, къ которому русскіе солдаты не привыкли; два дня бились они и едва могли держаться отъ зноя. Суворовъ самъ лежалъ въ истомленіи у большого камня; къ нему подъѣхалъ одинъ генералъ и сталъ говорить, что войско не можетъ болѣе выдерживать, надобно отступать. Суворовъ отвѣчалъ ему: «Попробуйте сдвинуть этотъ камень... не можете?.. ну такъ и Русскіе не могутъ отступать». Семидесятилѣтній старикъ поднялся, сѣлъ на лошадь и появленіемъ своимъ заставилъ и солдатъ забыть усталость; Французы были отброшены за рѣку съ страшнымъ для нихъ урономъ. Покончивши съ Макдональдомъ, Суворовъ пошелъ на другого французскаго генерала Жубера, съ которымъ встрѣтился у Аппенинскихъ горъ подлѣ городка Нови; 4 августа произошла битва; Французы потерпѣли жестокое пораженіе, генералъ Жуберъ былъ убитъ; Русскіе взяли у непріятеля почти всѣ пушки и до 4.500 человѣкъ плѣнныхъ. Суворовъ за свой итальянскій походъ получилъ князя Италійскаго.

Побѣда при Нови была послѣднею побѣдой Суворова въ Италіи. Здѣсь теперь русскія войска и Суворовъ не были болѣе нужны, здѣсь и одни Австрійцы могли справиться съ Французами. Русскіе и Суворовъ были гораздо нужнѣе въ Швейцаріи, гдѣ французскій генералъ Массена билъ Австрійцевъ. Положено было, чтобы Суворовъ шелъ изъ

Италіи въ Швейцарію и соединился тамъ съ русскимъ генераломъ Римскимъ-Корсаковымъ. У Суворова было только 20.000 войска, у Корсакова 24.000, а у Французовъ 70.000; кромѣ того, Суворову надобно было переходить черезъ высочайшія горы; а русскій человѣкъ по горамъ лазить не привыкъ; наконецъ, время было уже осеннее, ненастное, сентябрь мѣсяцъ. Русскіе стали взбираться на высокую гору Сенъ-Готардъ, съ неимовѣрными усиліями, то подсаживали другъ друга, то упирались штыками. На гору взобрались, теперь надобно было спускаться, а внизу Французы. Къ счастію разостлался густой туманъ; Русскіе просто скатились съ горы на Французовъ и обратили ихъ въ бѣгство; но этотъ тяжелый переходъ чрезъ Сенъ-Готардъ стоилъ Суворову 2.000 человѣкъ. Бѣды этимъ не окончились, а только еще начались. Надобно было пролѣзать сквозь узкое и низкое отверстіе, пробитое въ утесахъ; надобно было проходить чрезъ знаменитый Чортовъ мостъ, перекинутый съ одного утеса на другой надъ бездною, на высотѣ 75 футовъ, и при этомъ нужно было сражаться, каждый шагъ покупать кровью. Наконецъ, пришли къ такому мѣсту, отъ котораго впереди были однѣ тропинки, въ позднее время года доступныя только смѣлымъ охотникамъ, привыкшимъ съ малолѣтства карабкаться по громаднымъ утесамъ и ледникамъ. Но Суворовъ во что бы то ни стало хочетъ итти дальше къ назначенному мѣсту, чтобы соединиться съ Римскимъ-Корсаковымъ и не отдать его на жертву Французамъ. Въ воздухѣ была сырая мгла, такъ что нельзя было ничего разсмотрѣть, что наверху, что внизу; солдаты лѣзутъ ощупью; обувь у нихъ избилась, сваливается съ ногъ; сухарные мѣшки совсѣмъ опустѣли, такъ что нечѣмъ подкрѣпить истощенныя силы; а тутъ страшныя вѣсти: Корсаковъ разбитъ Французами и отступилъ дальше; а побѣдитель его Массена собирается запереть Русскимъ дорогу. Массена былъ твердо увѣренъ, что Суворовъ съ своимъ 18-тысячнымъ войскомъ положитъ оружіе передъ непріятелемъ, котораго было 70.000. 18 сен-

тября Суворовъ собралъ военный совѣтъ и объявилъ, что съ тѣхъ поръ, какъ Петръ Великій былъ окруженъ Турками при рѣкѣ Прутѣ, никогда еще русское войско не находилось въ такомъ затруднительномъ положеніи, какъ теперь: «Мы среди горъ, говорилъ онъ; мы окружены непріятелемъ многочисленнымъ: что намъ дѣлать? Итти назадъ стыдно: никогда еще я не отступалъ; у насъ нѣтъ хлѣба, нѣтъ пушекъ, помощи ждать не отъ кого. Одна надежда на всемогущаго Бога да на храбрость войска. Мы Русскіе! Съ нами Богъ! Спасите честь Россіи и государя! спасите сына нашего императора!» потому что великій князь Константинъ Павловичъ находился при войскѣ. Генералы отвѣчали, что войско готово итти всюду, куда поведетъ великій полководецъ. Рѣшено было пробиваться силою, и пробились. 26 сентября Русскіе вышли изъ горъ въ самомъ печальномъ видѣ, изнуренные безпримѣрныхъ походомъ, продолжительнымъ голодомъ, ежедневными битвами, оборванные, босые, большая часть обоза погибла, не на чемъ было везти раненыхъ.

Суворовъ, выведшій войско изъ Швейцаріи, расположилъ его сначала въ Баваріи, а потомъ перевелъ въ Богемію и дожидался, куда прикажутъ ему направить походъ. Но императоръ Павелъ рѣшилъ прекратить войну, потому что былъ недоволенъ Австрійцами; онъ приписывалъ пораженіе Корсакова тому, что Австрійцы поспѣшили вывести свои войска изъ Швейцаріи и оставили Русскихъ однихъ, тогда какъ Французовъ было тамъ въ три раза больше. Суворовъ возвратился въ Петербургъ, гдѣ и умеръ 6 мая 1800 года. Между тѣмъ во Францію возвратился изъ Египта Наполеонъ Бонапартъ и овладѣлъ верховною властію, назвавши себя первымъ Консуломъ. Онъ очень обрадовался неудовольствію императора Павла на Австрію, сталъ искать мира съ Россіею и получилъ его. Скоро послѣ того императоръ Павелъ скончался, 11-го марта 1801 года. Самымъ важнымъ изъ его внутреннихъ постановленій было учрежденіе объ императорской фамиліи, которымъ опредѣлялся порядокъ преемства престола.

ЧТЕНІЕ XVII.

О царствованіи Императора Александра 1-го Павловича, до 1814 г.

Императоръ Павелъ Петровичъ оставилъ четырехъ сыновей—Александра, Константина, Николая и Михаила, изъ которыхъ старшій, Александръ Павловичъ, и вступилъ на престолъ. Въ началѣ его царствованія, въ 1801 году, учрежденъ былъ Государственный Совѣтъ, а въ слѣдующемъ году вмѣсто коллегій учреждены министерства. Приведено къ концу дѣло императрицы Екатерины II, повсюду учреждены народныя училища, и главныя изъ нихъ, находящіяся въ губернскихъ городахъ, названы гимназіями, а малыя—уѣздными училищами; кромѣ того, для первоначальнаго образованія учреждены приходскія училища. Основаны были три новыхъ университета—въ Казани, Харьковѣ, а потомъ въ Петербургѣ.

Между тѣмъ въ Европѣ продолжалось бурное время, одна война шла за другою, а Россія должна была принимать въ нихъ участіе. Мы видѣли, что во Франціи овладѣлъ верховною властію генералъ Наполеонъ Бонапартъ. Сначала онъ назывался первымъ Консуломъ, а потомъ принялъ титулъ императора. Такъ какъ Наполеонъ достигъ верховной власти потому, что былъ искусный полководецъ, прославился побѣдами, то чтобы удерживаться на престолѣ и привязывать къ себѣ войско, ему нужно было поддерживать и увеличивать свою военную славу, безпрестанно воевать, побѣждать, увеличивать свое государство; онъ завоевывалъ сосѣднія земли, свергалъ съ престола законныхъ государей и на ихъ мѣста сажалъ своихъ братьевъ и родственниковъ. Ни одинъ государь не считалъ себя безопаснымъ, если не хотѣлъ быть въ совершенной зависимости отъ Наполеона, исполнять все, что только онъ ни потребуетъ. Понятно, что государства, которыя поважнѣе, должны были соединяться, чтобы защищать свою свободу

и положить границы честолюбію Наполеона. Но бѣда была въ томъ, что сначала эти союзы не были общіе, не всѣ государства вдругъ соединялись противъ Франціи, и отъ этого Наполеонъ выходилъ каждый разъ побѣдителемъ, съ новою славою и съ новою добычею. Такъ, въ 1805 году поднялась противъ него Австрія; императоръ Александръ помогалъ ей, но какъ ни уговаривалъ онъ прусскаго короля Фридриха Вильгельма III вступить въ союзъ, тотъ не согласился, и вышло то, что война кончилась побѣдою Наполеона при Аустерлицѣ въ Моравіи, и Австрія должна была помириться на тяжелыхъ для себя условіяхъ. Тогда Наполеонъ сталъ очень неуважительно обходиться съ Пруссіею, думая, что она теперь одна не посмѣетъ вооружиться противъ него; Пруссія однако рѣшилась на это, надѣясь на свое войско и на помощь Россіи и Англіи; но теперь Австрія не хотѣла и не могла, послѣ недавней несчастной войны, пристать къ союзу. Прежде чѣмъ русское войско пришло на помощь, Наполеонъ, который отличался быстротою своихъ движеній, успѣлъ въ одинъ день уничтожить прусское войско, послѣ чего почти все прусское королевство было завоевано въ нѣсколько недѣль. Русскіе, пришедшіе на помощь Пруссакамъ, должны были теперь одни воевать съ Наполеономъ. Въ двухъ битвахъ, при Пултускѣ и Прейсишъ-Эйлау, они дали ему такой отпоръ, какого онъ прежде никогда не встрѣчалъ, и когда въ третьемъ сраженіи при Фридландѣ ему удалось взять верхъ, то онъ поспѣшилъ заключить миръ съ императоромъ Александромъ, имѣлъ съ нимъ личное свиданіе, оказывалъ къ нему знаки сильнаго уваженія и дружбы, обѣщалъ помогать въ исполненіи всѣхъ его намѣреній. Миръ былъ заключенъ въ городѣ Тильзитѣ въ 1807 году. Наполеонъ отнялъ у Пруссіи много земель, хотѣлъ притѣснять ее и еще больше, да императоръ Александръ отстоялъ. Изъ польскихъ земель, которыя раньше отошли къ Пруссіи, Наполеонъ составилъ герцогство Варшавское и отдалъ его союзнику своему, королю саксонскому, котораго онъ усиливалъ, чтобы имѣть

опору противъ Пруссіи и Австріи, а Россію хотѣлъ стращать Поляками, которые надѣялись, что онъ возстановитъ прежнюю Польшу, и думали, что въ образованіи герцогства Варшавскаго уже положено этому начало.

Война шла за войною. Только что кончилась французская война, началась шведская въ 1808 году. Русскіе завоевали всю Финляндію, а въ началѣ 1809 года по льду перешли черезъ Ботническій заливъ въ самую Швецію. Война кончилась въ этомъ же году миромъ въ Фридрихсгамѣ, по которому Россія пріобрѣла всю Финляндію до рѣки Торнео, также Аландскіе острова. Но долго тянулась война турецкая, которая началась еще въ 1806 году, благодаря тому же Наполеону, который уговаривалъ Турокъ воевать съ Россіею; благодаря ему же война и затягивалась, потому что самъ онъ послѣ Тильзитскаго мира овладѣлъ Испаніею и Португаліею, а не хотѣлъ, чтобъ Россіи досталось что-нибудь значительное отъ Турціи. Въ этой турецкой войнѣ отличился графъ Каменскій, который въ 1810 г. одержалъ надъ Турками блистательную побѣду при Батынѣ, недалеко отъ Рущука. Въ слѣдующемъ году Каменскій умеръ; начальство надъ войскомъ принялъ Кутузовъ; онъ заманилъ Турокъ на лѣвый берегъ Дуная и нанесъ имъ страшное пораженіе при Слабодзеѣ; турецкое войско было уничтожено, и султанъ согласился на миръ, который былъ заключенъ въ Бухарестѣ въ маѣ 1812 года; Россія пріобрѣла Бессарабію.

Бухарестскій миръ былъ очень выгоденъ для Россіи тѣмъ, что въ это время ей было не до Турокъ, она должна была готовиться къ войнѣ небывалой, къ войнѣ съ цѣлою Европой. Съ Наполеономъ императору Александру жить долго въ мирѣ было нельзя; Наполеонъ не могъ терпѣть равныхъ себѣ государей, ему хотѣлось, чтобъ всѣ государи ему повиновались и позволяли ему распоряжаться въ Европѣ какъ угодно. Мѣшали ему въ этомъ два государства: Россія да Англія. Англію достать ему было нельзя, потому что она на островѣ; Англія была сильна и богата

своимъ флотомъ, своею обширною торговлей во всѣхъ частяхъ свѣта, своими фабриками и заводами. Что же Наполеонъ придумалъ, чтобъ ослабить и разорить Англію? Такъ какъ всѣ государства въ Европѣ, кромѣ Россіи, или принадлежали ему, его братьямъ и родственникамъ, или боялись его и дѣлали все, что онъ хотѣлъ, то онъ всюду запретилъ пропускать англійскіе товары, произведенія англійскихъ фабрикъ, также колоніальные товары, сахаръ, кофе и прочіе, которые преимущественно Англія доставляла въ Европу; гдѣ только найдутъ англійскіе или колоніальные товары, привезенные тайкомъ, сейчасъ жгутъ, истребляютъ. И Россія при заключеніи Тильзитскаго мира обѣщала разорвать союзъ съ Англіею и не допускать англійскихъ кораблей въ свои гавани. И этого было уже очень много, потому что русская торговля сильно потерпѣла отъ прекращенія торговли съ Англіею. Но Наполеонъ требовалъ, чтобы Россія не пускала въ свои гавани кораблей и такихъ народовъ, которые вовсе не были въ войнѣ съ Франціею, напримѣръ, американскихъ кораблей, на томъ основаніи, что на этихъ корабляхъ могли привозиться англійскіе товары; однимъ словомъ, Наполеонъ требовалъ совершеннаго прекращенія русской морской торговли; требовалъ, чтобы въ Россіи пошлины на товары были такія же, какъ во Франціи. Императоръ Александръ велѣлъ отвѣчать ему, что онъ намѣренъ свято сохранять союзъ съ Франціею, но что пошлины и другія постановленія есть дѣло внутреннее, которымъ каждое государство распоряжается, смотря по тому, какъ выгоднѣе для его подданныхъ. Наполеонъ не могъ никакъ переносить такихъ отвѣтовъ, не могъ переносить, что есть страна, которой государь равенъ ему и можетъ не соглашаться на его требованія. Наполеонъ зналъ, что пока Россія была сильна, пока ея государь не подчинялся ему, до тѣхъ поръ у всѣхъ другихъ народовъ, притѣсненныхъ французами, особенно у нѣмцевъ, была надежда, что Россія поможетъ имъ избавиться отъ французовъ. Наполеону поэтому нуж-

но было отнять у нихъ эту послѣднюю надежду, нужно было ослабить и Россію точно такъ же, какъ ослабилъ Австрію и Пруссію, и заставить ее такъ же повиноваться себѣ, какъ повиновались ему эти страны, Австрія и Пруссія. До сихъ поръ онъ воевалъ съ Русскими на чужой землѣ, то на австрійской, то на прусской; а теперь, чтобы нанести Россіи самый чувствительный ударъ, чтобы заставить ее помириться на условіяхъ, какихъ ему хотѣлось, ему нужно было побѣдить русское войско въ самой Россіи; онъ привыкъ предписывать миръ государствамъ, овладѣвши ихъ столицами; поэтому ему хотѣлось овладѣть какой-нибудь русскою столицей, Москвой или Петербургомъ, если не обѣими вмѣстѣ. Дѣло было опасное, страна дальняя, суровая, мало извѣстная; но Наполеонъ надѣялся на то, что теперь у него будетъ войско со всей Европы и Россіи нельзя будетъ съ нимъ бороться, она испугается, станетъ просить мира и приметъ миръ, какой ему будетъ угодно дать ей.

Съ 1811 года Наполеонъ сталъ собираться на Россію. Лѣтомъ 1812 года онъ придвинулъ къ русскимъ границамъ 600.000 войска, въ которомъ были, кромѣ Французовъ, Итальянцы, Голландцы, Австрійцы, Пруссаки, ~~Нѣмцы всѣхъ остальныхъ нѣмецкихъ государствъ,~~ Испанцы, Португальцы, Поляки. 11 іюня Наполеоновская армія перешла рѣку Нѣманъ между Ковно и Гродно. Императоръ Александръ находился въ это время въ Вильнѣ; узнавъ о вторженіи непріятеля, онъ далъ приказъ войскамъ, въ которомъ говорилось: «Не нужно мнѣ напоминать вождямъ и воинамъ нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь Славянъ. Воины! вы защищаете вѣру, отечество, свободу. Я съ вами. На зачинающаго Богъ!» Тогда же императоръ Александръ объявилъ: «Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ».

Въ манифестѣ государя, изданномъ 6 іюля, русскіе люди читали: «Да встрѣтитъ непріятель въ каждомъ дворянинѣ

Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина. Соединитесь всѣ: со крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ». Русскіе люди немедленно откликнулись на этотъ призывъ. Въ Смоленскѣ дворянство заявило, что выставляетъ 20.000 ратниковъ для земскаго ополченія. 11-го іюля государь пріѣхалъ въ Москву: здѣсь дворянство опредѣлило выставить 80.000 ратниковъ и пожертвовало до трехъ милліоновъ деньгами, а купечество до десяти милліоновъ; и вообще въ Россіи выставлено было добровольно до 320.000 ратниковъ и пожертвовано не менѣе ста милліоновъ рублей денегъ.

Число настоящаго войска, которое Россія могла выставить вначалѣ противъ Французовъ, простиралось до 200.000 человѣкъ. Войско было раздѣлено на двѣ части: одна часть подъ начальствомъ генерала Барклая-де-Толли, а другая—князя Багратіона; потомъ обѣ части соединились. Жестокія битвы у Русскихъ съ Французами были въ началѣ августа мѣсяца за Смоленскъ. Генералы Раевскій, Дохтуровъ, Коновницынъ, Невѣровскій отлично отбивали непріятеля отъ этого города; но скоро не за что стало биться: отъ страшной стрѣльбы, отъ пожара Смоленскъ представлялъ груды развалинъ, Русскіе отступили и Французы заняли Смоленскъ; но здѣсь изъ 2250 домовъ уцѣлѣло только 350, улицы были завалены тѣлами убитыхъ и раненыхъ. Наполеонъ увидалъ, что война въ Россіи вовсе не такая, къ какой онъ привыкъ въ другихъ странахъ, и попытался завести мирные переговоры, толковалъ, что русскіе ему вовсе не враги, а императоръ Александръ другъ, что не стоитъ вести войны изъ-за кофе и сахара, что ничего не выйдетъ хорошаго, когда онъ займетъ Москву. Отвѣта ему не было никакого; а русское войско все отступало; что тутъ было дѣлать Наполеону? возвратиться нельзя,—стыдно; пошелъ дальше на Москву.

Императоръ Александръ назначилъ тогда одного главно-

командующаго надъ всѣмъ войскомъ, стараго, шестидесятисемилѣтняго генерала Михаила Иларіоновича Кутузова. Кутузовъ сталъ извѣстенъ какъ отличный генералъ при императрицѣ Екатеринѣ; его любили Румянцевъ и Суворовъ; недавно прославился онъ блистательнымъ окончаніемъ турецкой войны. 17 августа пріѣхалъ къ войску новый главнокомандующій: «Пріѣхалъ Кутузовъ бить Французовъ», говорили солдаты. Имъ тяжело было все отступать, хотя отступать и было нужно: и Кутузовъ сначала пошелъ назадъ, но остановился въ 108 верстахъ отъ Москвы, въ Можайскомъ уѣздѣ, у Бородина. Здѣсь 26 августа на разсвѣтѣ началось сраженіе, и къ вечеру, когда оно прекратилось, съ обѣихъ сторонъ, у Русскихъ и Французовъ, выбыло изъ строя болѣе 100.000 человѣкъ. Поле сраженія осталось за Русскими, и Кутузовъ хотѣлъ на другой день опять начать битву; но когда ночью сосчиталъ уронъ, то нашелъ, что биться нельзя, и велѣлъ отступать къ Москвѣ; Французы шли слѣдомъ.

Узнавъ о приближеніи непріятеля, московскіе жители стали покидать свои дома и уѣзжать, преимущественно на сѣверъ и востокъ; укладывались и увозились дорогія казенныя вещи, Оружейная палата, ризницы, архивы; Ярославская и Нижегородская дороги особенно были запружены обозами и экипажами, бѣдные шли пѣшкомъ, везли дѣтей на ручныхъ телѣжкахъ. 1 сентября русское войско расположилось на бивакахъ въ двухъ верстахъ отъ Москвы по Смоленской дорогѣ на Поклонной горѣ (съ которой путешественники, завидѣвъ Москву, кланяются ея святынѣ); на Поклонной горѣ сидѣлъ старикъ Кутузовъ; около него толпились генералы и толковали, что положеніе невыгодно, нельзя тутъ давать другого сраженія, Москву не спасти, только послѣднее войско погубится; вечеромъ въ деревнѣ Филяхъ, въ избѣ, гдѣ остановился Кутузовъ, держали военный совѣтъ и рѣшили—отдать Москву и войску перейти черезъ нее на Рязанскую дорогу. 2 сентября на разсвѣтѣ русскія войска начали переходить черезъ

Москву, а за ними слѣдомъ явились Французы. Наполеонъ, увидавши Москву съ Поклонной горы, сказалъ: «Такъ вотъ онъ, наконецъ, этотъ славный городъ». Подъѣхавъ къ заставѣ, Наполеонъ сошелъ съ лошади и прохаживался взадъ и впередъ, дожидаясь депутаціи; онъ по привычкѣ думалъ, что вотъ явятся къ нему самые знатные жители Москвы, поднесутъ ключи отъ города и будутъ говорить ему привѣтственныя рѣчи. Но онъ дожидался понапрасну; пришло нѣсколько иностранцевъ и объявили, что Москва пуста. Наполеонъ переночевалъ подъ городомъ, въ Дорогомиловской слободѣ, а на другой день, 3 числа, утромъ переѣхалъ въ Кремль и помѣстился во дворцѣ. Но еще наканунѣ, 2 числа, начались пожары, а въ ночь съ 3 на 4 число пламя охватило большую часть города; въ полдень 4-го числа пожаръ вспыхнулъ въ Кремлѣ, и Наполеонъ съ большимъ трудомъ выбрался за городъ и помѣстился въ Петровскомъ дворцѣ. Въ продолженіе трехъ сутокъ сгорѣло въ Москвѣ три четверти домовъ, большая часть церквей была разрушена или разграблена. Русскіе, не захотѣвшіе оставить Москву, натерпѣлись большихъ бѣдъ, почти всѣ были обобраны дочиста; хлѣба достать было негдѣ, и если гдѣ Французы прознаютъ хлѣбъ, сейчасъ отнимутъ; собирали овощи по огородамъ, доставали мокрую муку съ барокъ, сѣвшихъ на дно. Французы ѣли не вкуснѣе: у нихъ разложены были костры изъ дорогой мебели, подтапливались иконами, дорогими книгами и картинами, на кострахъ кипѣли котлы, въ которыхъ варилась конина; по улицамъ валялись головы сахару, мѣшки съ кофе, а хлѣба не было.

Приближеніе зимы, которую надобно было встрѣчать въ пустой, обгорѣлой Москвѣ, сильно безпокоило Наполеона. Онъ не зналъ, что это такое дѣлается, куда онъ зашелъ. Привыкъ онъ, что какъ скоро овладѣвалъ столицею государства, то война кончена, у него просятъ мира, соглашаются на всѣ его требованія; а тутъ занялъ онъ столицу, столица оказалась пустая и сейчасъ же сгорѣла, и ниот-

куда ни слуху, ни духу. Попробовалъ онъ опять предложить миръ императору Александру—отвѣта не было; попробовалъ пригрозить, что пойдетъ на Петербургъ,—нѣтъ отвѣта. Императоръ Александръ сказалъ своимъ, когда узналъ о потерѣ Москвы: «Я отращу себѣ бороду и лучше соглашусь жить въ Сибири, чѣмъ заключить миръ, подписать стыдъ отечества и добрыхъ подданныхъ, пожертвованія которыхъ умѣю цѣнить».

Мы видѣли, что Кутузовъ 2 сентября провелъ войско черезъ Москву на Рязанскую дорогу; но потомъ свернулъ на Калужскую и остановился при селѣ Тарутинѣ за рѣкою Нарою; онъ прикрылъ Калугу, гдѣ находились большіе склады съѣстныхъ припасовъ, Тулу, гдѣ оружейный заводъ, и удерживалъ свободное сообщеніе съ хлѣбородными губерніями. Здѣсь войско дожидалось, когда начнутся проводы незваныхъ гостей изъ Москвы; а между тѣмъ стали дѣйствовать партизаны: такъ назывались небольшіе, легкіе отряды войска, которые съ необыкновенной быстротой появлялись, исчезали, знали все и не упускали случая вредить непріятелю, главное—не давали ему собирать съѣстные припасы; изъ партизанскихъ вождей особенно прославились Давыдовъ, Фигнеръ и Сеславинъ. Кромѣ партизановъ, вставали крестьяне и также не упускали случая истреблять Французовъ. Особенно много ихъ было истреблено въ Сычовскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи, гдѣ жители дѣйствовали противъ непріятеля подъ начальствомъ майора Емельянова; въ Гжатскомъ уѣздѣ вооруженными крестьянами предводительствовалъ гусаръ Самусь. Были и мученики народнаго дѣла: Французы разстрѣляли смоленскихъ помѣщиковъ Энгельгарда и Шубина за то, что они участвовали въ народной войнѣ противъ нихъ. Крестьяне Вохневской волости села Павлова дѣйствовали противъ Французовъ на рѣкѣ Клязьмѣ подъ начальствомъ своего же крестьянина Курина.

Французамъ къ концу сентября приходилось все хуже и хуже въ Москвѣ: стрѣляли воронъ, ѣли кошекъ, лошади-

ную падаль, отъ чего начались болѣзни; наступили сырыя холодныя ночи, а погрѣться нельзя, дровъ нѣтъ, отъ этого опять болѣзни; а къ русскому войску при Тарутинѣ съ разныхъ сторонъ шли обозы; благодаря большимъ пожертвованіямъ, доставленнымъ жителями подмосковныхъ и южныхъ губерній, солдаты почти ежедневно имѣли мясо и вино. Съ каждымъ днемъ русская армія усиливалась, а непріятельская ослабѣвала. 3 октября Наполеонъ послалъ къ Кутузову съ мирными предложеніями; фельдмаршалъ донесъ объ этомъ императору, и тотъ отвѣчалъ: «Въ настоящее время никакія предложенія непріятеля не побудятъ меня прервать брань и тѣмъ ослабить священную обязанность отмстить за оскорбленное отечество».

Наступила пора русскому войску дѣйствовать. Верстахъ въ десяти отъ русскаго тарутинскаго лагеря, на рѣкѣ Чернишнѣ, стояла часть французскаго войска подъ начальствомъ зятя Наполеонова, Неаполитанскаго короля Мюрата; половина русскаго войска напала на Французовъ, опрокинула ихъ и отняла множество пушекъ. Наполеонъ, узнавши объ этомъ, отдалъ приказъ немедленно выходить изъ Москвы. Самъ онъ выѣхалъ изъ Москвы 7 октября, но оставилъ здѣсь одного изъ своихъ генераловъ съ приказаніемъ взорвать Кремль и зажечь всѣ общественныя зданія. Въ полночь на 11 октября запылалъ Кремлевскій арсеналъ и другія зданія, раздался страшный взрывъ, за которымъ слѣдовали еще шесть: разрушены были дворецъ, часть колокольни Ивана Великаго, арсеналъ, стѣны были повреждены во многихъ мѣстахъ; но соборы уцѣлѣли. 11 октября всѣ Французы ушли изъ Москвы.

Между тѣмъ Наполеонъ шелъ къ Калугѣ, и 11 октября Французы заняли Малоярославецъ; но къ этому же городу спѣшили Русскіе изъ Тарутина. 12 числа у нихъ съ Французами начался бой; Малоярославецъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки и наконецъ превратился въ кучу развалинъ. Послѣ этого Наполеонъ пошелъ по Смоленской дорогѣ; Русскіе преслѣдовали его съ тыла и бо-

ковъ. Генералъ Милорадовичъ поразилъ Французовъ при Вязьмѣ: атаманъ донскихъ казаковъ Платовъ—на рѣкѣ Вопи близъ Духовщины. Въ началѣ ноября было большое сраженіе подъ Краснымъ: здѣсь Русскіе взяли больше 26.000 плѣнныхъ и 126 пушекъ. Съ того же времени, съ ноября, наступили морозы и начали истреблять Французовъ—въ одну ночь замерзало до 300 человѣкъ. Наполеонъ спѣшилъ переправиться за рѣку Березину, но при этой переправѣ армія его потеряла 20.000 плѣнными, множество убитыми, почти всю артиллерію и обозы; морозы, доходившіе до 30 градусовъ, довершили истребленіе Французовъ. Не доѣзжая Вильны, Наполеонъ покинулъ ничтожные остатки своей арміи и уѣхалъ въ Парижъ.

Императоръ Александръ обѣщалъ не полагать оружія, пока ни одного непріятельскаго воина не останется въ его царствѣ. Теперь, къ концу 1812 года, ни одного непріятельскаго воина не было въ Россіи, кромѣ плѣнныхъ. Но императоръ Александръ не могъ и теперь положить оружія, потому что изгнаніемъ Французовъ изъ Россіи была сдѣлана только половина дѣла. Наполеонъ, получившій престолъ вслѣдствіе побѣдъ своихъ, считалъ войну, побѣды, завоеванія необходимыми, чтобы держаться на престолѣ; теперь онъ потерпѣлъ страшное пораженіе, покрылся безславіемъ и потому престолъ его былъ потрясенъ; чтобы удержаться на престолѣ, ему нужно было опять воевать, побѣждать, завоевывать, нужно было загладить свое пораженіе, заставить забыть о немъ; слѣдовательно, пока Наподенъ былъ на престолѣ, спокойствія для Европы и для Россіи быть не могло; прекратить теперь войну значило оставить Европу подъ владычествомъ Наполеона, значило оставить въ его рукахъ всѣ средства тревожить Россію, мстить ей за неудачу и позоръ. Другія государства, и самыя главныя—Пруссія, Австрія, такъ боялись Наполеона, что одни не могли тронуться, но готовы были встать, если бы русское войско явилось среди нихъ. И вотъ русскія войска 1 января 1813 года перешли границу, рѣку Нѣманъ,

и въ началѣ февраля дошли до рѣки Одера. Кутузовъ, получившій титулъ князя Смоленскаго за проводы Французовъ по Смоленской дорогѣ, умеръ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Главное начальство послѣ него принялъ князь Витгенштейнъ; но самъ императоръ Александръ постоянно находился при войскѣ. Пруссія перешла на сторону Россіи; Австрія немного помедлила, но потомъ также присоединилась къ Россіи и Пруссіи; кромѣ этихъ трехъ державъ, въ союзѣ были еще Англія и Швеція. Мы видѣли, что до двѣнадцатаго года Наполеонъ выходилъ всегда побѣдителемъ, потому что никогда не составлялось противъ него сильнаго союза, то одна Австрія съ Англіею, то одна Пруссія съ Россіею; но теперь, когда Наполеонъ потерпѣлъ такое пораженіе въ Россіи, когда страхъ передъ нимъ исчезъ и когда императоръ Александръ показалъ твердую рѣшимость биться съ нимъ до конца, то и составился такой сильный союзъ, съ которымъ Наполеону уже нельзя было сладить, хотя сначала онъ быстро набралъ новое войско, явился съ нимъ въ Германію и имѣлъ большіе успѣхи. Союзъ держался крѣпко, благодаря императору Александру, который умѣлъ ободрить при неудачѣ, уладить, согласить при разномысліи, поддержать твердость, вести дѣло до конца, не останавливаться на половинѣ дороги. 17 августа въ Богеміи при Кульмѣ французскій генералъ Вандамъ былъ пораженъ и взятъ въ плѣнъ, благодаря стойкости русскихъ войскъ, бывшихъ подъ начальствомъ графа Остермана-Толстого и Ермолова. Наконецъ, всѣ союзныя арміи соединились и дали Наполеону битву въ Саксоніи, при Лейпцигѣ. Бой продолжался три дня (4, 6 и 7 октября), билось полмилліона войска, составленнаго изъ разныхъ народовъ, гремѣло 2.000 пушекъ; Наполеонъ потерпѣлъ страшное пораженіе, потерялъ около половины своего войска и ушелъ во Францію. Германія была освобождена.

ЧТЕНІЕ XVIII.

О царствованіи Императора Александра 1-го съ 1814 года и о царствованіи Императора Николая Павловича.

Мы видѣли, что въ концѣ 1813 года, послѣ страшной Лейпцигской битвы, которую справедливо называютъ битвою народовъ, Французы должны были очистить Германію, а въ началѣ 1814 года войска союзныхъ государей уже перешли во Францію. Наполеонъ, съ остаткомъ своего войска, защищался упорно, но принужденъ былъ напослѣдокъ дать дорогу союзникамъ къ своей столицѣ, къ Парижу. Они подошли къ этому городу 17 марта, и послѣ жестокой битвы 18 числа, веденной преимущественно Русскими, Парижъ сдался. 19 марта императоръ Александръ, вмѣстѣ съ королемъ прусскимъ, торжественно вошелъ въ него; на Парижской площади былъ отслуженъ русскій благодарственный молебенъ за освобожденіе Европы, и вся Европа признавала, что этимъ освобожденіемъ была обязана русскому государю. Избавленіе не могло быть вѣрнымъ, пока Наполеонъ оставался во Франціи и назывался императоромъ Французовъ, и потому императоръ Александръ въ тотъ же день 19 марта объявилъ, что ни онъ, ни союзники его не намѣрены входить ни въ какіе переговоры съ Бонапартомъ и ни съ кѣмъ изъ его родственниковъ. Вслѣдствіе этого Французы провозгласили государемъ брата послѣдняго своего короля; Наполеонъ отрекся отъ престола, и ему дали во владѣніе небольшой островъ Эльбу подлѣ Италіи. Скоро однако онъ ушелъ съ острова Эльбы опять во Францію, возмутилъ здѣсь войско, вошелъ въ Парижъ и опять провозгласилъ себя императоромъ Французовъ; но былъ побѣжденъ, схваченъ Англичанами, когда хотѣлъ бѣжать въ Америку, и заточенъ на одинъ изъ африканскихъ острововъ, островъ св. Елены.

Императоръ Александръ не хотѣлъ за Москву мстить

надъ Парижемъ; Парижъ остался цѣлъ и невредимъ. Москва, отмщенная великодушіемъ въ Парижѣ, быстро оправлялась послѣ пожара и разоренія и становилась богаче и красивѣе прежняго. Послѣ недавней страшной бѣды и великой славы вспомнили старую бѣду и славу, вспомнили, какъ ровно за двѣсти лѣтъ до нашествія Французовъ Москва была захвачена Поляками и сожжена, какъ русскіе люди, видя такую бѣду, не отчаялись, но собрались къ Москвѣ и очистили ее и все государство отъ враговъ. Императоръ Александръ велѣлъ въ Москвѣ, на Красной площади, поставить памятникъ: на немъ представленъ Мининъ, зовущій князя Пожарскаго принять начальство надъ войскомъ и вести его на избавленіе Москвы и Россіи. Надпись на памятникѣ говоритъ: «Гражданину Минину и князю Пожарскому благодарная Россія».

И другой достойный памятникъ явился, памятникъ не Минину и Пожарскому только, а всѣмъ знаменитымъ людямъ древней Россіи: то была «Исторія Государства Россійскаго», сочиненіе Николая Михайловича Карамзина. Карамзинъ воспитался и началъ писать еще при императрицѣ Екатеринѣ и скоро сталъ первымъ русскимъ писателемъ по красотѣ и легкости своего языка, а въ царствованіе императора Александра I-го Карамзинъ посвятилъ свой талантъ написанію древней Русской Исторіи, которую довелъ до 1612 года. Въ царствованіе же Александра I-го началъ писать величайшій изъ русскихъ стихотворцевъ, Пушкинъ. Тогда же Крыловъ писалъ свои басни, которыя учатъ наизусть и долго будутъ учить наизусть русскія дѣти. Между ними есть одна, написанная по поводу событій двѣнадцатаго года: это басня «Волкъ на псарнѣ», гдѣ чрезвычайно живо представленъ Кутузовъ подъ видомъ стараго охотника, а Наполеонъ—подъ видомъ волка, который, попавшись къ врагамъ, старается завести съ ними мирные переговоры.

Послѣ сверженія Наполеона императоръ Александръ былъ главнымъ государемъ въ Европѣ; по его мысли всѣ

важнѣйшія дѣла между государствами должны были рѣшаться мирно, сообща, на съѣздахъ государей и министровъ ихъ; такіе съѣзды называются конгрессами. Конгрессовъ было нѣсколько въ разныхъ городахъ; но самый важный былъ въ Вѣнѣ въ 1814 и 1815 годахъ, на которомъ было рѣшено, какому государю чѣмъ владѣть послѣ французскаго разгрома, потому что у Франціи взяли всѣ ея послѣднія завоеванія и свели Наполеонову родню со всѣхъ престоловъ. На этомъ вѣнскомъ конгрессѣ было рѣшено герцогство Варшавское, которое составилъ Наполеонъ изъ польскихъ областей, принадлежавшихъ Пруссіи, и отдалъ саксонскому королю, присоединить къ Россійской имперіи подъ именемъ королевства или царства Польскаго. Императоръ Александръ хотѣлъ облагодѣтельствовать Поляковъ, далъ имъ особое управленіе и привелъ страну въ цвѣтущее состояніе, въ какомъ она до сихъ поръ никогда не бывала, усилились промыслы, торговля, разбогатѣли города; но Поляки все не были довольны и своими требованіями сильно огорчали императора, а между тѣмъ тайкомъ составлялись заговоры, какъ бы при первомъ удобномъ случаѣ отдѣлиться отъ Россіи.

Много заботы и печали было императору Александру также отъ Турокъ. Греки, бывшіе подъ ихъ властію съ половины XV вѣка, не хотѣли больше выносить тяжелаго ига иновѣрныхъ варваровъ и въ 1821 году поднялись въ Мореѣ и на островахъ архипелагскихъ. Турки разсвирѣпѣли и стали истреблять и тѣхъ грековъ, которые противъ нихъ не возставали; Константинопольскій патріархъ Григорій и два другихъ архіерея были распяты въ церкви въ самое Свѣтлое Воскресеніе. Россія начала вступаться за своихъ единовѣрцевъ, образумливать турокъ; но султанъ не хотѣлъ ничего слышать, онъ думалъ, что Россія-то и всему виною, что греки возстали съ ея вѣдома и согласія. Четыре года императоръ Александръ терпѣлъ; но по всему было видно, что безъ войны турокъ образумить никакъ нельзя; войны, однако, не было, потому что импе-

раторъ Александръ скончался во время пребыванія своего въ Таганрогѣ 19 ноября 1825 года. Онъ слыветъ въ исторіи подъ именемъ Александра Благословеннаго; ни одинъ русскій государь не имѣлъ такой силы въ дѣлахъ цѣлой Европы, и эту силу пріобрѣлъ онъ не покореніемъ народовъ, а ихъ избавленіемъ отъ французскаго, наполеоновскаго ига.

Императоръ Александръ не оставилъ по себѣ дѣтей; наслѣдникомъ престола считался старшій послѣ него братъ, цесаревичъ Константинъ Павловичъ, находившійся съ войскомъ постоянно въ царствѣ Польскомъ, въ Варшавѣ. Но онъ при жизни еще императора Александра отказался отъ престола, и потому вступилъ на него третій братъ, великій князь Николай Павловичъ. Съ самаго начала своего царствованія императоръ Николай I-й долженъ былъ вести одну за другою три войны. Первая война была персидская. Русскія владѣнія за Кавказскими горами распространялись не завоеваніемъ, а добровольнымъ подданствомъ грузинскихъ владѣльцевъ; персіянамъ, разумѣется, это не нравилось, и они нападали на новыя русскія владѣнія, за что и были съ ними войны при Екатеринѣ II-й и при Александрѣ I-мъ; въ обѣихъ войнахъ русскіе были побѣдителями; но персіяне не переставали спорить о границахъ. По вступленіи своемъ на престолъ императоръ Николай получилъ извѣстіе отъ генерала Ермолова, который начальствовалъ тогда на Кавказѣ, персіяне замышляютъ недоброе противъ Россіи, собираютъ войско. Лѣтомъ 1826 года персіяне дѣйствительно перешли границу и стремились къ главному городу Грузіи, Тифлису; но на дорогѣ имъ была крѣпость Шуша, которая такъ отлично оборонялась, что персіяне должны были простоять подъ нею больше полутора мѣсяца. Этимъ временемъ подоспѣло русское войско съ генераломъ Паскевичемъ, который сильно разбилъ персіянъ подъ Елисаветполемъ и прогналъ за границу. Въ слѣдующемъ 1827 году пришелъ русскимъ чередъ итти въ Персію. Персіяне надѣялись на

свою сильную крѣпость Эривань; но Паскевичъ взялъ ее, взялъ большой городъ Тавризъ и шелъ на столицу персидскую Тегеранъ; шахъ Персидскій испугался и въ 1828 года заключилъ миръ въ Туркманчаѣ, уступивъ Россіи двѣ области, Эриванскую и Нахичеванскую. Императоръ за персидскую войну далъ Паскевичу названіе Эриванскаго.

За персидскою войною слѣдовала турецкая. Между турками и греками все шла война и война страшная. Греки никакъ не хотѣли итти въ прежнюю неволю, а турки никакъ не хотѣли уступить имъ что-нибудь. Тогда лѣтомъ 1827 года Россія, Англія и Франція написали договоръ: предложить султану, пусть Греція остается подъ его властію, пусть платитъ ему ежегодную дань, но чтобы не было въ ней турецкихъ правителей и чтобы всѣ турки выселились изъ Греціи; если же султанъ на это не согласится, то воевать съ нимъ. Султанъ не согласился, и война началась тѣмъ, что три флота—русскій, англійскій и французскій—встрѣтились съ турецкимъ флотомъ при Наваринѣ и въ четыре часа истребили его. Это было въ октябрѣ 1827 г.

Сухопутная война началась въ слѣдующемъ году, и вся тяжесть ея пала на одну Россію. Русскія войска заняли Молдавію и Валахію и перешли Дунай въ присутствіи самого государя. Сильныя крѣпости Браиловъ и Варна были взяты. Съ другой стороны, въ Азіи графъ Паскевичъ взялъ знаменитыя турецкія крѣпости Карсъ и Ахалцыгъ. Въ слѣдующемъ 1829 году Паскевичъ поразилъ двѣ турецкія арміи и овладѣлъ важнымъ городомъ Арзерумомъ. Въ европейской Турціи графъ Дибичъ поразилъ главное турецкое войско при Кулевичѣ, гдѣ турки потеряли 5.000 человѣкъ убитыми, весь обозъ, пушки и знамена; а когда сдалась сильная крѣпость Силистрія, то Дибичъ перешелъ Балканскія горы и 8 августа занялъ Адріанополь, самый важный турецкій городъ послѣ Константинополя. И до Константинополя было уже очень недалеко. Тогда султанъ

Махмудъ испугался и сталъ просить мира. Прежде онъ не хотѣлъ дать Греціи особое управленіе, а теперь согласился, чтобы Греція была совершенно отъ него независима, и такимъ образомъ, благодаря Россіи, Греція освободилась отъ турецкаго ига и составила особое, независимое королевство. По Адріанопольскому же миру получили большія права Молдавія, Валахія и Сербія. Давши такъ много своимъ единовѣрцамъ и единоплеменникамъ, Россія почти ничего не взяла себѣ, потому что четыре крѣпости, уступленныя турками въ Азіи (Анапу, Поти, Ахалцыгъ и Ахалкалаки), нельзя считать за важное пріобрѣтеніе.

Осенью 1829 года заключенъ былъ Адріанопольскій миръ, а осенью слѣдующаго 1830 года польскіе заговорщики успѣли произвести возстаніе въ Варшавѣ. 17 ноября вечеромъ заговорщики ворвались во дворецъ, гдѣ жилъ великій князь Константинъ Павловичъ, умертвили нѣсколько близкихъ къ нему людей, но самъ онъ успѣлъ выйти изъ дворца и удалиться къ войску, находившемуся въ окрестностяхъ Варшавы. Польское войско перешло на сторону заговорщиковъ, и потому великій князь съ русскимъ войскомъ долженъ былъ оставить Польшу. Благоразумные, умѣренные поляки не хотѣли отдѣляться отъ Россіи, измѣнять Императору Николаю, не думали, что Польша можетъ сладить съ Россіею, не надѣясь на помощь чужихъ государствъ, но рьяные заговорщики не хотѣли ихъ слушаться и кричали, что польское королевство должно быть возстановлено въ прежнихъ границахъ, что Литва, Бѣлоруссія, Волынь, Подолія должны отойти отъ Россіи опять къ Польшѣ. Отправили въ Петербургъ повѣренныхъ къ императору съ разными предложеніями; но императоръ объявилъ имъ, что онъ не войдетъ въ переговоры съ бунтовщиками, у которыхъ оружіе въ рукахъ; если поляки требуютъ себѣ русскихъ земель, то онъ прежде всего русскій императоръ и не можетъ возвышать Польшу насчетъ Россіи. Такъ какъ въ Варшавѣ произошли убійства, покушались на жизнь великаго князя, то онъ, императоръ, какъ царь

польскій, обязанъ подавить возмущеніе и наказать преступниковъ. Тогда мятежники объявили въ Варшавѣ, что они больше не признаютъ императора Николая своимъ царемъ.

Русское войско вступило въ Польшу подъ начальствомъ графа Дибича, который за турецкую войну получилъ прозваніе Забалканскаго. Въ началѣ 1831 года въ окрестностяхъ Варшавы при селѣ Гроховѣ онъ побѣдилъ Поляковъ; русскія войска уже готовились брать Варшаву; но Поляки завели переговоры и воспользовались остановкою военныхъ дѣйствій, чтобъ поправиться и распространить возмущеніе по Литвѣ, на Волыни и Подоліи. Помогла имъ также холера, отъ которой умеръ графъ Дибичъ. Но возмутители не долго радовались; они были прогнаны изъ Литвы, изъ Волыни и Подоліи; начальство надъ русскимъ войскомъ императоръ поручилъ Паскевичу - Эриванскому, который подступилъ къ Варшавѣ; передъ приступомъ главнокомандующій послалъ сказать Полякамъ, что если они сейчасъ же признаютъ Императора своимъ королемъ и не будутъ требовать литовскихъ и западнорусскихъ губерній, то могутъ получить желаемыя имъ льготы. Поляки отвѣчали, что они подняли оружіе за независимость Польши, которая должна быть въ прежнихъ границахъ. «На подобныя вещи можно отвѣчать только пушечными выстрѣлами», сказалъ фельдмаршалъ. 25 августа подъ Варшавою раздалась пѣсня: «Ахъ, зачѣмъ было огородъ городить, ахъ, зачѣмъ было капусту садить!» Съ этою пѣснію Русскіе солдаты пошли на приступъ. 26 августа Варшава была взята; много Поляковъ бѣжало за границу, оставшіеся покорились безусловно, и война кончилась, графъ Паскевичъ-Эриванскій получилъ отъ государя новое прозваніе князя Варшавскаго. Польша вслѣдствіе мятежа потеряла свое прежнее управленіе, данное ей императоромъ Александромъ Павловичемъ, потеряла и свое войско.

Поляки, бѣжавшіе за границу, обрадовались въ 1848 году, когда по всей Европѣ пошли смуты. Имъ нельзя было ничего сдѣлать прямо въ Польшѣ, такъ они начали

дѣйствовать около, въ австрійскихъ владѣніяхъ, въ Дунайскихъ княжествахъ—Молдавіи и Валахіи; особенно сильное участіе приняли они въ возмущеніи Венгровъ противъ Австрійскаго императора: если Венгры успѣютъ побѣдить Австрію, думали они, то и мы успѣемъ побѣдить Россію. Чтобы разрушить эти замыслы, императоръ Николай ввелъ свои войска въ Дунайскія княжества, а въ 1849 году, по просьбѣ Австрійскаго императора, отправилъ къ нему на помощь войско противъ венгерскихъ повстанцевъ. Это войско спасло Австрію: 1-го августа главный венгерскій начальникъ Гергей сдался русскому генералу Редигеру съ 30.000 войска и 120 пушками.

Изъ внутреннихъ дѣлъ императора Николая Павловича важнѣе всего было изданіе Свода Законовъ. Послѣ Уложенія царя Алексѣя Михайловича, въ продолженіе почти 200 лѣтъ, накопилось множество постановленій, но они не были разобраны въ какомъ-нибудь порядкѣ, дѣйствующія не отдѣлены отъ недѣйствующихъ. Отъ этого происходили страшныя затрудненія и большія злоупотребленія; медленность въ рѣшеніи дѣлъ была чрезвычайная. По справкамъ оказалось, что въ разныхъ судахъ по всей Россіи накопилось 2,850,000 дѣлъ и 120,000 подсудимыхъ сидѣло въ заключеніи. Императоръ Николай Павловичъ въ самомъ началѣ своего царствованія обратилъ вниманіе на это дѣло и поручилъ вести его Михаилу Михаиловичу Сперанскому; въ 1833 году вышелъ Сводъ Законовъ дѣйствующихъ, а потомъ издано Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ.

На 1850 году, на половинѣ нынѣшняго вѣка мы остановимся. О восточной войнѣ, о славной защитѣ Севастополя и о дѣлахъ нынѣшняго царствованія *) потомки наши напишутъ много, много книгъ; но мы, современники, это хорошо знаемъ, а младшіе, которые чего не помнятъ, спросятъ у старшихъ, и тѣ имъ разскажутъ не по книгамъ, а какъ очевидцы.

---

*) Писано въ царствованіе Александра II-го.—*Изд.*,

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.







